

Свято-Сергиевский православный богословский институт в Париже

СВЯЩЕННИК ГЕОРГИЙ КОЧЕТКОВ

Тáинственное введение
в православную катехетику

Пастырско-богословские принципы и рекомендации
совершающим крещение и миропомазание
и подготовку к ним

*Диссертация на степень
maitrise de theologie*

Москва
1998

Священник Георгий Кочетков. **Та́инственное введение в правосла́вную катехетику.** Пастырско-богословские принципы и рекомендации совершающим крещение и миропомазание и подготовку к ним. *Диссертация на степень maitrise de theologie.*

Издание подготовлено Свято-Филаретовской московской высшей православно-христианской школой.
ЛР № 030655 от 17.07.95 г.

В оформлении использована мозаика «Чудесный улов рыбы» (церковь Св. Аполлинария в Равенне. VI в.)

© Священник Георгий Кочетков,
1998

ISBN 5-89100-008-3

ВСТУПЛЕНИЕ

Церковь обладает огромным, многовековым и разнообразным, опытом катехизации (оглашения), т. е. устного последовательного и целостного личностного наставления обращающихся к ней людей, научения их основам христианской веры и жизни. Однако, к сожалению, в настоящее время он мало применяется в жизни и поэтому почти полностью забыт. Но в конце XX века жизнь властно требует возрождения как этого опыта в его принципиальных положениях, так, может быть, даже упраздненного почти тысячу лет назад младенческим крещением самого церковного института катехумената. Ныне пред лицом новой агрессии зла каждый христианин призывается Богом к новому свидетельству о своей новой жизни и вере.

Для этого каждый сознательный и духовно ответственный христианин должен научиться не просто потреблять духовные дары, но и служить “тем даром, который он получил” свыше, что требует от него специальных усилий по подготовке к служению, без которого он не может считаться “верным”, т. е. полным членом Церкви. Ему нужно иметь радостотворную возможность пройти полную катехизацию, рассчитанную на усвоение всего богатства церковной традиции. Ему нужен уже не детский “ликбез”, каковым нередко еще выглядит церковная катехизация даже там, где она есть, а духовный путь, достойный взрослого, зрелого, полноценного человека, сталкивающегося со “взрослыми” современными проблемами во всех сторонах своей личной церковной, социальной, культурной, профессиональной и т. п. жизни и деятельности.

Именно поэтому теперь, как никогда, в церкви требуется как актуализация прошлого, так и накопление и обобщение современного катехизационного опыта. Этому и посвящена предлагаемая читателю работа, главная идея которой заключается в освещении путей достижения (или актуализации) полноты церковности как отдельным человеком, так и, следовательно, всею церковью.

Достичь этой благородной цели в церкви невозможно без углубления наших представлений о таинствах Церкви.

Таинства существуют только *в Церкви и для Церкви*, что означает — для созидания в Любви и Свободе мира Божьего, называемого в Писании “столпом и утверждением Истины” и “Полнотой Наполняющего все во всем”. *Для Церкви* означает также — и для *всех* членов церковной общины, живущих в эсхатологической перспективе Божьего Царства.

Таинства *богочеловечны*, как и сама Церковь Божия во Христе. Они не действуют и потому недействительны лишь сами по себе, “в силу сделанного дела”, т. е. по причине лишь верно совершенного человеком их чинопоследования, “*ex opere operato*”, поскольку существуют они только в Духе Божьей Свободы и Любви.

Конечно, таинства, будучи церковными, всегда являются и *личностными* по своей ноуменальной природе, и следовательно, не должны восприниматься только как чье-то частное дело или только как треба, хотя нельзя не признать их большого общественного (социального) и частного (индивидуального) значения.

Таинства — это исторический факт и акт, но одновременно и духовный *процесс*, т. е. акт метаисторический и экзистенциальный. Все чины таинств отражают как общие для всех этапы этого целостного процесса, так и возможности их индивидуализации с учетом различных личных особенностей участвующих в них. Поэтому одна из важнейших духовных задач — выявление и воплощение в жизни этих возможностей для всех верных и, главным образом, для пастырей на основе их духовного опыта, личной церковности и максимальной ответственности, дающих им в Церкви право на дерзновение.

В работе особенно полно и разносторонне исследуется понятие единого *таинства Просвещения*, или Крещения в полном и широком смысле слова, как единства таинстводействий (или исторических актов) Покаяния, собственно Крещения, Миропомазания и Причащения. Таинство Просвещения, как метаисторический акт, продолжается всю жизнь верующего

человека. Оно — главная основа нашего духовного освящения и через него — воцерковления всякого человека и всей его жизни.

Этому соответствуют и основные духовно-исторические *процессы* таинства Просвещения, которым в работе также уделено большое внимание. Под этими процессами мы понимаем предложение (до возникновения у человека желания креститься и воцерковиться), 1-е оглашение — с целью передачи и усвоения принципов христианской веры и жизни (до момента согласия Церкви на Крещение), 2-е оглашение — с целью систематического наставления (до Покаяния и Крещения с Миропомазанием и Причащением) и тайноводство, или таинство-водство, мистагогия, — с целью краткого первоначального посвящения в “тайны” таинств и догматов Церкви, а также личной жизни в ней (до выхода человека на самостоятельный путь и служение).

О жизненной церковной действенности этих процессов, как и самих церковных таинств, надо судить *по духу и по плодам* их, ведь может случиться, что крещаемого “вода примет, а Дух не примет” и что для него “вода останется водой”, по выражению святых отцов-катехетов. “По каким признакам познаем Бога, теми же признаками и соделавшемуся сыном Божиим надлежит доказать свойство свое с Богом”.

Итак, чтобы это “свойство” стало реальностью жизни в Церкви, всем ее членам нужно *приготовление* себя к каждому таинству — с рассуждением и испытанием изменения жизни человека, без чего нельзя будет ни усвоить дары таинства, ни принести соответствующие ему плоды. Из этого как раз и следует, что катехизация всех ступеней обязательна для всех желающих быть полными членами Церкви. Это верно не только в отношении истории и прошлого (см. 78 пр. VI Всел. соб., 46 пр. Лаод.), но и настоящего. Такая катехизация должна быть средством ответственного накопления “взрослого” духовного опыта на его определенной глубине даже тогда, когда в церкви еще нет катехумената как устойчивой институции.

Имеющиеся пока в нашей духовной жизни недостатки сакраментальной и мистериальной практики надо стараться “восполнять”, тщательно оберегая при этом все доброе из того, что в ней есть. Для этого надо смотреть на церковную жизнь не номинально, а реально, не путая того, что должно быть в ней и что в действительности есть. Стремиться же в церкви всегда нужно к актуализации полноты Духа и смысла.

Таинство Крещения и Миропомазания, как одно из важнейших звеньев Священного Писания и Предания православной Церкви, обладая целостностью, включающей в себя и подготовку к нему, требует нового церковного переживания, нового рассуждения и испытания, новой проверки и очищения от искажений имеющейся практики, нового пастырского дерзновения при условии полной честности и открытости перед Богом и Его святой волей.

По словам о. Георгия Флоровского: “Отравлена, и взбудоражена, и надорвана русская душа. И эту душу, одержимую и зачарованную, растревоженную злым сомнением и обманом, исцелить и укрепить можно только в последнем напряжении огласительного подвига, светом Христова разума, словом искренности и правды, словом Духа и силы”^{*}.

Острые проблемы духовной жизни в нашей стране и церкви как раз и послужили одной из главных причин нашего обращения к данной теме. К тому же все острее ощущается недостаток подобной литературы, особенно православной. Требуются пособия для богословов, литургистов, историков церковного катехумената, для пастырей и простых членов народа Божьего, которые бы ориентировались на полноту церковной православной традиции и современный опыт, как православный, церковный и личный, так и общехристианский и даже общечеловеческий.

Нам вновь нужно не только вспомнить традицию катехезы в Церкви и соединить разорванные в веках ее части, но еще и собрать “расточенное” в ней и ранжировать ее элементы по их значению и историческому контексту. Как тут с благодарностью не вспомнить мужественных людей, строго сохранивших до на-

* “Пути русского богословия”. П., 1937, с. 516.

ших времен церковное святоотеческое богослужбное и каноническое наследие, а также лучших церковных богословов и ученых-литургистов последнего времени, таких как проф. КазДА А.И. Алмазов, протопресвитеры Николай Афанасьев и Александр Шмеман, о. Михаил Арранц, проф. ЛДА Н. Д. Успенский и др.

Автор просит у читателей прощения за неизбежные недостатки предлагаемой работы, в частности, связанные с историей ее создания. Она писалась три года — с 1983 до 1986 года*, задумывалась в широком историческом контексте, но потом по обстоятельствам времени ее тема была сужена. Она — естественный итог и плод как полученного в Ленинградской (ныне Санкт-Петербургской) и Московской духовных академиях богословского образования, так и опыта регулярной катехизационной практической деятельности, неофициально начатой в 1971 году в индивидуальной форме, а в 1978 году — в групповой, и продолженной в стенах ЛДА, несмотря на реальную в те годы опасность.

Этот же опыт и это же служение были продолжены и развиты в богослужбной приходской жизни и воплотились в программах семилетней Свято-Филаретовской московской высшей православно-христианской школы, возникшей в 1988 году, и существующих при ней одногодичного Огласительного училища и Богословских курсов, в которых ныне ежегодно оглашаются и обучаются более тысячи человек из разных православных церквей и стран**.

* Работа начиналась в 1983 году как кандидатское сочинение в Ленинградской духовной академии, но по благословению святейшего патриарха Алексия II защищена была в 1993 году со степенью *maîtrise de théologie* (обычно переводится как магистр богословия, что в наших условиях ближе, вероятно, к кандидату богословия) в Свято-Сергиевском православном богословском институте в Париже, где она готовилась под руководством профессоров о. Бориса Бобринского и Н. В. Лосского.

** Учебные программы и другие материалы по катехизационной тематике публикуются в журнале “Православная община”. Сейчас готовятся к изданию родившиеся из того же опыта “Катехизисы”, т. е. духовные беседы для оглашаемых и для катехизаторов, цикл “Лекций по христианской этике” и др.

Предлагаемый в данном издании текст отличается от диссертации, подготовленной в Москве в 1986 году и защищенной в Париже в 1993 году, только литературной редакцией и немногими новыми акцентами, связанными главным образом с изменением обстоятельств времени.

Автор приносит большую благодарность своим учителям, друзьям и помощникам, без которых было бы невозможно написание данной работы, ее защита и издание, и в первую очередь проф.-протопресв. Виталию Боровому, декану Свято-Сергиевского института протопресв. Борису Бобринскому и проректору Свято-Филаретовской высшей школы А. М. Копировскому.

Глава I

ТАИНСТВОДЕЙСТВИЯ КРЕЩЕНИЯ И МИРОПОМАЗАНИЯ

1. Кто может совершать крещение и миропомазание

1.1. Поскольку таинство Крещения в узком смысле слова, как и все остальные таинства*, существует в Церкви и для Церкви, всякий “креститель” должен быть полноценным, “полным” ее членом, а значит, быть не только крещеным и не только знать обряд, чин таинстводействий, но быть еще и *наученным* в достаточной степени вере и вести *достойную* христианскую жизнь.

1.2. Крещение — “врата Церкви” и, следовательно, таинстводействия крещения человека лучше всего совершать *предстоятелю* той *поместной* церкви, которая принимает своего нового члена, с полным сознанием соответствующей церковной ответственности теперь за него и его дальнейшую жизнь. Таковыми лицами в наше время в полной мере являются патриархи или автокефальные митрополиты и архиепископы, в большой степени правящие епархиальные архиереи, а в некотором смысле еще и викарные архиереи, и настоятели приходских церквей, т. е. возглавляющие приходское (по возможности полное) евхаристическое собрание пресвитеры, называемые старшими, если пресвитеров в приходе несколько, что весьма желательно**.

1.3. Однако поскольку таинство Крещения отличается от остальных таинств особой личностностью***, то таинстводействие крещения может при необходимости совершить и *любой другой* церковный “*клирик*”, в т. ч. “низший”, и даже *каждый* “*верный*”, т. е. и любой так называемый мирянин (см. 1 Кор 4:2).

* См. гл. V, 1.

** Об ограниченной кафоличности отдельных приходов и даже епархий см. [15], с. 38.

*** См. гл. V, 4.

1.4. Под “верным” христианином (“полным” членом Церкви) здесь подразумевается в нормальном случае тот, кто, может быть, и не будучи “клириком”, ведет удовлетворительную христианскую жизнь, то есть кто *в церкви*, достойно и регулярно, а в идеале всякий раз, участвуя в Евхаристии, причащается; кто *в семье*, сохраняя в ней мир и любовь и созидавая там “домашнюю церковь”, имеет постоянные личные духовные связи с ближними; и кто *в обществе-мире*, показывая в нем себя скромным, трудолюбивым и честным, служит ему “светом” и “солью”. Он должен быть способен, что особенно важно, дерзновенно *лично и прямо* обращаться к Богу и внутренне и внешне отвечать пред Ним и Церковью за все свои дела и намерения.

1.5. Вопрос о возможности в чрезвычайных обстоятельствах *само-крещения* (в силу той же особой личности этого таинства) и Крещения *после смерти* человека Самим Господом (ср. 1 Пет 3:19 и 4:6) “в море Своих щедрот”*, как и в той или иной форме “заочного” крещения, в т. ч. упоминаемого ап. Павлом “крещения для мертвых” (1 Кор 15:29), остается открытым, хотя в Церкви были и есть соответствующие прецеденты и опыт, применение и признание которого требует, однако, особого дерзновения и даже большого риска, особенно во втором и третьем случаях**.

1.6. В следующем обычно за св. Крещением таинстве Духа Святого, т. е. св. Миропомазания, первыми “соратниками у Бога” (1 Кор 3:9), “служителями Христовыми и домостроителями таинств Божиих” (1 Кор 4:1) были *апостолы*, возлагавшие свои руки на новоуверовавших с молитвою о сошествии Святого Духа и на них.

1.7. После апостолов таинстводействие миропомазания стали совершать их *преемники*, т. е. люди, действительно (действительно) несущие в Церкви “служение слова”, “пребывающие в молитве” (Деян 6:4) и благодатно способные к основанию новых

* См. соответствующую молитву о детях, умерших некрещеными, в [30], с. 80.

** См. также гл. I, 2.4-5.

поместных церквей, т. е. вполне пережившие личную Пятидесятницу и призванные к этому служению Церковью на основе избрания Богом.

1.8. В современную эпоху, по догматическому учению церкви, как правило, “должность” служить таинству Миропомазания принадлежит *епископам*, особенно автокефальным, и, отчасти, *пресвитерам (священникам)* с благословения их епископов*¹.

1.9. Вопрос о возможности совершения таинстводействий миропомазания *другими лицами*, кроме названных “иерархических”**, и тем более чрезвычайного само-миропомазания, исторически известного в жизни некоторых свв. мучеников (и даже мучениц), остается в Церкви открытым, так же как и вопрос, являются ли, хотя бы отчасти, но реально, преемниками апостолов *все те*, кто на это сейчас в церкви “имеет право” (ведь практически нынешняя форма передачи и получения этого преемства остается, мягко говоря, несовершенной, она может, как известно, легко выхолащиваться, т. е. объективироваться, отрываясь тем самым от своего первоначального Духа, смысла и содержания)².

2. Чем совершаются крещение и миропомазание

2.1. Таинство Крещения включает в себя и, так сказать, “предтеченский”, подготовительный элемент — “обещание Богу доброй совести” (1 Пет 3:21), покаяние для “прощения грехов” (Мк 1:4) и *очищение* от греха, как некой, пусть и не просто “плотской” (1 Пет 3:21), скверны, грязи и нечистоты, и непосредственно новозаветный элемент — жертвенное и покаянно-таинственное “умирание для греха” (Рим 6:2,11) со Христом, взявшим на Себя “грех мира” (Ин 1:29), и *погружение* (собственно “крещение”) в Него, в Его “искупительную Смерть” (Рим 6:13). Крещение сравнивается с *водною “банею пакибытия”* (Тит 3:5, ср. Еф 5:26), т. е. неким новым от Духа рождением, духовным

* Ср. гл. I, 1.2.

** См. гл. V, 10.

возрождением и *восстанием* (совоскресением) со Христом, как “естественным” благодатным следствием очищения и “освобождения от греха” (Рим 6:7), проклятия и смерти. Естественно поэтому, что “веществом” таинстводействия крещения признается в первую очередь *вода* как такая природная стихия, которая может и омыть, и очистить, в которую можно легко и погрузиться, как в хаос или могилу, и из которой, “вынырнув”, восстать, воскреснуть, и которая, кроме того, обычно используется сразу после физического рождения “в мир” любого человека, еще ни в чем индивидуально не согрешившего и несущего с собою лишь “радость” (Ин 16:21).

2.2. В идеале (см. “Дидахи”, гл. VII, 3) сама эта вода должна быть “живой”, т. е. чистой, проточной, не подогретой искусственно, хотя и не обязательно холодной или даже “со льдышками”, как у некоторых старообрядцев, например “поморов”.

2.3. По особой нужде, при неимении достаточного количества воды даже для обливания, кропления или помазания, таинстводействие крещения может совершиться веществами, напоминающими воду по своим *физическим свойствам или образу*, например снегом, песком или слюной, а также тем, чем человек (“оглашаемый”), как Христос, страдая плотью (см. 1 Пет 4:1-2), может “обливаться” — своими кровью, потом, слезами. Все эти случаи ведомы и Церкви XX века...

2.4. Церковь знает случаи совершения таинства Крещения и вообще без соответствующих таинстводействий. Мученическая смерть со Христом и *за Христа* — самое великое и полное Крещение, таинственное (мистическое) и таинственное (материальное) Крещение тем же Крещением, которым Он Сам крестился (Мк 10:39). Это так называемое *Крещение кровью*, признаваемое Церковью за таковое даже и тогда, когда мученик, умирая за Христа, внешне физической кровью не “обливался”, что напоминает “загробное” Крещение “в море Божиих щедрот”*. Мученичество *за Христа* есть смерть *во Христе*, а в “облечении *во Христа*” — главный смысл любого церковно-

* См. гл. I, 1.5.

го таинства Крещения. Поэтому и тот “оглашаемый”, который умер не только за Христа (мученически), но и во Христе, то есть в истинной вере, изнутри приобщившись уже, хотя бы и “отчасти”, благодатной церковной жизни, может быть признан Церковью, по ее вере, крещеным — пусть и не кровью, но теми же слезами, потом и т. п. Поэтому никогда не надо спешить с крещением, даже из страха физической смерти, а спешить надо только с тем, чтобы как новорожденный в христианской семье*, так и новоуверовавший во Христа человек, происходящий из нехристианской среды, стал *оглашаемым*.

2.5. Кроме мученического “Крещения кровью”, а также “Крещения потом, кровью и слезами”, известно еще и “духовное Крещение”, т. е. неполное, лишь душевно-духовное переживание “погружения” и “облечения” во Христа, не обязательно совсем без какого-либо таинстводействия, но всегда без всякого материального “вещества таинства”. “Духовное Крещение” в отдельных случаях по свидетельству Духа Святого может быть признано Церковью за истинное и реальное, но даже и тогда оно требует при первой же возможности “восполнения таинства”, т. е. совершения, прежде всего, “внешних” таинстводействий водного крещения, как и помазания св. миром, с соответствующей корректировкой чинов. Здесь есть прямое сходство с так называемым “духовным Причастием”, которое тоже бывает истинным, но которое никогда не в состоянии *целиком* заменить собою причастия освященным в Церкви Хлебом и Вином. “Восполнение таинств” необходимо в данном случае и во избежание опасности практического монофизитства, гнушающегося плотью и миром наподобие манихеев и других дуалистов, а также духовной прелести (самообольщения) в связи с возможным развоплощением и расцерковлением таинства.

2.6. Очень близким к только мистическому “духовному Крещению” является некое приобщение человека единому в трех лицах Богу-Творцу “через рассмотрение творений”, т. е. в самих богооткровенных тварях — духовных (ангельских) стихи-

* См. молитвы на 40-й день, и ниже, гл. II, 1, особенно 1.5.

ях тварного мира, как бы Крещение, например, в “благорастворенном воздухе”, или, так сказать, в “грозе и буре”, в “большом и сильном ветре”, “огне и вихре”, “землей благою”, или “землетрясением” и “на вулкане”, в “эфире” и “космосе”, наконец, в “*веянии тихого ветра*”, в которых — Господь (см. 3 Цар 19:10-12; ср. Исх 33:21-23 и Мф 17:2-3). Очевидно, что стихии света, огня и воздуха, “воздушного океана”, довольно близки воде по своему образу и некоторым свойствам, они же в определенном смысле и “дух” (ср. Пс 103:4). Однако вопрос о Крещении в них, точнее, о возможной степени откровенного спасительного Богопознания чрез них, остается в Церкви духовной тайной.

2.7. Таинство Миропомазания, т. е. личной Пятидесятницы, как святодуховное по преимуществу, в принципе может и не иметь своего особого “вещества”, хотя всегда требует определенных таинстводействий. При апостолах, например, это обычно были особая проповедь и молитва с возложением рук* .

Миро для таинстводействия миропомазания варится особым образом из множества особых благовонных веществ и освящается предстоятелем поместной церкви (в Русской православной церкви — только патриархом в Москве, а до революции 1917 года еще и в Киеве), по благословению которого его получают епархии и даже автономные церкви, например Японская, а с благословения епархиального архиерея — приходы через отдельных в них пресвитеров, которые и совершают практически таинстводействия миропомазания, часто, увы, лишь как требу. Миро при этом порядке ничем заменено быть не может.

3. Где можно совершать крещение и миропомазание

3.1. При крещении и миропомазании маленьких детей и младенцев лучшим местом для этого может служить *храм*, точнее, стоящая рядом с ним “*крестильня*”-“баптистерий”, а при кре-

* О почти полной замене со временем формы таинства с руковожжением на миропомазание см. гл. V, 10.

щении и миропомазании взрослых людей и больших детей таким местом может быть также *берег любого водоема*, особенно если этот водоем с “живой” водой* и расположен он не слишком далеко от места общецерковного евхаристического собрания, которым и должно завершиться таинство.

3.2. При определении места крещения и миропомазания всех людей, особенно взрослых, надо помнить церковное требование их *полного погружения*, отклонение от которого должно быть *каждый раз* серьезно оправдано внутренними причинами, поскольку может вести за собою канонические последствия (см., например, 12 пр. Неок. соб.).

3.3. Также не следует забывать того, что поскольку это таинство церковное, а не индивидуальная треба**, постольку выбор места совершения его таинстводействий должен учитывать *возможность присутствия* при нем и молитвы всех или многих членов церковной общины.

3.4. При особой нужде таинстводействия крещения и миропомазания могут совершаться и там, где даже невозможно церковное собрание и где нет подходящей воды***, например, в небольшом частном доме, как, впрочем, и *в любом другом месте*, были бы только соблюдены хотя бы минимальные предварительные требования****, без чего реальная действенность и полнота таинства могут быть поставлены под вопрос.

4. Когда лучше совершать крещение и миропомазание

4.1. При определении времени совершения таинстводействий крещения и миропомазания следует руководствоваться преж-

* См. гл. I, 2.2. Поскольку речь у нас идет только о пастырско-богословских вопросах подготовки к Крещению и Миропомазанию, постольку социальная и юридическая сторона этого вопроса не входит в круг наших проблем.

** См. гл. V, 1,5.

*** См. гл. I, 2.2-3.

**** См. гл. V, 20-21, 25-26.

де всего связью этих таинств с Евхаристией, которую они должны *предварять*, поскольку поставление на служение, совершаемое в таинстве Крещения и Миропомазания, сразу же должно найти свое конкретное выражение в священнодействии Литургии каждым новокрещеным. Поэтому наиболее подходящим можно считать время *вечерни*, например, когда таинство Приношения и Благодарения предваряется ею, особенно в Великую субботу, *утрени*, *часов*, особенно третьего и шестого⁴, и *литургии оглашенных**.

4.2. Поскольку общее собрание Церкви на служение и празднование Евхаристии может практически совершаться в основном на большие *праздники* и в *воскресные дни*, постольку именно эти дни являются преимущественно крещальными. Подходящими могут считаться и “полупраздничные” субботние дни**. Следует помнить, что сами праздничные дни, начиная с Пасхи, Пятидесятницы, Рождества и Богоявления, возникли в церкви прежде всего в связи с организацией времени крещения и миропомазания, а предваряющие их, как правило, посты назначались также как элементы совместной церковной подготовки к этому великому таинству.

4.3. В *крайних случаях* таинстводействия крещения и миропомазания могут совершаться и тогда, когда не может быть общецерковного собрания и Евхаристии, т. е. практически в *любое время*, как и в любом месте, однако также с обязательным соблюдением хотя бы минимальных предварительных требований*** и при первой же возможности последующим “восполнением таинства”****.

* См. чин соединения таинстводействий крещения и миропомазания младенцев с Евхаристией по практике Финляндской православной церкви ([40], с. 9).

** См. в [42] примечания к заключению.

*** См. гл. V, 20-21.

**** См. гл. V, 25-26.

ГЛАВА II

КАК СОВЕРШАТЬ ОТДЕЛЬНЫЕ ЧИНЫ

1. Чины 1-го, 8-го и 40-го дней по рождении человека

1.1. Все эти чины, относящиеся прежде всего к новорожденному младенцу, представляют собой определенную “предкрещальную”, а точнее, даже “предогласительную” *целостность*, несмотря на то, что сформировались они в их современном виде только к XIV—XV векам. Наиболее древние их части: молитва 8-го дня и третья молитва 40-го дня, обозначенная в Требнике “второй” и в VIII—XII веках еще действительно бывшая второй после молитвы 8-го дня* .

Преимущественно *предогласительный смысл и дух* этих чинов остается неизменным как устойчивое *предание* Церкви, хотя, в противоречие с ним и в угоду суеверному страху перед абстрактно-схоластически и законнически понятым первоначальным грехом и соответствующей участью умерших без крещения, с XI века распространилась практика крещения младенцев на самый сороковой и с XVI века даже на восьмой день по рождении. Впрочем, этому также способствовала очень древняя (со второй половины II—III веков), но поместно-частная и всегда не единственная практика такого же раннего крещения в ряде крупных церквей, особенно карфагенской, отчасти александрийской и, может быть, римской.

Впрочем, и самовыраженное в этих чинах церковное предание — хотя и древнее, но *не изначальное*, если не считать упомянутого в Евангелии молитвенного руковозложения и благословения младенцев и детей, совершавшегося Самим Господом (см. Мк 10:13,16; Мф 19:13; Лк 18:15), а также, вероятно, внутренне связанного с этим рассуждения ап. Павла о святости детей, даже если лишь один из их родителей — “верный” христианин (см. 1 Кор 7:14), детей, скорее всего, воспитываемых в Вере, но также еще не крещеных.

* См. [14], с. 42—45.

1.2. На формирование цикла “детских” чинов, бесспорно, в первую очередь влияла *ветхозаветная традиция Закона* в соединении с идеей внешнего “*подрожания Христу*”, Который по тому же Закону был наречен Своим именем и обрезан на восьмой день, а также “*посвящен*” и “*представлен Господу*” с соответствующей законной жертвой на сороковой день (см. Лк 2:21-24).

Эти идеи, как и чины, особенно развились в церкви в первой половине второго христианского тысячелетия. Не случайно поэтому, что именно в эпоху перехода от детского крещения к младенческому чины окончательно оказались связанными не просто с “предложением” и началом периода 1-го оглашения, а непосредственно с самим таинстводействием крещения. Этому же, в свою очередь, формально не могли не способствовать, с одной стороны, древнейшая параллель между обрезанием и крещением (см. Кол 2:11-14), а с другой — подобное же сходство между ветхо- и новозаветным “посвящением”. Это также связалось с не вполне христианской идеей “нечистоты” женщины в период родов и необходимости соответственного “очищения” ее на протяжении тех же сорока дней, как того требовал ветхий Закон. При этом было забыто даже то обстоятельство, что как обрезание на восьмой день, так и посвящение на сороковой, относились Законом только к младенцам мужского пола. Но, может быть, здесь-то вдруг и вспомнили о том, что “во Христе несть мужеска пола, ни женска”...

1.3. *Состав чинов следующий.*

Первый чин (“Молитвы в первый день, по внегда родити жене отроча”) включает в себя три молитвы матери, из которых вторую можно было бы считать центральной.

Второй чин (“Молитва, во еже назнаменати отроча, приемлющее имя во осьмый день рождения своего”) содержит начальные молитвы с отпустительным тропарем, молитву “приемлющему имя” младенцу со знаменем креста (основной в чине элемент) и тропарь Сретения Господня с отпустом.

Третий чин (“Молитвы жене родильнице, по čtyредесяти днях”) составлен из двух частей, связанных между собой лишь общей для всего чина идеей “воцерковления”. *Первая часть* состоит из начальных молитв с отпустительными тропарями и четырех молитв, из которых первая в своей первой части относится к матери, а во второй — к младенцу (если жив), вторая, главопреклонная, — матери, третья — младенцу (это и есть древнейшая и наиболее важная молитва чина), четвертая — также младенцу. По содержанию четвертая молитва очень близка к третьей. *Вторая часть* — чин введения новокрещеного в церковное собрание перед его первым евхаристическим служением, поставление на которое совершается в едином христианском посвящении — Крещении и обрядовым знаком которого является введение во храм как место литургического собрания церкви и пред алтарь-жертвенник⁵. Заканчивается же весь третий чин молитвой прав. Симеона и отпусом.

1.4. Поскольку в церкви существует потребность использовать эти чины на практике, надо по принципу “церковного реализма”* стремиться к тому, чтобы их совершение возможно полно соответствовало *реально* происходящему с человеком в *означенный* день его *личной и церковной* жизни.

В первый день естественно проявить заботу о физическом и духовном состоянии матери и о “соблюдении” новорожденного с молитвой о его сподоблении поклониться земному храму и войти в Церковь.

В восьмой день хорошо пред Богом нарекать младенцу христианское, но не обязательно совпадающее с “мирским”, имя, со знамением Света Лица Божия, т. е. Креста Господня, и в связи с этим, предвидением “во время благопотребно” присоединения его ко святой Церкви, ведущей прямым путем к получению дара блаженства.

В сороковой день, как правило, становится уже физически и душевно возможным совместное “воцерковление” матери и ее младенца для обновленной христианской жизни воз-

* См. гл. V, 26.

росшей семьи “по плоти” в своей духовной семье — Церкви* с соблюдением ими соответствующих церковно-нравственных требований.

1.5. В связи с чином 40-го дня нельзя не заметить, что слово “воцерковление” используется, очевидно, в *трех* различных контекстах и даже смыслах. Первый из них — и в этом чине главный — в отношении еще некрещеных сорокадневных младенцев. Их “воцерковление” однозначно с началом периода 1-го оглашения или, как сказано в заглавии всего чина, с тем, чтобы “начало прияти вводится в Церковь”**. Третья, древнейшая, молитва чина и использовалась с самого начала лишь для того, чтобы младенец “сделался христианином”, получив первую *церковную* благодать, первое благословение и тем самым первое “освящение” (вспомним 1 Кор 7:14!), что и вводило его в церковный разряд оглашаемых 1-го оглашения***. Таким образом, *первое воцерковление*, в отличие от всех других в третьем чине, имеет самое непосредственное отношение к пастырским проблемам подготовки к Крещению.

1.6. Однако с чего начинается период 1-го оглашения *для взрослых*? Чины вступления в него могут быть различны. В принципе же они всегда — само ясное выражение в любой форме принятия принципов христианской Веры и соответственного отречения от прежней, ведь без той или иной веры не живет ни один человек. “Через отрицание прежней веры человек становился “некрещеным христианином”, как некрещеные дети христиан. Отрицание соответствует молитве 40-го дня после рождения”****.

Примером этого может служить и чин, применявшийся к нехристианам и еретикам, которым, как и язычникам, требовалось крещение при обращении их к Церкви*****.

* См. [43], с. 191—197.

** Церк.-слав. “вцерковлятися”, хотя точнее и древнее было бы “вцерковляти”, т. е. не ἑκκλησιασθῆναι, а ἑκκλησιάζειν, см. [14], с. 43, 45

*** См. там же, с. 43, 45, 46.

**** Там же, с. 32.

***** Этот чин описан там же, с. 24—25, пп. В, Г, Д и с. 28—29, пп. В, Г.

В наше время это “отрицание” часто происходит в “положительной” форме признания себя верующим или высказывания желания принять Крещение, или, если человек ранее формально был крещен или сознательно отходил от Веры и Церкви, — первое по Вере причастие.

Можно лишь сожалеть, что литургически, как правило, это никак не оформляется, хотя ничто не мешает любому “верному” тут же помолиться своими словами или использовать, например, молитву вышеупомянутого чина: “Боже великий...! Сердце его утверди в Вере и в Любви Христа Твоего; дай ему участие и наследие в Церкви Твоей... Аминь”*, или взять молитву из “Книги чинов присоединения к православию”: “Благословен еси, Господи, от всех язык...”**, или даже немного приспособленные к случаю третью и четвертую молитвы чина 40-го дня.

1.7. Кроме первого воцерковления некрещеных сорокадневных младенцев, третий чин содержит, как мы видели, отдельный чин “воцерковления” новокрещеного человека, т. е. как бы его “введение во храм” и в Церковь, его *второе воцерковление* перед первым в жизни причастием***, и еще молитвы как бы *третьего воцерковления*, относящиеся к матери младенца, уже христианке в полном смысле слова, вынужденно покидавшей регулярное евхаристическое собрание своей церкви и не причащавшейся, а значит, неволью покидавшей и церковь в связи с родами****.

Хотя второе и третье воцерковление не имеют прямого отношения к нашей теме, все же следует отметить, что второе воцерковление — в своей основе чин *не младенческий*, как ошибочно думает о. А. Шмеман*****, как и все чины в нашей цер-

* См. [14], с. 25.

** См. ее текст в прим. 9.

*** Трудно согласиться с мнением о. Александра Шмемана, утверждавшего, что такое наименование чина “несправедливо и ошибочно”, см. [43], с. 190.

**** А не только храм, как думает о. М. Арранц, см. [14], с. 45.

***** См. [43], с. 190—191.

кви, прямо и непосредственно связанные с Крещением и Миропомазанием. Это видно из самого его текста. Единственное место, говорящее, как будто, об обратном, — слова в конце чина по “Ныне отпускаеши”: “И по сих полагает е при дверех жертвенника...”, — объясняется неточностью перевода, ибо должно быть не “полагает”, а “поставляет”*. Этот момент немаловажен в подготовке человека к первому полноценному личному причастию, а значит, и к таинству Крещения в широком смысле слова**.

Далее, третье воцерковление *жестко* определяется своим смыслом и назначением: это благословение матери на возвращение в церковь для молитвы и первого причаствия после вполне оправданного естественного перерыва. Из этого следует, что если после родов мать уже была в храме, соучаствуя в церковной молитве и, тем более, причащаясь, то прочтение этих молитв потеряло свой смысл, и они никак не могут быть использованы. Они не должны использоваться также и в тех случаях, когда после родов прошло довольно времени, женщина давно забыла о “муках рождения” своего младенца и пришла причаститься или “за молитвой” в церковь после перерыва, вызванного по существу уже другими причинами. Тогда надо разобраться в этих реальных причинах ее нецерковности и соответственно реагировать: или ее крестить (если не крещена), или миропомазывать, или наложить епитимью, или ограничиться исповедью “на общих основаниях” после достаточного говения.

1.8. А как быть в иных случаях, когда сроки и дни, указанные в чинах, существенно *отклонились* от реальности?

Исходя из всего сказанного нами об этих чинах, нельзя не прийти к заключению, что молитвы в 1-й день в полном объеме могут использоваться *только в срок* и лишь в крайнем случае — в самые ближайшие ко дню рождения дни (тогда лучше без первой молитвы, где прямо говорится о “днесь родившей”).

* См. [26], с. 216.

** См. гл. V, 11.

1.9. Молитва “во осьмый день” менее связана с конкретным днем, особенно если христианское имя, будь то младенцу или новообращенному взрослому, еще не наречено.

По традиции нашей церкви имя обычно избирается по святцам в честь и память какого-либо прославленного церковью святого, становящегося через это как бы ангелом и покровителем данного человека. Однако возможна и иная практика: избрание имен нескольких святых, как в западной христианской традиции, или, как это было в древней церкви и до сих пор сохраняется, например, в Сербской православной церкви, использование приличных народных и новых, лучше смысловых, имен.

Если же какое-либо имя уже присвоено человеку вне церкви и оно не меняется при его воцерковлении, то это в большой степени обесмысливает молитву 8-го дня.

Но если имя при крещении меняется, что само по себе весьма желательно (ср. Откр 2:17 — о получении “нового имени”), то это может быть сделано с использованием данного чина перед началом оглашения (в древности эти чины никогда не совершались в один день), или совсем без особого чина через провозглашение нового имени в молитве 1-го и 2-го оглашения или даже в самый момент крещения. Чин *полностью теряет смысл* и не может использоваться по отношению к уже крещеным, даже если крещение произошло в чрезвычайных условиях или до восьмого дня.

1.10. Молитвы “по čtyредесяти днех”, поскольку они в первой части чина касаются младенца*, теряют смысл и становятся неупотребимы, если младенец крещен в самый сороковой день или, тем более, раньше этого срока. Если же его будут крестить позже, но не было еще возможности “сделать его христианином” в указанный чин, то это еще можно, хотя и с некоторой долей номиналистической условности, совершить в иное время, использовав особенно третью и четвертую молитву этого же чина.

* О прочем в чине, т. е. втором и третьем воцерковлении, см. гл. II, 1.7.

1.11. Таким образом, зная, что в самом крайнем случае, например при необходимости срочного крещения, все “предогащительные” чины 1-го, 8-го и 40-го дней могут быть опущены, надо все же помнить об их значительности и важности, особенно второго и третьего из них. Надо стараться не исказить и не сокращать их, а при необходимости сокращения знать, какие молитвы в составе чинов являются важнейшими*.

При этом надо следить за сохранением в чинах и священнодействиях их благодатного и церковного смысла, который должен восстанавливаться везде, где он потерпел в ходе истории ущерб. Например, вторая часть чина 40-го дня, т. е. второе воцерковление, теперь имеет, как правило, лишь очень условный и относительный смысл, поскольку совершается вне так называемых крещальных литургий церковной общины, живущей как одна духовная семья (эти литургии до сих пор почти нигде в нашей церкви не восстановлены). Аналогичный пример — первая часть этого же чина, т. е. первое воцерковление. Оно и ныне делает человека оглашаемым 1-го оглашения, но уже обычно без самой практики 1-го оглашения.

1.12. При подлинной невозможности обратиться вовремя к епископу или пресвитеру своей церкви (например, при отсутствии в округе храма или клира в нем), надо знать, что данные чины могут быть совершены и кем-либо другим из достойных и знающих христиан, вплоть до мирян, не говоря уже о дьяконе и “младших” клириках — поставленных или благословленных на свое служение чтецах, иподьяконах и певцах.

Так, молитвы 1-го дня, или хотя бы центральную из них, мог бы совершить и *глава семьи, отец* младенца, или тот, кто способен его заменить.

Молитву 8-го дня — тоже он, опустив маловажные в этом чине вступительные и заключительные “священнические” части. В отсутствие же отца эту молитву могли бы прочесть *мать* младенца и (или) будущий его *крестный* или *катехизатор*.

* См. гл. II, 1.3.

Несколько сложнее обстоит дело с чином 40-го дня. Первое и второе воцерковление могут совершить лишь “*представители*” общины-церкви, хотя и в данном случае это могут быть те же дьяконы, чтецы и будущие катехизаторы младенцев (в том числе и женщины), признанные за таковых Церковью — все с благословения пресвитера или епископа. Впрочем, в XI—XII веках в Византии даже в нормальных условиях “введение во храм” совершалось “сиротами” — простыми певцами*. Третье воцерковление матерей совершает тот, кто крестит и может вводить в церковь** пред Лицо Божие и Церкви. В наше время в самом крайнем случае это могут быть и дьякон, и (или) катехизатор, но все также по особому на то благословению.

2. Чины 2-го оглашения, в том числе при присоединении к Православной церкви

2.1. 2-е оглашение (оглашение “просвещаемых”, или “избранных”), как и 1-е, для младенцев начинавшееся с чина 40-го дня, а для взрослых — с упомянутой выше особой молитвы, является целостным *процессом*, поэтому и главные его литургические чины, или части, соответствуют обычным его этапам. Таких этапов и соответствующих им частей три.

Первая часть — введение, или “молитва во еже сотворити оглашеннаго” с руковозложением (когда-то “третья молитва”).

Далее, срединно-основной этап, которому соответствует в чине 2-го оглашения его *вторая часть*, — этап духовно-практического научения и испытания, усиленной духовной борьбы оглашаемого с неведением, страхами и со всем внешним и внутренним злом и грехом, отгораживающим и отводящим христианина от Бога. Это три “запретительные” молитвы на дьявола, предполагающие возможность многократного повторения. И как результат и итог всей этой борьбы, приготовления

* См. [14], с. 68.

** А не только в храм, ставший почти “проходным двором”.

и испытания, как начало победы — так называемая “четвертая молитва”, называвшаяся в древности “молитвой после того, как был сделан оглашаемым тот, который сейчас (πρὸς ὄραν) должен быть крещаемым”*, т. е. непосредственно готовящимся к совершаемому над ним и в нем таинству Крещения, не имеющим более к нему препятствий.

И наконец, в заключение всего процесса 2-го оглашения, его *третья часть* — крещальные обеты (обещания) “отречения от диавола и сочетания со Христом” с исповеданием веры в Бога чрез веру во Христа и духовно-осмысленным чтением Символа веры, заключительным возгласом и, с VIII века, молитвой о сподоблении Крещения.

2.2. Лежащие в основе всех трех частей чинов 2-го оглашения предания церкви являются очень древними. Они зародились на основе предания апостолов вместе с церковным катехуменатом во II веке и сложились, в принципе, уже в III веке. Литургически они более всего были связаны с развитием древнейших христианских праздников, всегда отмечавших собою нарочитые дни крещений в церкви.

Вплоть до XI—XII веков, т. е. до времени, когда детское крещение заменилось младенческим, покуда еще сохранялись остатки церковного катехумената, крещение главным образом связывалось с Пасхой. Поэтому *первая часть* 2-го оглашения совершалась в эпоху крещения взрослых ко времени начала св. Четыредесятницы, сугубо предназначенной для подготовки и испытания воцерковляемых. А в эпоху крещения детей от трех лет и старше, а чаще всего лет семи, — в понедельник четвертой, “крестопоклонной” седмицы Великого поста, для чего накануне были установлены сохранившиеся поныне специальные чтения о Кресте, а в самый день — поклонение оглашаемых кресту**.

Вторая часть, бывшая первоначально (в III веке) чисто харизматической и необязательной для всех, постепенно стала принадлежать только иерархическим лицам, повторяясь в сред-

* См. [14], с. 48.

** См. [14], с. 36.

нем от трех до десяти раз* надо всеми оглашаемыми параллельно с их научением.

Третья часть с течением времени приобретала все большее значение, особенно начиная с IV века — эпохи перехода от частных крещальных символов церквей (выросших из их же “правил Веры” и точно отражавших церковно-апостольский опыт оглашения и доступный для крещаемых уровень Богопознания и духовного опыта) к общецерковному и вскоре общеобязательному Символу веры, долго признававшемуся за критерий православия каждой церкви и каждого ее члена.

Эта часть совершалась накануне крещения днем в Великую пятницу, в “*Пасху крестную*”, и в своем расширенном торжественном варианте, так называемом “Патриаршем чине”, послужившем основой донине сохранившегося в нашем Требнике в составе огласительных чинов “частного, иерейского, чина”, носила в VIII веке название “Отречение и сочетание, совершаемые архиепископом в святую пятницу Пасхи”, а несколько позже, в XI—XII веках, дополнительно, — “Катехизис святой пятницы”**.

Как отмечает о. Михаил Арранц, “этот общественный чин отречения-сочетания, конечно, имел в себе больше драматической силы, чем соответствующий частный чин. Перед глазами молодых верующих происходило действие, в котором они сами участвовали, и которое, конечно, им должно было живо представлять важность собственного выбора стороны Христа в борьбе против дьявола. Жест плеванья (еще не на самого дьявола!) и презрительного дуновения на врага (...) составлял для оглашенных настоящий вызов, требующий от них крепкого упования на Христа. То, что к ним обращался непосредственно патриарх и что они находились раздетыми, как борцы на арене ипподрома, прибавляло значения всему чину.

В конце обряда оглашенные впервые поднимали руки и молились за Церковь, за мир, за царя... Они становились духовно взрослыми и уже предъявляли священническое служение христиан в молитве о других”*** .

* См. [14], с. 47.

** См. [14], с. 49—50.

*** [14], с. 53; ср. гл. V, 22.

2.3. Вопрос о приведении в соответствие духа и смысла таинств и процессов Крещения, с одной стороны, и реальности современной христианской личной и церковной жизни — с другой, весьма затруднителен, поскольку в церкви давно не существует катехумената, а значит, нет и церковно организованного 1-го и 2-го оглашения, как нет и таинствоводства.

И все-таки законно спросить, почему же церковь до сих пор не отбросила соответствующих им “взрослых” чинов? Неужели только по инерции и в силу своего то мудрого, то очевидно бессмысленного консерватизма? Или лишь с учетом тех относительно редких вплоть до нашего времени случаев, когда приходилось под влиянием обстоятельств и расширения миссии крестить уже не младенцев, а детей или взрослых? Почему церковь за последние восемь-девять веков не переделала “взрослый” чин крещения в “детский” и сохранила за литургией ектенью и молитвы “об оглашенных” и Великим постом — даже о “иже ко просвещению”? *

Ясно, что названного в вопросах недостаточно, хотя все это и сыграло свою немалую историческую роль. Главное все-таки заключалось в том, что церковь как-то чувствовала, *что* надо было сохранить как *свое нерушимое предание*, чтобы остаться равной себе даже в долгую эпоху кризиса и самообороны, когда использовать все по смыслу (со временем, естественно, нередко теряемому) не было никакой возможности и приходилось часто хранить не столько смысл и дух, сколько букву своей традиции.

Кто же спорит, “буква убивает, а дух животворит”. Но иногда, когда сила духа отходит, надо сохранять до лучших времен хоть букву, чтобы не остаться вообще ни с чем. И вот как будто эти “лучшие времена” приходят: снова наша церковь часто имеет дело с крещаемыми взрослыми и детьми старше трех лет. Волей-неволей, а вспоминать столь счастливо сохраненный буквой смысл и дух предания необходимо. По мере этого воспоминания сама по себе отпадет и архаичность дошедшей до нас ветхой, но все же и традиционной буквы.

* См. [44], с. 105—109.

2.4. В наше время первая часть 2-го оглашения устойчиво сохраняется и даже иногда расширяется за счет произносимого до или после нее пастырского слова⁶.

Вторая же, в зависимости от духовного, а не только душевно-психического, состояния крещаемого и обстоятельств, может употребляться как в полном объеме, так и в сокращении (например, только “четвертая молитва” или еще какая-то одна из “запретительных”), как однократно, так, в принципе, и многократно.

Третья часть, смотря опять же по обстоятельствам, тоже может совершаться в расширенной или сокращенной форме, т. е. или с добавлением пастырских проверочных бесед, пояснительных проповедей и активных действий со стороны оглашаемого наподобие древнего “Патриаршего чина”, или наоборот, без учета позднего требования троекратных повторений вопросов и ответов, без формальных требований к знанию наизусть Символа веры и исполнению малопонятных современному человеку символов поднятия рук, оборачивания на запад (что вообще является по преимуществу “взрослым” элементом), дуновения и, тем более, позже вставленного плевания* .

2.5. Конечно, сказанное относится преимущественно к случаям возможности проведения чина оглашения, отдельного от крещения. Впрочем, может случиться, что *интервал* между ними *не превышает нескольких дней*. Тогда оглашение по своему смыслу занимает место лишь третьей своей части — “отречения и сочетания”.

В этом случае при обязательном условии соответствующей внутренней подготовки оглашаемого, о чем должны свидетельствовать как пастырский опыт, так и сам крещаемый и его поручитель, можно совершить одну эту третью часть, при желании предварив “четвертой молитвой” чина оглашения.

При этом следует заметить, что тогда, вопреки распространенному несколько суеверному мнению, “запретительные” молитвы читать не нужно. Это так и при каждом

* См. [44], с. 105—109.

чрезвычайном случае совершения чинов *оглашения вместе с крещением*, а фактически почти всегда преступного с точки зрения канонов и Евангелия крещения без всякого оглашения, когда вообще теряет смысл весь чин оглашения, кроме, в лучшем варианте, все той же заключительной своей части.

Как правильно пишет о. Михаил Арранц*, “запрещения, читаемые за несколько минут до крещения, по теперешней практике, предполагали бы, что самое таинство не является достаточно сильным, чтобы победить принцип зла и греха. Запрещения перед самым крещением были бы не нужны. Они предназначены для начала оглашения, когда человек готовит сердце и разум к далекому еще просвещению и поэтому он находится в вихре духовной борьбы. Оглашение соответствует духовному пребыванию в пустыне, чтобы быть искушаемому, как Христос”⁷.

2.6. Упомянутое нами *крещение, совершаемое вместе с оглашением*, чаще всего относительно оправданно может практиковаться лишь над христианскими младенцами и маленькими детьми, как еще и в ряде чрезвычайных случаев. Но увы, в наше время, по халатности совершающих священнодействие таинства, прикрываемой многими внешне благовидными предлогами, а также в силу привычки и исторической инерции, оно практикуется почти всегда и везде.

Обычно говорят, что, мол, одновременное соединение крещения с оглашением было и раньше, “в старое время”. Но во-первых, это не достаточный и не точный аргумент, не способный ничего ни объяснить, ни оправдать, ни доказать, а во-вторых, огласительную функцию тогда в большой степени брало на себя все прежнее “христианское” общество. Да и крестили в те времена практически только младенцев, так что отделять оглашение от крещения не было никакого смысла. К тому же и крестными, приносящими за младенца обеты крещения и исповедание веры, были люди, если и не всегда достойные, наученные вере и ей учащие, то почти всегда верующие и так или иначе церковные.

* Там же, с. 47.

Однако, как было тогда, так, во всяком случае, и ныне, даже при совершении Крещения без возможности серьезного оглашения таинство не должно, будучи профанируемо, “пропадать” для крещаемого, умирая в нем и с ним. Чтобы этого не происходило, обязательный при таком Крещении реальный крестный-поручитель, во-первых, должен достаточно ясно и полно *обосновать* необходимость столь “поспешного” крещения, во-вторых, сам должен быть церковно признан *достойным* давать за крещаемого обеты Крещения при “отречении и сочетании” или быть их свидетелем пред Богом и Церковью, если крещаемый даст их сам, и в-третьих, он сам впоследствии должен будет *вовремя* позаботиться о “восполнении” таинства.

В связи с этим крестный должен будет потом непременно найти возможность напоминать своему крестнику о его христианском обещании не только веровать в Бога и Христа-Спасителя сердцем “в правду”, но и устами исповедовать (признавать) свою веру “во спасение” (для чего крещаемому надо будет свою веру хорошо знать и уметь ее выражать как в Церкви, так и во всей своей жизни в мире), а его родителям, пока крестник будет еще мал, — о их христианской нравственной обязанности воспитывать его в вере и учить его вере и жизни во Христе. Для этого, очевидно, крестный не должен быть “случайным”, т. е. из тех людей, которые не смогут исполнить свои обязанности, например, не будут иметь прямой и постоянной связи с крестником, с одной стороны, и с Церковью — с другой* .

Без исполнения всех церковных условий, предварительного предъявляемых к Крещению, соединяемому с оглашением, никого нельзя приводить к его таинстводействию. При совершении же самого таинстводействия каждый раз Церкви надо строго следить за тем, чтобы все главные требования чина оглашения и крещения были соблюдены. В частности, следить за тем, чтобы *не допускать безответственного перекладывания на иных лиц*, например, крещающего или псаломщика, всего того, что требуется чином и Церковью (осо-

* Подробнее см. ниже, в заключении.

бенно в третьей части оглашения) лишь от крещаемого (включая детей от трех лет и старше — вспомним мнение св. Григория Богослова о их крещении) и крестного, за исключением случаев, когда крещающий сам берет на себя ответственность крестного в полном ее объеме. При этом должна быть уверенность в том, что ответы на вопросы и чтение Символа веры соответствуют православной вере и жизни произносящего их. В противном случае вся третья часть чина оглашения теряет свой дух и смысл и перестает быть Богослужением, что не проходит в Церкви безнаказанно.

2.7. Из сказанного следует, что если у пастыря нет уверенности в том, что обратившиеся к нему (а в его лице — к Церкви) крещаемые или их родители, или крестные подготовлены к Крещению в достаточной мере, то надо или на *определенное* время отложить крещение, или всерьез отделить от него оглашение. Тогда младенцам для начала может быть достаточно молитвы 1-го оглашения, а в какой-то степени уверовавшим взрослым людям — того же, но, может быть, уже и первой и второй части 2-го оглашения. В крайнем случае (под свою полную личную ответственность!) можно все же провести оглашение и крещение вместе, но в самом кратком варианте (без повторов, с разумными сокращениями и т. д.), *максимально доступно и понятно*, не спеша, давая все необходимые пояснения и подчеркивая главнейшие моменты. При беседе с участниками таинстводействия, до и после него, надо взять с них обещание стремиться выполнять весь их христианский долг, особенно прилагая усилия в том, где сейчас они проявили или сами знают за собой слабость* .

2.8. Во всяком нормальном случае *присоединения к Православной церкви* отдельных бывших неправославными или нецерковными христиан, независимо от того, каким образом это будет делаться — через крещение, миропомазание или только через покаяние и причащение, прохождение хотя бы краткого подготовительного периода по типу 1-го и 2-го оглашения неиз-

* См. [31], с. 80.

бежно*, а это значит, что желательны и соответствующие литургические священнодействия.

2.9. Изданная в начале этого века “Книга чинов присоединения к православию” (чч. 1 и 2, Спб., 1900 и 1902) в наше время требует применительной к обстановке корректировки и на практике в полном своем объеме не используется⁸. Однако нельзя думать, что она совершенно устарела.

Так, во второй половине первой части содержатся чины присоединения *иудеев, магометан и язычников*, построенные по единой схеме. Здесь большинство структурных элементов *по своему смыслу* сохраняет актуальность. Это и первоначальное исследование, и удостоверение в искренности и бескорыстии приходящего к Церкви, а также в том, что он ищет только истинной Веры в Бога, Спасения и Жизни вечной. Это и краткое предогласительное изложение принципов христианской веры и жизни, и знаменованье крестом с последующей молитвой⁹. Эта молитва обычно соответствовала началу 1-го, но иногда сразу и 2-го оглашения, что нередко в подобных случаях встречалось уже в древности**.

После этого наступает новая подготовительная ступень, как бы само оглашение***. Следующие далее по чину так называемые 1-е и 2-е оглашения не соответствуют принятой нами более древней терминологии. Оба они ближе всего по смыслу к третьей части 2-го оглашения. 1-е оглашение чина — это отрицание от заблуждений и сочетание с истиной в вопросах и ответах, произносимых уже как обеты при свидетелях перед всем церковным собранием. 2-е оглашение — также в форме вопросов и ответов — детальное исповедание православной веры и обещание (клятва) все соблудности. Далее идет возглас “Благословен Бог, хотяй всем человеком спастися...”, главопреклонная и, наконец, заключительная молитва “Боже великий и дивный, призываяй заблуждших...”, примерно соответствующая последней молитве обычного чина “отречения и со-

* См. гл. II, 1.6. и гл. III, 2 и 3.

** См. [14], с. 29, ср. с. 24—29.

*** См. о нем в гл. III, 3.

четания”. Затем следуют крещение, миропомазание и причащение.

Первая половина первой части “Книги чинов присоединения” и вся ее вторая часть посвящены неправославным христианским церквам и сектам: в первой части — *римо-католикам, армянам, лютеранам и реформатам*, а во второй части — *духоборцам, молоканам (уклеинцам и донского толка), итундистам и младоитундистам (духовным), хлыстам и скопцам*.

Все эти чины, как и предыдущие, построены по единой схеме и также сохранили в главном свою актуальность. После предварительного испытания и наставления, подобно 1-му оглашению, проводится исповедь за всю жизнь без разрешительной молитвы, иногда еще* с присоединением чина наречения нового имени — желательно по выбору обращающегося. Потом в притворе храма читается молитва, близкая по форме и содержанию к “молитве во еже сотворити оглашенного” в первой части 2-го оглашения.

Там же в форме вопросов и ответов происходит специально подготовленное “отречение и сочетание” с подробным выяснением и исповеданием православной веры, которое в наше время может быть проведено в присутствии поручителя в личной беседе или еще на исповеди.

После этого оглашаемый вводится в храм под пение 66-го псалма со стихами**, а предстоятель читает перед крестом и евангелием благодарственную за него молитву. Далее оглашаемый обещает сохранять православную веру всю свою жизнь, в утверждение чего целует крест, и получает, наконец, разрешительную молитву: “Господь наш Иисус Христос, ключи Царствия Небесного апостолом вручивый...”. Здесь, по мере надобности, могут совершаться таинства крещения, миропомазания*** или только причащения.

2.10. Основными *недостатками* чинов присоединения, как и чинов оглашения в Требнике, также сориентированных на со-

* См. гл. 105 Большого требника.

** Этот элемент чина в случае нужды можно опустить.

*** См. гл. II, 4.9—10.

вершение всех этапов сразу и непосредственно перед крещением, является их недифференцированность, “свернутость” и происходящее из-за этого смешение как отдельных по происхождению элементов-чинов, так и соответствующих их уровню подготовительных требований.

Так, в первой схеме нет желательного литургического различия между началом 1-го и 2-го оглашения, а в процессе уже первого изложения предстоятелем принципов христианской веры и жизни, так же как и во время 2-го оглашения, неосторожно включаются вместе с “огласительными” и “тайноводственные” элементы — требование “*изъяснения догматов*”, “*показа силы тайнств*” и т. п.

То же можно сказать и о заключении, соответствующем третьей части 2-го оглашения, когда в вероисповедных вопросах и ответах многие элементы неизбежно должны априори, слепо приниматься лишь внешне, “на веру”, принципиально без какой-либо возможности внутреннего удостоверения. Так они исторически и стали только своего рода идеологией определенного общества и государства.

Во второй схеме тоже нет литургического начала 1-го оглашения, между первой и третьей частями 2-го оглашения никакого перерыва совсем не предвидится, а вопросы и ответы самой третьей части всегда превосходят огласительный уровень.

2.11. Следует обратить серьезное внимание на допускаемые чинами присоединения *возможности*. С одной стороны, это преподавание разрешительной молитвы еще *до Крещения* оглашаемого, что подтверждает таинственный характер Покаяния, предшествующего “первому” христианскому церковному таинству Крещения. С другой же стороны, это проведение фактического и литургического оглашения *после* признаваемых Церковью действительными, но совершенных когда-то вне Православной церкви таинстводействий крещения и миропомазания, что показывает в этом частном литургическом случае присоединения к церкви бывших вне ее, но раскаявшихся в

этом христиан, еще один исторический пример необходимости “восполнения таинств”*.

2.12. Кроме специальной “Книги чинов”, чины присоединения можно найти в уже упомянутой 105-й главе *Большого требника*, в 3-й части *Требника*, изданного Московской Патриархией**, а также в “*Настольной книге священнослужителя*” С. В. Булгакова и т. п. Все они более или менее аналогичны рассмотренным уже нами последованиям, поскольку придерживаются одной и той же традиции***.

Несколько особняком здесь стоят гл. 87—88 (в некоторых изданиях — гл. 89) *Большого требника*****. Это — причисляемое обычно литургистами к таинству Покаяния и ныне редко употребляемое “*Последование св. Мефодия, патриарха Константинопольского, о разных людях (уже крещеных и миропомазанных), обращающихся к православной и истинной вере после ее отвержения*”.

Нам представляется необходимым внимательнее отнестись к этому чину, поскольку рассмотренные здесь случаи ухода из церкви и возвращения в нее ныне весьма актуальны. Правда, может быть, первый случай “отречения (от православной веры и жизни) из-за страха, или по незнанию, или потому что (им) не был научен” в наше время совсем не сводится к одним детям, и потому наложенной здесь епитимьи может оказаться недостаточно. Она, на наш взгляд, скорее должна ориентироваться на второй случай отречения “из-за мучений”, фактически уравнивающий всех таковых со взрослыми оглашаемыми, приходящими к вере и Церкви некрещеными, чем на третий случай отречения “по своей воле”, поскольку этим предполагается сознательное отречение, когда человек прежде был вере и жизни научен и жил в Цер-

* См. гл. V, 25.

** Русский перевод см. в сб. “Православное богослужение. Русифицированные тексты Крещения, Миропомазания и подготовки к ним”. Вып. 2. М., МВПХШ, 1996. Изд. 2-е, испр., М., МВПХШ, 1998.

*** О “чине присоединения *вкратце*” см. гл. IV, 5.

**** Русский перевод см. в “Русифицированных текстах чинов Крещения, Миропомазания и подготовки к ним”.

кви и в Боге, а потом вольно отрекся, чего сейчас почти не бывает.

Относиться к таким людям, крещеным обычно, хотя и не обязательно, в детстве, но воспитанным и жившим вне Веры и Церкви*, как к отступникам “по своей воле” нельзя, но также недопустимо принимать их в Церковь без всякой подготовки и оглашения, просто посоветовав исповедаться и причаститься “на общих основаниях”, наряду с теми, кто, может быть, исповедовался и причащался месяц или неделю, или пусть даже год назад. Уход из Церкви, даже несознательный и невольный, даже связанный с мучениями для самого человека (внешними или внутренними — сейчас неважно) — не безразличный для Церкви факт чьей-то личной биографии. Если человек вне Церкви, то он вне Бога и вне Его Духа, а значит и принимать его надо не просто “лечением” таинства Покаяния, обычно теперь предназначенного лишь для уже верующих, но ввавших в грех людей, которые желают изжить его не просто разговором или беседой, даже очень полезной и плодотворной, а таинством Духа Святого, ими столь несчастливо полученного и утраченного.

Если уж требовать особой христианской подготовки от *верующих*, хотя и бывших неправославными христиан, а в отдельных случаях их миропомазывать или даже крестить, то как не потребовать оглашения и проверки истинности обращения от бывших сознательно *неверующими*, хотя и когда-то крещеных в Православной церкви? Человек неверующий, не член Церкви, никогда не может быть назван в полном смысле слова крещеным, что бы ни говорили об этом юристы-канонисты. Всех таковых надо принимать в Церковь если не через Крещение, для чего надо было бы уж очень тонко “различать духов”, в каждом случае церковно определяя, когда “вода осталась водой”, а когда нет, то через Миропомазание, как того требует, начиная с IX века, поныне “действующий”, ибо всегда включаемый в Большой требник, чин св. Мефодия (надо думать, что до IX века *таких* проблем в Цер-

* Кто в этом виноват, — вопрос особый и не столь простой.

кви не было, хотя апостаты-отступники, увы, были всегда — ср. 1 Ин 2:19).

На наш взгляд и по имеющемуся опыту, все присоединяемые по этому чину должны проходить подготовку и испытание наравне с оглашаемыми 1-го и 2-го оглашения, с той лишь разницей, что покаянный момент должен быть усилен, по указанию чина св. Мефодия (второй случай). Вместо молитв чина 2-го оглашения могут использоваться предлагаемые этим чином более подходящие четыре “очистительные” (точнее, “умилостивительные”) молитвы¹⁰, которые могут и повторяться наподобие “запретительных”, а вместо молитв св. крещения — данные здесь особые молитвы св. миропомазания* . Литургического начала 1-го оглашения чин св. Мефодия, к сожалению, не предусматривает, хотя ясно, что здесь, как и всегда, подразумевается сам акт обращения и покаяния с отречением от прежних заблуждений в жизни и вере.

2.13. В заключение раздела, посвященного чинам 2-го оглашения, коснемся, как всегда, трудного вопроса о том, *кто* может в крайних случаях совершать эти чины или их существенные части.

Само по себе понятно, что *вторую часть* могут совершать *эксорцисты*, которыми, как мы знаем, в древности были некоторые “миряне”-харизматики, но позже стали только утвержденные епископом отдельные клирики. Сейчас ни тех, ни других в нашей церкви не существует, и эксорцизмы читаются всяким *пресвитером*, совершающим чин оглашения и крещения. Впрочем, и в наше время известны случаи, когда подлинными “бесогонами” являются простые одаренные *монахи и монахини*, т. е. те же благочестивые “миряне”-харизматики. Думается, что в крайних случаях, при необходимости борьбы с бесноватостью перед крещением, эту функцию может взять на себя *любой христианин*, имеющий от Бога такое дерзновение. Здесь важен прежде всего результат, ведь “по плодам их узнаете их”. При этом надо помнить, что лучше эксорцизмы совсем не чи-

* О чем см. гл. II, 4.11.

тать, чем вычитывать их лишь формально или без надежды на положительный результат.

Что касается *первой и третьей частей* 2-го оглашения, то их, как и первое и второе воцерковление в чине 40-го дня* , могут совершать лишь достойные *представители общины-церкви*, т. е. в крайнем случае, когда длительное время нет в ней такового, епископа или пресвитера, — дьякон, чтец и катехизатор (в т. ч. и женщины), все с особого на то благословения у своего духовного или иерархического руководителя.

3. Чины крещения, в том числе при присоединении к Православной церкви

3.1. Чины таинстводействия крещения занимают, естественно, центральное место среди всех чинов, связанных с этим главным таинством жизни. Их структура отражает в себе все аспекты этого таинства, проявленные в глубинном духовном опыте, накопленном Церковью *с первого дня* своего существования. Поэтому всякий пастырь должен найти возможность хотя бы однажды вникнуть в него. Тогда во всех случаях жизни он будет иметь ключ к тому, чтобы находить правильное решение как внутренних, так и внешних затруднений, связанных с совершением этих таинстводействий, требующих всегда верной расстановки духовно-душевных и церковно-личных акцентов, а также четких знаний того, что к чему относится и что что означает. Без этого зачастую пропадает не только значительная часть смысла совершаемого пастырем, но и, что еще страшнее, значительная часть духовной силы таинства, что, в свою очередь, подрывает саму его церковную действенность и христианскую духовность.

3.2. По составу все “Последование святого крещения” удобно разделить на четыре части.

Первая часть — каждение, вступительный возглас “Благословенно Царство...”, дьяконская особая мирная ектеня и тайная молитва священника о себе.

* См. гл. II, 1.12.

Вторая часть — большая молитва освящения воды как великой агиасмы (святыни) и первостихии земной жизни и смерти.

Третья часть — молитва освящения “елея радования” с помазанием им под хвалебное пение “Аллилуйя” освященной воды и крещаемого (как бы прививка милости и мира).

Четвертая часть — собственно крещение, т. е. погружение в воду, омовение “во имя Отца и Сына и Святого Духа” с последующим пением или чтением 31-го псалма и облачением в белую одежду, а в практике еще обычно возложением нательного креста и вручением горящей свечи.

3.3. Необходимо помнить, что все части “Последования” сложились в тесной связи с чинами миропомазания и последующей евхаристии, исходя из того, что крещаемый — *взрослый* или, по крайней мере, не бессловесный младенец. Поэтому они *предполагают* участие в таинстве церковно подготовленного и уже верующего человека — человека, наученного принципам христианской веры и жизни, в т. ч. литургической, а значит, и легко воспринимающего устойчивые литургические формы чина крещения и умеющего адекватно на них реагировать.

Участие в таинстве младенцев, а также недостаточно подготовленных людей, что относится и к восприимникам и родителям, требует соответствующих коррективов всего чина, пояснений, а иногда и максимально возможных упрощений. Кроме того, нельзя забывать, что все неувоенное ими в свое время, в принципе, должно быть еще и “восполнено”, о чем также должен позаботиться прежде всего пастырь, по возможности включая эти элементы в само чинопоследование, идя опять же путем живого слова и необходимой перестановки акцентов. Здесь также может помочь присутствующий и участвующий в таинстве и таинстводействии церковный народ.

3.4. На практике первая часть “Последования” часто, за исключением возгласа, полностью или почти полностью опускается, однако она очень важна и уже совершенно необходима, если чин оглашения отдельно совершался ранее.

Конечно, главным элементом для “крестителя” здесь является тайная молитва. Это, по словам о. М. Арранца, “личная молитва служебного характера для внутреннего приготовления священника”*, который должен совершать великое таинство действия возрождения человека от воды и Духа**. “Она напоминает по содержанию и по месту, которое занимает, литургийную молитву “Никтоже достоин...” перед евхаристической анафорой. Факт, что “возглас” и само “Аминь” читает священник про себя, обозначает, что эта молитва никогда не была предназначена для слышания верующих”***.

Коль скоро всякое таинство всегда церковно, оно и по чину своему литургично. Это означает, что совершается оно Богом в Церкви и через Церковь, а следовательно, нужду в приготовлении к нему имеет не один только священник, но и вся собравшаяся на торжество веры и жизни *церковь-община*, которая также не может быть сведена к одним восприемникам и родным и близким крещаемых.

Отсюда нетрудно понять, какое подготовительное значение для всей общины-церкви имеет общая молитва, начинаемая с мирной ектеньи, предназначенной специально для этого случая. Опускать ее не следует, даже если нет дьякона. Тогда тайную молитву можно прочесть или предварительно****, или после ектеньи, как в Требнике, но, во избежание тягостной паузы, громким шепотом или тихим гласом. Эта ектеня занимает в чине место, подобное, например, мирной ектенье на литургии оглашаемых, крещальным вариантом которой всегда было и по существу поныне является, особенно начинаемая с “хода” под пение “Елицы во Христа” и до обрядов “Измовения на 8-й день”, “Последование святого крещения и миропомазания”.

* [14], с. 58.

** А не просто освящение воды, как ошибочно считает (см. там же), в противоречие с главным содержанием молитвы даже этот столь чуткий и знающий профессор-литургист.

*** Там же.

**** См. например, [32], с. 77.

Восстановление на практике этой общецерковной ектеньи с литургическим предваряющим возгласом “Благословенно Царство”, дающим напряженный эсхатологический тон всему “Последованию”, способствовало бы восстановлению полноты литургичности таинстводействий крещения в церковной жизни, все еще обычно осознающей крещение просто как частную “требу”. Конечно, это возможно только при условии возвышения еkkлезиологического сознания, понимания церкви как общины и, следовательно, выделения этого “Последования” в самостоятельное Бого-служение Церкви-общины, каковым по преданию, т. е. по духу, оно и является.

Но пока этого еще не произошло, надо применяться к обстоятельствам. Так, если вместо общины на “крестины” пришли только крестные (да еще и неизвестные пастырю) и принесли одних младенцев или пришли лишь “несознательные” взрослые кандидаты в крещаемые, тогда нужна прежде всего подготовка к таинству, ради чего можно видоизменить чин или пока остановиться на одной из огласительных ступеней*. Это лучше всего, но тоже не всегда возможно в наших условиях.

Итак, если священник сочтет все же возможным или необходимым крестить их, надо провести вместе с ектеньей или до нее особую подготовительную к таинству беседу, объяснив духовный смысл и значение происходящего, а также, в принципе, то, как в этом должны участвовать и на что настроиться все присутствующие, что при этом они должны делать и как церковно жить и воспитывать людей после крещения для “восполнения” таинства.

Таким образом, надо помнить, как и во всех случаях, *чему служат* в чине возглас и мирная ектеня и *стараться добиваться этого результата*, даже если иначе нельзя, ценой сокращения самой этой ектеньи с возгласом. И уже сейчас каждому должно быть ясно, что чем больше членов Церкви, в том числе родителей (матерей — по возможности их, т. е. желательно после 40-го дня), будет участвовать в этом, тем лучше.

* См. гл. II, 2.7

3.5. *Вторая часть* “Последования” — очень древняя, она связана еще с возникновением и оформлением в нижнем Египте в конце II века одного из первых собственно христианских праздников Крещения Господня, или Богоявления. Очень скоро он стал, наряду с Пасхой, и одним из нарочитых дней крещения в церкви, происходившего в самый день праздника между утреней и литургией верных*¹¹.

Это ввело в чин крещения новые мотивы. Кроме пасхальных смерти и воскресения — мотив *освящения первостихий* тварного мира, для человека эллинистической эпохи прежде всего воды. В свою очередь, это связывалось с явлением в мир Самого Бога *во плоти* и, следовательно, с присутствием и странствием в нем Богочеловеческого Тела Церкви, продолжающего освящение мира через рост Слова, что неразрывно ассоциируется для христиан с Крещением новых ее членов. Впрочем, не только с этим, но и с внутренним возрастанием Церкви в Любви и Свободе Духа, хотя, конечно, эти вещи должны быть тесно взаимосвязаны.

Молитва освящения воды являет собой единое целое и первоначально ни одна ее фраза не повторялась, как сейчас — в трех местах по три раза, что стало входить в практику примерно с XII века**. Воду первоначально, как и во всех других подобных случаях, например, в следующей далее “молитве освящения елея” или в “молитве во еже сотворити оглашеннаго”, знаменовали крестом тоже только один раз, хотя дуновение совершалось трижды.

Не случайно эта молитва уподобляется по структуре *антиохийским анафорам**** и условно, так же как и они, делится на префацио (введение), анамнесис (воспоминание) — со слов “Ты бо, Бог сый неописанный...”, и нисходящий эпиклесис (призывание) — со слов “Ты убо, Человеколюбче Царю...”. Это естественная, “нормальная” структура всякого церковного освящения, будь то литургические хлеб и вино, вода, елей или миро,

* См. [14], с. 60.

** См. там же, с. 58.

*** См., например, там же, с. 59.

поскольку, конечно, *все* оно мыслится общецерковно и, значит, *литургично*. Поэтому не случайно иногда говорят о таинственном характере освящения воды.

Но как и всегда в Церкви, дело здесь не в словах, а в явлении Духа и силы Божией, ведь насчитывание определенного “количества” таинств в церкви может носить лишь внешний, апологетический, символический или схоластический характер, но внутри самой Церкви это может даже повредить ей, вызвав гнев Божий за эту “перепись” Божьего достояния.

Итак, Богом через Его Церковь освящается вода, чтобы она сама, в свою очередь, как бы послужила новокрещеному и благоприняла его. Об этом молится вся Церковь.

Однако здесь, как вообще во всем, что касается действительности святынь, обрядов и особенно таинстводействий, легко впасть в одно из *древних и постоянных* больших церковных искушений. Космический и гностический момент таинства и таинстводействия всегда должен отличаться от магического (хотя бы и беломagicеского) заклинания, также действующего в гностической и космической, ментальной и астрально-стихийной сфере.

Для этого христианину надо духовно ведать и знать, “какою силою” совершается церковное освящение. Если благодатной и свободной энергией от Бога в Церкви, тогда все нормально, хотя и таинственно, мистически. Но если силою самого чина, “сделанного дела”, имманентным миру сему, безличным духом, пусть даже и абсолютным, т. е. богом, или богами, через безличное посредство человека, пусть и состоящего в пресвитерской или епископской должности, и лишь, так сказать, при церковных стенах, тогда это дело уже “неладно”...

Если нет внутренней или внешней возможности и совершить великое водоосвящение, и всем правильно отнестись к нему, тогда можно использовать ранее освященную, лучше “богоявленскую”, воду, может быть, лишь долив ее в неосвященную. В таких случаях можно также использовать более краткий вариант той же молитвы освящения из чина “Молитвы святых крещений вкратце”. В самых же крайних случаях

можно и вовсе опустить эту часть “Последования”, так же, впрочем, как и следующую.

3.6. В большой степени сказанное о второй части “Последования” относится и к *третьей части*. Поскольку мазать тело погружаемого в воду маслом или жиром — обычай очень древний и естественный, к тому же в античные времена невольно для многих еще ассоциировавшийся с подготовкой обнаженного тела борца, выходящего на арену для боя, может быть, именно смертного, постольку и особая связь воды и елея (масла) была осознана очень давно, а церковное употребление и освящение одного из этих веществ “само” влекло за собой потребность употреблять и освящать другое. Тем более, что возрождение человека называется в Евангелии “рождением от воды и Духа”, а рождение от Духа, в свою очередь, — помазанием, откуда и пошло двуединое таинство Крещения.

Не случайно на Востоке уже в древности, а на Западе и до сих пор, вместе с елеем в крещальной воде растворяли еще и освященное миро* , как и этот елей иногда называемое “елеем радости”**. Не случайно и то, что миро до IX века, т. е. до введения чина св. Мефодия Константинопольского, употреблялось в церкви “исключительно для помазания им новокрещеных”***. К тому же известно, что только Лаодикийский собор установил обязательное помазание св. миром *после* крещения**** .

Это в большой степени помогает понять в полноте значение и смысл всей третьей части “Последования святого крещения” — освящения елея и помазания им воды и крещаемого. Молитва освящения елея когда-то была главопреклонной, в предчувствии особого Божьего благословения в ответ на прошения. По своей структуре она очень близка к предыдущей, и хотя она более краткая, она не менее литургичная, чем та.

* См. там же, с. 61.

** Например, в первой молитве его освящения в “Последовании святого мира” — см. там же, с. 74.

*** Там же, с. 70; также см. гл. II, 4.4.

**** См. [14], с. 61.

По смыслу этой молитвы, “елей дополняет силу воды. Вода сама по себе элемент подозрительный для человека, масло — всегда положительный и благоприятный. Символ воды усвершеняется через елей...”*. Поэтому за освящением елея сразу идет его использование — *помазание* сначала самой “умилюющей” воды, а потом и новопросвещаемого, с соответствующим возгласом “Аллилуйя”, означающим благословение приблизившегося Бога, и далее — церковным объявлением о сути происходящего, где уже освященный и освящающий елей прямо называется “елеем радости”. В эллинистическом мире слово “елей” (масло) неизбежно ассоциируется с “элейсон” (помилуй) и потому с особой радостью освобождения от гнета опасности.

Нужно себе представить, какое все это имело звучание тогда, когда с таким елеем в воду вносилось еще и миро, делая купель воистину “банею водною” и возрождением “от воды и Духа”.

Ранее, до XVI—XVII вв., елеем мазали не только голову, но и все тело, причем без каких-либо специальных формул. Это делали дьяконы или иные соответствующие служители, в т. ч. “дьякониссы” — “бабы”, как говорилось еще в XVI веке в древнерусских Евхологиях**. Полное помазание более соответствовало первоначальному символическому и физическому смыслу этого действия, но оно мало применимо в случаях крещения восьмидневных младенцев.

Так заканчивалась подготовка к Крещению всего просвещаемого — его духа, души и тела.

В наше время вся богатая символика третьей части “Последования” совершенно не воспринимается, часто даже образованными и подготовленными людьми. Единственный “живой” современный образ — “моржи”, плавающие в проруби и предварительно натирающиеся маслом или жиром. Но в нем слишком мало духовного и слишком много плотского содержания. Борцов в прежнем смысле на аренах сейчас нет, масло с трудом связывается с милостью, как и сама вода — с космическими стихиями и силами.

* Там же, с. 60.

** См. там же, с. 62.

В связи с этим, смотря по обстановке, пастырь может пойти двумя путями: или сократить чин, использовав уже освященный елей и совсем опустив молитву его освящения и формулы при помазании частей тела, а оставив лишь само помазание и “Аллилуйя” с объявлением, либо, наоборот, попытаться довести до ума и сердца молящихся все происходящее и совершить весь чин целиком, но тогда, конечно, с условием дальнейшего полного погружения при крещении.

3.7. Четвертая часть — самая важная в “Последовании святого крещения”. Она требует от всех максимальной собранности и духовной сосредоточенности.

Погружаясь в живительные воды и восходя из них, обратившийся и покаявшийся человек целиком омывает скверну всех своих вольных и невольных грехов, реально получая помазание от Духа и начиная первый этап личного, по возможности, Богопознания. Приобщаясь Богу и божественной, небесной, непрестающей Жизни, он становится духовно взрослым и также приобщается к жизни богочеловеческого Христа Тела — Церкви. Он начинает “служить тем даром, который получил”, в силе Духа Святого. Теперь для него “жизнь — Христос, и смерть — приобретение”. Его имя записывается на Небесах наряду с именами всех святых. По словам ап. Петра, “крещение — не плотской нечистоты омытие, но обещание Богу доброй совести — спасает воскресением Иисуса Христа, Который, восшед на небо, пребывает одесную Бога и Которому покорились ангелы, и власти, и силы” (1 Пет 3:21-22). Спасение человека совершилось, хотя его еще надо будет “со страхом совершать”.

Пастырь в этот момент должен каждый раз особо строго внимать духу и смыслу совершающегося. Итак, “когда помажется все тело”, крещается (погружается и омывается) человек иереем, объявляющим: “Крещается (имя) во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!”

К этим действиям и словам ныне в церкви принято относиться как к некоей главной, вечной и неизменной “форме” и “формуле” таинства, правильность которой является

практически единственным критерием того, было ли оно действительно. При этом забывается, что *ни одно истинное живое таинство не имеет неподвижных “форм” и “формул”*, что доказывается даже в данном, на первый взгляд, самом простом случае тем, что эта “форма” и “формула” в истории церкви и даже только в тексте Нового завета имеет многие важные варианты, пусть даже многим и кажется проще всего лишь сослаться на принимаемый всеми текст Евангелия по Матфею 28:19.

Здесь и “крещение во имя Иисуса Христа” Деяний, практиковавшееся многие века в ряде поместных церквей Запада еще в период единства церкви*, и нееретическое единое погружение вместо принятых на Востоке трех**¹². Здесь и поздние изменения нашей “формулы”. Так, например, в современных Требниках после именованя каждой ипостаси Св. Троицы вставлены (после XII в.) “Аминь”, а перед именем крещаемого — слова “раб Божий” (с XI—XII вв.), как и в подобной же “формуле” предшествующего помазания елеем***. В некоторых же Требниках**** в конце еще добавляются совсем непонятные в данном контексте слова “ныне и присно и во веки веков, аминь”, и т. д.

Пастырю об этом надлежит знать, чтобы *главный* акцент все-таки всегда ставить на Слово и Дух, а не на закон и букву церковных писаний и преданий, духовный смысл которых и обязан соблюдать в церкви главным образом он.

После крещения текст Требника предусматривает омовление священником рук. Этот по-видимому ныне уже не употребляющийся обычай восходит к XI—XII вв.*****.

Далее священнику предписывается петь с людьми *31-й псалом*. И это ныне не в обычае, о чем на сей раз можно лишь пожалеть. Требник же, правда не во всех изданиях, придержи-

* См. [11], с. 345—349.

** См. там же, с. 297—300, ср. Еф 4:5.

*** См. там же, с. 62—63.

**** И некоторых Евхологиях, начиная с X в. (см. там же).

***** См. там же.

вается традиции, возникшей в X в.* и требующей даже троекратного пения этого псалма, причем не исключает он и оговорки о том, что петь этот псалом надлежит весь.

По содержанию 31-й псалом удивительно подходит для данного случая и потому это усиленное требование понятно. Если учесть современное положение, а также более древние пласты православной традиции, требующей от новокрещеного собственной молитвы Богу в церковном собрании сразу после крещения (вспомним, например, “Апологию” св. Иустина Философа), то можно было бы порекомендовать пастырю или дьякону, чтецу или катехизатору сразу по крещении произнести лишь первые два стиха этого псалма — своеобразный зачин, да еще последний стих или два, и дать возможность каждому новокрещеному проявить свой новый дух, предоставив ему молитвенное чтение остальной части псалма, тем более, что она составлена от первого лица.

Если крестился младенец или маленький ребенок, то такое чтение становится невозможным, хотя за него это и может символически сделать восприемник. Если приходится очень спешить, можно ограничиться вообще лишь первыми двумя и последним стихами, но совсем опускать 31-й псалом все-таки весьма нежелательно.

Этот опыт не исключает, конечно, и возможности для новокрещеного свободной молитвы своими словами или так, как ему Бог на душу положит в данный момент. Бояться этого не надо, а надо, наоборот, заранее предупредить крещаемых о такой возможности.

Следующая по чину за 31-м псалмом формула “Облачается раб Божий...”, хотя и является очень поздней вставкой, однако функция ее важна. Это не только очередное объявление церкви о происходящем в ней, что тоже всегда нужно для “согласия” и “принятия” после “рассуждения” об этом Церкви, но и вступление к более древней молитве “Ризу мне подаждь светлу...”, вошедшей в чин с X века**. Вместе они составляют не-

* См. там же, а также гл. II, 4.4.

** См. там же.

кое подобие молитвы на *священное облачение* поставленного на церковное служение, что напоминает нам о “царственном священстве” (см. 1 Пет 2:5,9; Откр 1:6) всего народа Божия, от каждого члена которого внутренне требуется “приносить Богу духовные жертвы” в молитве, прощении, благодарении, служении и т. д. Царственность и пророческий дух служения нового члена Церкви утверждаются и запечатлеваются в следующем за Крещением таинстве Миропомазания.

Одевание в белую одежду, возложение креста, вручение горящего светильника — великие образы и символы происходящего с человеком в таинстве Крещения. Пусть ни один символ еще не может прямо и вполне заменить собою символизируемую реальность, но это не может служить основанием для пренебрежения им. Для того, чтобы символ “ожил”, пастырю тоже надо приложить некоторое усилие, как жизненно-молитвенное, так и гомилетическое и интеллектуальное. Впрочем, естественно, в крайних и в чрезвычайных случаях, столь часто встречающихся в наше время в служении Крещению людей, всегда следует выбирать главнейшее и потому, ради возрождения символизируемой реальности в жизни крещаемого, иногда можно вовсе отказаться даже от самих символов, а значит, и от соответствующих заключительных моментов четвертой части “Последования”.

Это же замечание относится и к вопросу о самом способе водного крещения. Несомненно то, что лучшим является полное троекратное погружение обнаженного крещаемого в чистую проточную воду, но в крайнем случае допустимо и обливание, кропление, помазание и т. п. Крещение не отменяется также и употреблением по уважительной причине любого из известных в Церкви вариантов “формы” и “формулы” таинства. Но все это — при условии, что крещеный тем или иным неординарным образом сохраняет Православие в основах его веры и жизни. А если крещение такого человека осталось бесплодным, т. е. недейственным, значит, оно было и недействительным*, и тогда может стать необходимым “второе”, действительное и действенное крещение или миропомазание**.

* См. гл. V, 3,16.

** См. гл. IV, 5.

3.8. Крестить и “перекрещивать” в православной Церкви можно *только некрещеных*. Это — незыблемое правило внутренней церковной жизни. Поэтому каждому пастырю должно быть ясно, что, не говоря уже о католиках, надо окончательно *признать крещение* всех протестантов, в том числе и крайних, например баптистов, адвентистов, пятидесятников, как — в истории — и некоторых монтанистов-пелузиан или ариан.

Однако надо крестить и “перекрещивать” унитариев (все же помня и то, что с древности умеренных ариан “перекрещивать” не полагалось), квакеров*, иеговистов, магометан и, уж конечно, теософов, антропософов, кришнаитов и прочих “восточников” и т. д. и т. п. Но всегда при решении спорных вопросов надо судить конкретно^{12a}.

3.9. При *присоединении к православию* обычно используется обряд для всех чин крещения и применяются общие требования, реализация которых всегда может духовно-творчески варьироваться.

Ниже мы еще коснемся крещения при нужде совершения его мирянами и при необходимости “восполнения” таинств**.

3.10. Строгая литургичность всего “Последования святого крещения” требует совершать все эти чины *только* рукоположенному *епископу или пресвитеру*. Крещение же, совершаемое другими лицами, должно и происходить уже несколько по-иному***.

4. Чины миропомазания, в том числе при присоединении к Православной церкви

4.1. Сразу за крещением следует чин таинства помазания и запечатления Святым Духом, или миропомазания. Они так тесно связаны, что не сразу можно усмотреть, где кончается “Последование святого крещения” и где начинается “После-

* Или только “восполнять” таинство для них? — см. гл. V, 25, гл. I, 2.5. и гл. IV, 5.8.

** См. ниже, гл. IV, 5.

*** См. там же.

ности и, в конечном счете, действительности всего происшедшего именно как таинства Помазания Святым Духом, реальности запечатления Его Дара, познания Его Жизни.

4.3. Все “Последование святого миропомазания” содержит в себе как бы две части.

Первая часть — собственно чин таинстводействия миропомазания новокрещеного с предшествующей этому молитвой.

Вторая часть — завершающий этап всего таинстводействия возрождения человека в Боге, нечто вроде “литургии оглашенных, или новопросвещенных” — “пасхальный крестный ход” с пением “Елицы во Христа...”, служивший когда-то началом второго воцерковления*, “литургическое чтение” — Апостол и Евангелие, краткая сугубая ектеня с особыми прошениями о восприемнике и новопросвещенном и отпуст, на котором обычно воспоминается святой — сам новокрещеный и (или) тот, в честь которого дано ему христианское имя.

4.4. О *первой части* пастырю полезно знать, что раньше** молитве священника предшествовала “молитва дьякона”, служившая для более плавного и удобного при крещении взрослых перехода от чина крещения к чину миропомазания. Это, вероятно, была сугубая ектеня, подобная той, которая и ныне завершает вторую часть этого “Последования”.

Далее, небезынтересно и то, что пение стиха “Елицы во Христа...” в древности*** было положено после иерейской молитвы, но еще до помазания миром, что лишний раз свидетельствует о бывшем ранее в Церкви сознании, видевшем в новокрещеном возрожденного не только “от воды”, но сразу и “от Духа”, т. е. в известном смысле уже и “помазанного” через содержавшую, как мы помним, и миро святую воду покаяния и возрождения (“пакибытия”). Лишь с X века пение апостольского стиха стало употребляться непосредственно *после* собственно миропомазания****.

* См. гл. II, 1.7.

** Примерно до XII века, см. [14], с. 63.

*** Тоже примерно до XII века, см. там же, с. 64.

**** См. там же, с. 68.

дование святого миропомазания”. Разрыв даже только во времени этих таинстводействий или невозможен или возможен лишь в самых крайних случаях* . Миропомазание — прямое продолжение Крещения, как по сути, так и по чину, и потому многие принципиальные положения, рассмотренные в предыдущем разделе, целиком относятся и к этому, и мы их повторять не будем.

Особым образом единство обоих таинств и таинстводействий проявлялось, конечно, тогда, когда было принято вносить в воду крещения не только освященный елей, но и миро, о чем уже шла речь выше. Знание этого единства помогает нам уяснить некоторые смысловые стороны таинства Миропомазания. Ведь если человек крещен и получил Освящение и Прощение от таинственной *Полноты* божественной благодати, то это значит, что на следующем этапе перед ним и в нем встает духовная проблема эту благодать *сохранить* и полученный уже дар (талант) *умножить*, чтобы не остаться в конце концов бесплодным и в день Господень не бежать в мир за утраченным маслом (миром — помазанием Духа) наподобие иродивых дев из евангельской притчи.

Сохранить великую драгоценность — дар Духа Святого — можно, лишь *запечатлев* его в сердце, *запечатав* и утвердив его так, чтобы “ни моль, ни ржа”, никакой “тать и разбойник”, никакой “рыкающий лев” не похитили и не уничтожили эту Жемчужину. Она — *залог* вечного Царства и царствования, она — залог Просвещения и Освящения, она — основа будущего Служения Духом в Церкви. Без нее все мертво и гибнет, а всякое служение обращается в “дело” или, хуже того, просто в “дела”, “работу”, “долг” и “обязанность”, зиждущиеся не на Благодати и Свободе в Любви и Истине, а на законе и необходимости в земной праведности, от чего да избавит Господь Своих чад...

4.2. Все сказанное — не абстракция или красивые слова, а *церковный критерий* опознания по духу и “по плодам” действ-

* К слову говоря, обычное обвинение в этом разрыве современных католиков, как правило, несостоятельно (см. [14], с. 61).

Это было вызвано развитием схоластического осознания таинств Крещения и Миропомазания как вполне “в своем ведомстве” самостоятельных¹³, с трудом допускавшего возможность называть “облеченным во Христа” еще миропомазанного, а также отрывом таинстводействия миропомазания от когда-то непременно следовавшей за ним крещальной литургии, где то же пение “Елицы во Христа...” в нарочитые дни крещений было, как известно, положено в самом ее начале вместо “Трисвятого”, отрывом, и образовавшим теперь некий реликтивно-воспоминательный дубляж ее первой части — нашу вторую часть современного “Последования святого миропомазания”.

Перемещение пения апостольского стиха ниже, после миропомазания, в свою очередь постепенно переместило несколько выше, к месту его первого употребления, сразу после крещения, и ранее положенное здесь же чтение или пение 31-го псалма. А это привело к тому, что примерно с того же времени* в Евхологиях после крещения стало указываться даже его тригубое воспевание, как уже отмечалось, формально иногда еще сохраняющееся в наших Требниках до сих пор**.

К слову говоря, древняя традиция употребления 31-го псалма после миропомазания заслуживает восстановления, хотя бы частичного (первые два и заключительные стихи), по аналогии с соответствующим местом “Чинопоследования св. крещения”***. Было бы, конечно, прекрасно, если бы еще по той же аналогии, начиная с третьего стиха 31-го псалма и почти до его конца, этот молитвенный текст произносили сами новозапечатленные. Уместной здесь могла бы быть и их свободная личная молитва к Богу. В любом же случае в церкви всегда должна проявляться забота о “плодах” таинства — как явных, так и до времени сокровенных.

4.5. Более приемлемой по сравнению с современной представляется и древняя практика самого помазания миром, к тому же обычно производившегося в особом “помещении для раз-

* С X века, см. там же, с. 63.

** См. гл. II, 3.7.

*** См. там же.

девания”*: помазывались только пять главных членов, имеющих особую нужду в “запечатании” во избежание греховной “утечки” через них Духа (без персей, рук и ног), а “формула” таинства, как очередное объявление о происходящем в церкви, произносилась только один раз и без “Аминь”. Вся наша современная практика, наряду с бывшим тогда многообразием самих формул помазания и числа членов — это провинциальные новшества XI—XII веков**.

Однако, на наш взгляд, церкви никогда нельзя забывать и того, что лучшей, почти *идеальной* “формой” таинства остается древнейшая — руковозложение святыми апостолами или их святыми преемниками со свободной молитвой-прошением о нисхождении “на главу” (ср. Пс 132) новокрещеных Дара Святого Духа и о принятии, внутреннем усвоении Его ими.

Впрочем, и здесь “форма” не должна превозноситься над “содержанием” — смыслом и свободным Духом таинства. Таинство Помазания, более всех прочих будучи таинством Свободы, не должно жестко связываться ни с чем “внешним”, даже со своей собственной “формулой”, “своим веществом”, “своим чином” и “формой”, хотя, по иронии судьбы, именно оно, через дисциплинарное ограничение в вопросе о том, кто может освящать мир, становится иногда чуть ли не символом церковной зависимости, как во внутри-, так и в межцерковных отношениях.

4.6. Вторая часть “Последования святого миропомазания” начинается тем же пением, которым оканчивается первая, — “Елицы во Христа”, — с той лишь разницей, что вначале Церковь это говорит от себя новопросвещенному, а потом от себя себе же и *в том числе* — новопросвещенному. Следующие затем Апостол и Евангелие сохранены почти полностью из когда-то первой пасхальной службы — вечерней “литургии оглашенных” Великой субботы, преимущественного в древности момента крещения в церкви.

* См. [14], с. 68.

** См. там же, с. 64—65; ср. с. 69, где автор констатирует по тому же поводу: “Консерватизму столицы противопоставляется творческая свобода отдаленных пунктов империи”.

Ведь не случайно наш знаменитый пасхальный крестный ход берет свое начало от шествия новокрещеных в Церковь на празднование Христовых Смерти и Воскресения*, к спасительным плодам которых они только что приобщились. Но и сейчас шествие с пением “Елицы во Христа...” должно носить характер пасхального крестного хода на первую в жизни новокрещеного Евхаристию — Литургию всей Церкви, даже если крещение почему-либо происходило вдали от храма. Здесь уместно вспомнить и все сказанное нами выше о “втором воцерковлении”***.

4.7. Когда за крестным ходом реально следовало участие новопросвещенных в литургии, их священнослужение, тогда этим и заканчивалось все последование. Когда же он ограничивается лишь символическим “кружением” вокруг купели, тогда за ним по чину следует и столь же символическое “изображение” литургии оглашенных — чтение новозаветных писаний и краткая ектеня с отпустом. Такое “изображение” ныне в крайних случаях может быть даже вовсе опущено, как и всякий в церкви “дубляж”. Однако если все-таки позволяют возможности, пастырю здесь лучше идти не путем сокращения исторически “приросших” частей, а путем их преобразования и наполнения первородным духом и смыслом. Путь же механического воспроизведения всех чинов подряд для пастыря закрыт навсегда!

Так, в данном случае, если еще не всегда и не везде возможно восстановление самих “крещальных литургий”, хотя такой опыт уже есть в наиболее духовно-благополучных Православных церквях***, то можно постараться провести “крестины” при всем народе непосредственно перед литургией. Или можно провести само крещение и миропомазание, начиная с возгласа “Благословенно Царство” и до конца, *литургически*,

* См. [43], с. 148.

** См. гл. II, 1,3,7,11—12.

*** См., например, чин соединения крещения с литургией, практикуемый ныне в Финляндской православной церкви, в [40], с. 9, а также предложение подобного же чина, сделанное о. А. Шмеманом в [42], 1-е примечание к Заключению, на англ. яз.

наподобие уже не символической, а настоящей литургии оглашенных, за которой сразу, в тот же день, могла бы следовать литургия верных* в полном ее объеме и в молитвенном присутствии всей сослужащей предстоятелю церкви.

Если литургия верных в день крещения уже совершалась, то лучше после крещения порекомендовать новопросвещенным членам церкви, а также их восприемникам и родителям, прийти на следующее евхаристическое собрание и даже, если крещение было вполне достойно подготовлено, причащаться ежедневно в течение недели**. При столкновении же с серьезными для этого затруднениями пастырь может из соображений икономии, в сознании необходимости скорейшего преподания им причастия, приобщить их и запасными Святыми Дарами, но только предварительно убедившись в том, что они, пусть в общем, но уже представляют себе Чего и Кого причащаются, а также порядок причащения и принципы своего участия в нем.

4.8. Когда “Последование святого миропомазания” *соединяется с последованием “Измовения на 8-й день”**** обычно заключительная сугубая ектеня и отпуст опускаются, точнее, переносятся в конец этого второго чина. Таким образом, получается вставка во вторую часть чина миропомазания, разрушающая ее смысл и структуру. Во избежание этого лучше было бы, если уж не совсем отменить, то до минимума сократить сам чин “измовения” и “пострижения”, совершив его на своем месте, а совсем бы хорошо — и в свое время****.

О случаях, требующих от пастыря “повторного” миропомазания, мы будем говорить дальше, в гл. IV, 5.

* В принципе, она может пока и не следовать, что еще не значит, что в день крещения может быть опущено само причастие новопросвещенных.

** О чем см. гл. III, 4.6.

*** Практика такого соединения, естественно, всегда нежелательна и может быть оправдана только чрезвычайными обстоятельствами церковной жизни, требующими в реальности, на наш взгляд, поиска иного выхода.

**** Об этом см. гл. II, 5.7—8.

присоединение к Православной церкви должно совершаться перед божественной литургией.

4.10. Для современной практики представляется лучшим совершать это последование, наподобие крещенского, не до литургии, а *включив его в нее*, точнее, в ее первую часть, для чего в ее начале можно использовать данную чином великую ектенью, после малого входа совершить само миропомазание с предшествующей и последующей молитвами, а после Евангелия на сугубой ектенье также вставить необходимые прошения. Остальное можно или опустить, или совершить в другое время, например, “измовение” — на 8-й день, вечером того же дня или, в крайнем случае, сразу после Евхаристии. Тогда участие Церкви в таинстве Миропомазания, а новоприсоединенного — в церковной Евхаристии, могло бы быть более полным.

4.11. При присоединении к церкви отпавших по “*Последованию св. Мефодия (...)* о разных людях, обращающихся к (...) вере после ее отвержения” по гл. 87—88 (или 89) Большого требника* для миропомазания также используется особый чин.

После основательной подготовки, очистительных (точнее, умилостивительных) молитв и покаяния обращающемуся предписывается омовение, очевидно, в бане или на каком-то источнике, что напоминает Иоанново “крещение покаяния”. Потом служитель таинства помазывает его св.миром “по чину крещаемых”, для чего, предварительно прочитав особую прекрасную главопреклонную молитву, совершает обычное по “форме” и “формуле” помазание, после которого “над головой”*** помазанного читает еще одну молитву о сохранении Святыни Духа и сподоблении новопомазанного таинственно-го причастия Христу и Небесного Царствия.

Совершенно ясно, что лучше всего это последование совершать на литургии, как это описано в 4.10, сделав, естественно, при этом необходимые коррективы и замены. Нетрудно представить и соединение этого чина с обычным таинстводействием крещения и миропомазания.

* О нем см. гл. II, 2.12.

** В древних Евхологиях стоит “возлагая руки на голову” (см. [14], с. 95).

Полезное в большинстве даже относительно благополучных случаев детского крещения “Увещание от иерея к восприемнику по святом крещении младенца” находится в 9-й главе Большого требника (русский пер. см. в “Русифицированных текстах чинов Крещения, Миропомазания и подготовки к ним”).

4.9. Таинстводействия миропомазания в отрыве от крещенских в наше время чаще всего совершаются или при крещении не епископами-пресвитерами*, или при присоединении к Православной церкви некоторых отпавших и инославных христиан, главным образом протестантов¹⁴, считающихся уже крещеными, но, в силу отсутствия у них законного священства, не миропомазанными.

О том, как их надо к этому таинству готовить, речь уже шла**. Чин же собственно таинстводействия их миропомазания несколько отличается от обычного. Он дан, например, в обеих частях “Книги чинов присоединения к православию”, в 105-й главе Большого требника и в третьей части Третьяка, изданного Московской Патриархией (рус. пер. см. там же).

Поскольку этот чин оформлен как самостоятельное таинстводействие, постольку и начинается он после разрешительной молитвы перед крестом и Евангелием возгласом “Благословенно Царство”. Далее идут начальные молитвы и великая ектеня со специальными прошениями о помазании и помазываемом. Затем читается молитва перед миропомазанием, являющаяся приспособленным к случаю вариантом соответствующей общеупотребительной молитвы, и совершается само помазание св. миром, с особой последующей молитвой, но без хождения кругом. Тут же присоединяется краткий и также приспособленный к случаю обряд “измовения” с одной его третьей молитвой в конце. Завершается весь чин краткой сугубой ектеньей с отпустом, аналогичной заключительной ектеньей “Последования святого крещения”. Потом новомиропомазанному чином предписывается причаститься, для чего указывается, что

* См. там же, в гл. IV, 5.

** См. гл. II, 2.7—9.

О чине присоединения через миропомазание *вкратце* — см. гл. IV, 5.

4.12. Строгая литургичность всего “Последования святого миропомазания” требует, в полном соответствии с православной традицией, совершать эти чины, так же, как и крещенские*, *только* рукоположенному *епископу или пресвитеру*.

Всякое иное сошествие Святого Духа, поскольку оно сейчас не исключается из принципов православно-христианской жизни, совершается уже не по нашему чину, а в харизматической полноте Свободы Духа Святого, которую никто судить не может. Отличать же эту Свободу от ее подделки и стилизации для Церкви, имеющей дар Того же Духа “различать духи и Дух”, — возможно. Для этого нужно лишь “собрать со Христом” такую горнюю Церковь и явить ее в церкви дольней. И конечно, для этого нужно само “новое” излияние Святого Духа...

5. Чины 8-го дня по крещении и миропомазании

5.1. Семь дней новопросвещенный празднует второе, но главное свое Воцерковление — св. Крещение. Семь дней он призван поучаться таинствам веры и жизни Церкви, ежедневно вкушая от их плодов. Семь дней он горит как яркий светильник и сияет чистотой и белизной у всех на виду. Но на восьмой день он должен прийти в храм, чтобы оставить внешние знаки и начать уже самостоятельно жить внутренней духовной жизнью. Детоводительство завершено, Возрождение, в принципе, совершилось. Таким образом, здесь “восьмой день” — день эсхатологического выхода из семидневной истории-круговращения, но и день, с которого все еще начинается круг новой седмицы.

5.2. Такова и сама церковная жизнь, ибо Церковь не от мира сего, но в мире сем. Господь не хочет до времени брать нас из мира, но не хочет и нашего смешения с ним. Пребывание в мире сем — пребывание во внутренней и внешней борьбе. Кто по-

* См. гл. II, 2.10, а также гл. I, 5.

беждает, “претерпев до конца”, — спасается, а ушедший “в страну далече” — осуждается.

Все это хорошо должен уяснить уже к первому своему “восьмому дню” новокрещеный, чему и призваны в последний момент помочь обряды этого дня. В наше время, как правило, этого не происходит, но обряды продолжают совершаться, правда, почти всегда бессмысленно и механически присоединяясь ко второй части “Последования святого миропомазания”* .

5.3. По своему составу чин “Измовения на 8-й день”, как он теперь называется**, может быть условно разделен на две части.

Первая часть — собственно окропления и омовения знаков (следов) мира, состоящая из трех молитв (последняя — главопреклонная) и двух возгласов-объявлений о происходящем.

Часть вторая — пострижения власов новопросвещенного, состоящая из двух молитв (вторая также главопреклонная) и соответствующего возгласа-объявления (“формулы”). В заключение всего чина положена также очень краткая сугубая ектенья с прошением о восприемнике и новопросвещенном и “обычный” отпуст.

5.4. Перед началом чинов “Измовения”, если не предполагается его совершать лишь формально, священнику лучше всего сказать несколько слов о значении и смысле этих обрядов***, упомянув и о бывшем в этот момент когда-то главным снятии белых крещенских одежд. Впрочем, здесь не надо и чего-то придумывать, зная, что “измовение” никакого особо большого смысла и значения не имеет, а “пострижение” имеет лишь (уже давно непонятный без подсказки) символический смысл благословения, вернее, “перехода в благословенное подданство Христа” как Царя и Господа, послушания и самопожертвования “всего себя и друг друга и всей жизни нашей” Христу и Богу.

* См. гл. II, 4.8.

** А раньше это был чин “Снятия на 8-й день белых одежд”, о чем ныне напоминает лишь первая молитва, древнейшая во всем чине.

*** До X века такая проповедь была по чину обязательной, см. [14], с. 68.

Тот же смысл был перенят и в монашеском “постриге”, где именно этот символический чин стал, судя по именованию, даже главным, наряду с предварительными послушническо-этическими обетами и символическим же облачением, правда, не в белые, а в черные одежды, в которых новопостриженники неизменно пребывают в храме до семи дней, как и новопросвещенные. Недаром этот чин изначально многими воспринимался как своеобразное таинстводействие “второго крещения” (возрождения), необходимого с эпохи начавшегося упадка христианской жизни и до сего дня чуть ли не всякому христианину, особенно крещеному с детства и не наученному.

5.5. Если, скажем, проповедь заняла много времени и есть необходимость *сократить* первую часть — чин омовения, то можно ограничиться лишь первой молитвой (желательно — совместив ее с положенным здесь древним обрядом руковожжения)* и отиранием знаков мира с подобающими торжественными возгласами. В самом крайнем случае можно опустить этот чин вовсе или оставить какой-либо один из двух основных его элементов: или слово с первой молитвой, как это было до IX века**, или только возгласения на отмывание-“изомовение”.

5.6. *Вторая часть* обрядов 8-го дня до X века, вероятно, не была еще жестко связана с крещенскими чинами. Ее первая молитва — более древняя — рассчитана на постриг *взрослого* человека, а вторая — на постриг младенцев, вернее, *детей****. Таким образом, пастырю надо сообразоваться с возрастом постригаемого и выбирать нужную в данном конкретном случае молитву.

При необходимости *сократить* и вторую часть — чин пострижения, можно оставить лишь сам постриг с соответствующим возгласом, т. е. объявлением-“формулой”, а в

* См. [43], с. 168.

** См. [14], с. 68.

*** Появляется она также лишь с X века (см. там же).

крайнем случае, как и *при присоединении к православию* (по “Книге чинов” и т.д. — см. гл. II, 4,9—11), можно опустить эту часть вовсе.

5.7. Если эти чины все же *совмещаются с таинстводействиями миропомазания*, то их можно сократить до минимума, например, до двух возгласов — омовения и пострижения, может быть, еще с первой молитвой первой части и обязательного в этом случае предварительного слова-пояснения и заключительного отпуста, которым также может быть живое слово-напутствие. Вставлять обряды 8-го дня между Евангелием и сугубой ектеньей на миропомазании весьма нежелательно, их надо совершать только после его завершения. Если же само миропомазание совершалось до или во время литургии, то обряды 8-го дня лучше всего провести отдельно и не ранее, чем *после* литургического отпуста*.

5.8. В наше время вопрос *о лучшем времени совершения чинов “Измовения”* не прост**. С одной стороны, совсем не случайно здесь обозначен точный срок — “8-й день”, так что в связи с необходимостью избавляться от церковного формализма и номинализма*** надо было бы стремиться совершать их именно в этот день. Но тогда, несмотря на современные житейские церковно-приходские трудности, связанные с этим требованием, надо было бы стремиться восстановить и недельное ношение светлых одежд, и стояние в это время в храме со светильниками (свечами), не говоря уже о главном — ежедневном в течение восьми дней причастии и о проведении в это время церковного тайноводства (таинствоводства).

Покуда всего этого почти нет, во всяком случае, пока нет даже важнейших элементов, следует считать за лучшее придерживаться рекомендаций предыдущего пункта — 5.7. Когда же эти элементы, хотя бы в главном, будут реально присутствовать, тогда станет реальным и обновление литургического

* См. гл. II, 4,10, а также [42], 1-е примечание к Заключению, на англ. яз.

** См. [43], с. 162—167.

*** См. гл. V, 26—27.

введения новокрещеных в мистику “восьмого дня”. Тогда же определится и его новая “форма” с новым чинопоследованием.

5.9. “Снятие белых одежд”, “измовение” и “пострижение”, как и всякий символический церковный “полулитургический”* обряд, может совершать *пресвитер или епископ*, но в крайнем случае, если таковых почему-либо нет, и любой достойный “представитель” Церкви, имевший личное отношение к совершавшемуся перед этим таинству и таинстводействию. В самом же крайнем случае весь этот чин может быть опущен.

* То есть не требующий обязательно полного собрания церкви как евхаристической общины.

ГЛАВА III

ДО И ПОСЛЕ СОВЕРШЕНИЯ ЧИНОВ

1. Предложение взрослых (миссия среди “ищущих” нехристиан)

1.1. В жизни обращающихся и Церкви *каждому* церковно-значимому чину что-то предшествует, делая, в нормальном случае, совершение чина уместным и благовременным, и что-то последует, делая церковный акт личностно-плодотворным и тем самым создавая необходимые предпосылки для совершения последующих чинов. Поэтому и нам надо начинать с самого первого периода — *предложения*, предвещающего собою совершение акта 1-го оглашения* .

1.2. Таинство Крещения, как и любое иное таинство, — не только сакраментальный акт, но и сложный многоступенчатый внутренний и внешний процесс, требующий особой подготовки с “испытанием” себя каждым причастным к нему**. Забвение этого ведет к забвению той страшной правды, что можно, в частности, *креститься (и крестить!) “в суд и во осуждение” себе.*

1.3. Наше рассмотрение процесса предложения может быть лишь кратким и односторонним, поскольку это — *не только наша тема*, но и вопрос проповеди, миссии и апостолата Церкви и каждого верующего церковного христианина, включающий множество дополнительных аспектов.

1.4. Основным *содержанием* процесса предложения является постоянный призыв человеческой совести к вере в Единого Бога и во Христа Его, а значит, к Покаянию, Обращению, Возрождению и Обновлению всего человека, к Единению его с Богом и Его народом в Любви и Свободе Духа. Главное дело миссионера в его служении — возвещение людям в историческом вре-

* Об этих и прочих чинах см. гл. II.

** См. гл. V, 17—19.

мени керигмы Церкви и призыв к Покаянию через осознание себя и мира сего в бедственном положении в силу противоречия между предчувствием своего высшего призвания в прекраснейшем мире и реальностью господства зла в нем и в себе.

Состояние апостольского служения в Церкви, в том числе “апостолата мирян”, — один из основных показателей уровня духовной жизни в любой церковной общине и во вселенской Церкви.

1.5. Таким образом, *конечная цель* предогласительного периода — пробуждение общечеловеческой жажды *спасения и творчества* в пока еще не ведающих их Тайн людях, обращение их “к Богу от идолов, чтобы служить Богу живому и истинному и ожидать с небес Сына Его, Которого Он воскресил из мертвых, Иисуса, избавляющего нас от грядущего гнева” (1 Фес 1:9-10).

1.6. Никаких *своих* частных целей при этом у проповедника *быть не должно*, ибо ничто в Церкви не должно служить для них средством, тем более — таинства.

Под “своими” целями подразумеваются, конечно, не только так или иначе корыстные или нечистые, но и внешне благородные и церковные — поделиться с людьми своим церковным опытом, своими взглядами, приобрести себе друзей, найти себе помощников (даже в церковных делах) и т.д.

1.7. Цель предоглашения может считаться достигнутой с момента по возможности максимально свободного, реального и ответственного *уверования* человека в Бога и Спасителя (нашего и мира) Иисуса Христа-Мессию и выражения желания внутренне и внешне *очиститься и измениться*, а следовательно, *креститься и воцерковиться*.

До тех пор человек еще не христианин и не член Церкви, даже не неполный, в отличие, например, от оглашаемых всех ступеней. Но он уже как бы кандидат, “ищущий”.

1.8. Предоглашение Словом Божиим может относиться *ко всем* возможным кандидатам на принятие полного Крещения — не только ко взрослым, т. е. вполне самостоятельным людям где-

то от восемнадцати до шестидесяти лет, но и к старикам, а также к подросткам, отрокам и отчасти даже детям, хотя, конечно, не к малым, и не к младенцам, разве что в этих случаях — к их родителям и предполагаемым поручителям-крестным. Оно также относится к христианам лишь внешним, формальным, “по имени только” и к нехристианам и “неверующим”, к людям умным и глупым, красивым и уродливым, к здоровым и больным (в том числе психически, до известной степени), начинающим жизнь и умирающим, к нищим и богатым, благородным и простецам, к культурной элите и бескультурным, к нравственно и социально “порядочным” и находящимся “на дне” преступникам, к опытным и успешным в жизни и делах и неопытным и т.д.

О важнейших особенностях некоторых из этих групп в процессе их подготовки к Крещению мы еще будем говорить специально*.

1.9. Основными допустимыми *средствами, методами* предложения сначала могут быть только личное свидетельство, личная беседа и предогласительная керигматическая (но никогда еще не догматическая!) проповедь, слово о Боге и об Иисусе, показ христианского образа жизни, установление внутреннего доверия и контакта, а позже, по мере зарождения и утверждения в ищущем человеке веры, дружественное общение, частная (но еще не церковная!) молитва и частное же ознакомление со Священным писанием. Для чтения здесь стоит рекомендовать: из Ветхого завета — избранные места из Закона и небольшие подходящие части учительных и пророческих книг; из Нового — отдельные притчи и нравоучения первых трех, синоптических Евангелий.

1.10. *Место и время* для этого могут быть различны. Если человек, неверующий с христианской точки зрения, попал сразу в храм, то проповедовать такому лучше до или после богослужения и совершения чинов (треб). Если же он спрашивает о чем-либо, относящемся к вере и церкви вне храма, то и отве-

* См. гл. IV, 1—5.

чать ему можно и должно где угодно — в домах и любой другой непринужденной обстановке — и когда угодно. Важно лишь, чтобы “от избытка сердца говорили уста”.

Так, увы, бывает с нами не часто, хотя *способность* и готовность “дать отчет в своем уповании” должна быть у всех христиан, везде и всегда, в любом положении и состоянии. Делая это, нам надо твердо верить в Бога и человека и знать, что *любой* человек, даже наш нынешний подлинный *враг*, может стать *другом и братом* по милости Божьей и по благодатной молитве верных, возлюбивших его.

1.11. Могут ли и должны ли предъявляться Церковью к предглашаемому (“ищущему”) какие-либо внутренние и внешние *требования*? Представляется, что нет, кроме, разумеется, “общечеловеческих”, душевно-нравственных и культурных, да и то не сразу и лишь в самом общем виде, ведь не праведных, а грешных, не здоровых, а больных пришел спасать Господь и — по Его заповеди — все христиане.

1.12. К проповеднику же, сеющему семена Божьей правды и истины, возвещающему “Тайну Христову” (Кол 4:3), благовествующему пришествие Небесного Царства в Новом Завете людей с Богом, кем бы ни был он в церкви — будущим поручителем, катехизатором или церковным дьяконом, епископом и пресвитером-пастырем, Церковь предъявляет, кроме “общехристианских”, повышенные “внешние” требования.

Проповедник не должен “давать повода ищущим повода”, но конечно, он никогда не должен и лицемерить, как это случилось однажды даже с ап. Петром. Покуда предглашаемые — еще “внешние” по отношению к Церкви, проповеднику также хорошо помнить следующие слова Священного писания: “Со внешними обходитесь благоразумно, пользуясь временем. Слово ваше (да будет) всегда с благодатью, приправлено солью, дабы вы знали, как отвечать каждому” (Кол 4:5—6).

1.13. С учетом современного опыта можно предложить следующие *рекомендации*, относящиеся преимущественно к процессу предложения.

Возвещающий Слово Божие свидетель Истины, говоря от своего опыта и духовного знания, ведения, должен избегать много говорить о себе и о многом судить “по себе”.

Также ему не следует спешить вести приглашаемых на богослужение в храм (вне богослужения — иногда можно!) или знакомить со своими друзьями, давать христианские книги, даже Священное писание как Ветхого, так и Нового Завета, и предлагать свои, а тем более церковные, христианские молитвы* .

Избегая в этом служении запальчиво-нетрезвенной увлеченности, шаблонов и формального подхода, нужно уметь *живо* реагировать на особенности конкретного места и текущего момента, а также индивидуальной жизни и характера приглашаемого.

Нужно брать за него ответственность пред Богом и приготовиться в случае нужды к самопожертвованию за него даже до смерти, ведь ему, как известно, лучше было бы не слышать о Боге и о Его заповедях и откровениях, чем услышав, потом отказаться от них.

Слова ап. Павла: “Будучи свободен от всех, я всем поработил себя, дабы больше приобрести... *Для всех я сделался всем*, чтобы спасти по крайней мере некоторых” (1 Кор 9:19,22) — в наше время могут относиться в полном объеме скорее не столько к отдельной личности, сколько к Церкви. Ради восстановления и большей актуализации ее универсальности и целостности надо именно в этом смысле быть “как все” и со всеми. Надо искренне сорадоваться и сопереживать “ищущим” и слушающим, а точнее, лишь начинающим прислушиваться. Надо, чтобы они поверили в то, что их радости — и наши радости, их беды и печали — также наши беды и печали.

При этом, конечно, нельзя смешиваться с ними или поддаваться “за компанию” на их искушения, грехи и соблазны, якобы для лучшего взаимопонимания, чтобы показаться “своим” и т. п. Только *сила и власть* искренней христианской *Любви и Свободы*, показанные на личном примере и имеющиеся в опыте, — залог успеха. Впрочем, надо помнить и о другом — о том, что

* Дополнительно см. гл. III, 1.9.

до поры до времени все должно быть в меру и что не случайно в Новом завете сказано: “Иных и страхом спасайте” (Иуд 1:23)* .

Кроме того, необходимо верно представлять себе как то, чего “ищущие” *хотят* сами, так и то, что им подлинно *нужно*. Если их несколько, то надо попытаться удовлетворить интерес всех и каждого, но особенно тех, кто в состоянии будет потом пояснить сказанное остальным.

Если беседа ведется с совсем “неверующим”, оторванным от традиционных культов и культур человеком, то *начинать* надо с призыва прийти в себя (ср. Лк 15:17) и проповеди единого живого истинного Бога и только потом говорить о Его Посланнике, Пророке и Помазаннике Иисусе, Господе и Спасителе нашем. Обращаться при этом следует к уму, совести, интуиции и уже имеющемуся положительному и отрицательному жизненному опыту каждого. Хорошо бывает начинать беседу, например, с обсуждения общепризнанных достижений христианской культуры, искусства и литературы.

Не следует вдаваться ни в догматику и аскетику, поскольку они требуют уже духовного посвящения в христианские таинства веры и жизни и составляют поэтому предмет таинствоведства, ни даже в закон Божий и этику христианства, поскольку это также практически доступно только уже уверовавшим христианам, у которых есть первоначальное понятие о грехе, правде и о суде.

Еще не желательно апеллировать *только к прошлому*, как священному, так и личному.

В беседе не должно быть учительского и покровительственного тона, не должно быть излишней рационализации или, напротив, таинственности.

Не надо бояться и стесняться традиционно-образного, в том числе евангельского, приточного и мифопоэтического “сказочного” языка. В речи вообще надо стараться употреблять *меньше религиозных терминов*. Все они очень обездушены и обесмыслены, к нашему времени очень стерлись и обросли лишними или даже вредными ассоциациями. Для многих они

* Но, заметим, все-таки — не испугом!

превратились лишь в национально-культурно-культурные знаки — “ярлыки” с положительным или отрицательным содержанием, в том числе, к сожалению, даже такие важные из них, как Крещение, Троица, Сын Божий, ипостась и т. д.

Последнее особенно важно помнить в беседе с людьми традиционно неправославных и нехристианских (чаще уже антиправославных и антихристианских) культур — с евреями, татарами и т. д. Поэтому вплоть до самого их крещения эти культурно-догматические и тому подобные термины надо вводить лишь их образным названием (по возможности без какого-либо пояснения), причем делая это постепенно, осторожно и в точном смысловом контексте.

И наконец, не надо отступать при затруднительных вопросах и предложениях, даже таких, чтобы испытать истинность веры “на деле”. Проповедующий всегда уверенно может предложить собеседнику непредвзято провести такое испытание на себе, на примере своей жизни, остерегаясь лишь перейти грань, определяемую заповедью “не искушай”. Главное для него — преодолеть равнодушие, теплохладность, а далее — “ищите, просите и стучите!”.

Необходимо также нравственно “заставить” проглашаемого уважать себя и свой духовный христианский опыт. Именно для этого, для раскрытия его “глаз и ушей”, нашу веру лучше не столько *доказывать* (хотя апологетический момент остается необходимым элементом всякой предогласительной беседы), сколько словом и жизнью ее *показывать*.

1.14. В наше время по разным причинам проповедующие и поручители-крестные часто не в состоянии как следует справиться со своей задачей, в связи с чем большая ее часть ложится на катехизаторов и пастырей. В таком случае им предварительно требуется не только познакомиться с желающими креститься или как-либо иначе воцерковиться, но и постепенно выяснить, кто был прежде его бог и верует ли он теперь в единого живого личного Бога-Духа, Творца мира и человека, являющего истинный Свет Любви и Свободы; кем для него лично является Иисус Христос сейчас и в перспективе его жизни; поче-

му он приходит именно к Христианству и в Православную церковь; от чего он для этого в состоянии отказаться и чего он ожидает обрести в своей жизни и вере¹⁵.

Кроме того, в таких предоголасительных беседах (а в зависимости от духовного уровня “ищущих” они могут распространяться даже на период 1-го оглашения, и тогда они могут также являться как бы вводными к огласительным беседам 2-го оглашения) можно уделить внимание подготовке к чином 1-го и 2-го оглашения, т. е. рассказать о возможности принять новое имя и т. д.

Таким образом, с отречением от старой веры и принятием новой и с осознанным выражением желания креститься и воцерковляться перед любым принявшим его “представителем” Церкви предоголашаемые становятся из “ищущих” уже что-то в христианской вере и жизни обретшими, т. е. христианами, и тем самым вступают, независимо от того, было ли это внешне, в т. ч. культово-молитвенно, как-нибудь оформлено или нет, в следующий период — период 1-го оглашения.

2. 1-е оглашение (“слушающих”) — после первичного воцерковления, в том числе младенцев на 40-й день

2.1. Когда-то оглашаемые 1-го оглашения (собственно “оглашаемые”, или “слушающие”) играли для Церкви и в церкви весьма заметную роль. Во-первых, потому что через эту ступень проходили практически *все или почти все* ее полные члены и, во-вторых, потому что оглашение было обычно довольно *длительным и напряженным* процессом. Этот процесс требовал как от самих оглашаемых, так и от Церкви больших сил, причем не только, а может быть и не столько молитвенно-литургических, сколько вероучительно-нравственных.

В связи с этим становится понятным, почему в современной церковной традиции именно молитвенные чином 1-го оглашения, как для христианских младенцев “на 40-й день по их рождении”, так и тем более для взрослых*, практически забы-

* См. гл. II, 1.5—6.

ты, в отличие от чинов 2-го оглашения, почти в равной степени потерявших свой изначальный смысл, но все-таки повсеместно донныне используемых.

В нашу эпоху в церкви не только нет самого института “оглашенных” 1-го оглашения, но забыто само точное понятие 1-го оглашения, например, в отличие от 2-го оглашения. Поэтому даже если ныне некоторые христиане разумно и действительно прислушиваются к литургическому возгласу дьякона: “Изыдите, оглашенные, изыдите!”, — то вряд ли кто-то из них задается еще вопросом, о каких именно “оглашенных” здесь идет речь и кому что после этого надо делать.

И тем не менее, та духовная реальность, которая скрывается за термином “1-е оглашение”, остается для Церкви непреложно актуальной. Она даже *всегда* реализуется в жизни *каждого* приходящего в Церковь, независимо от его возраста и субъективной подготовки. Время его 1-го оглашения располагается, пусть часто и в самом малом, но все же реальном интервале между практическим, хотя всегда еще недостаточно личным, выражением им или его поручителем желания креститься и всегда еще достаточно условным признанием Церковью этого “оглашаемого” христианина достойным принятия таинства Крещения. Вспомним, например, слова Писания: “Если веруешь от всего сердца, можно!”, в Деян 8:37, или нередкое в наше время: “Если будут в наличии родители и крестные с деньгами, полотенцами, свечами и крестиками, то можно”.

Всем ясно, что от того, что конкретно стоит за этими ответами, т. е. каковы церковное осознание места и существа, а также реальный уровень 1-го оглашения, зависит многое и очень многое во внешней и внутренней жизни горней и дольней Церкви.

2.2. Так что же такое 1-е оглашение? Это — *начало* самоотдачи и просто *отдачи* уже уверовавшего во спасение через Иисуса Христа¹⁶ человека на служение Богу, наподобие ветхозаветного образа посвящения и представления Господу, начинавшегося с сорокадневного возраста. Это — прохождение обращающимся *начального искуса* в познании и прохождении христианской

жизни и обретение *навыка* послушания Богу и Церкви через исполнение их *заповедей*.

Этим образом оглашаемые еще до своего крещения становятся христианами* и, в известном смысле, пусть пока неполными, но членами Церкви, начавшими свою подготовку к Крещению, вернее, даже уже само таинство Крещения, понимаемое как разворачивающийся в историческом времени процесс**. Поэтому, как пишет о. М. Арранц, “они получают право входить в храм и слушать чтение”*** Писания с его комментариями, т. е. с этико-керигматической проповедью, чем и оправдывается их второе историческое имя — “слушающие”.

Вступление в период 1-го оглашения христианских младенцев и детей с необходимостью требует уже в это время их постоянного нахождения и возрастания в христианской среде, а значит, в христианской семье и живом церковном общении, как домашнем, так и церковно-храмовом, пусть пока еще не вполне литургическом и, тем более, не евхаристическом. Для этого, разумеется, требуется само наличие такой семьи, храма и (или) христианского общества.

2.3. В истории нашей Православной восточной церкви практика 1-го оглашения была распространена до повсеместного утверждения младенческого крещения вместо детского, т. е. до XI—XII веков. Впрочем, о ней еще помнил св. Симеон Солунский (XV век). Так происходило первоначальное “вхождение в Церковь”, первое воцерковление****, в результате которого оглашаемые, но еще некрещеные младенцы, как тем более и взрослые, вероятно, в некотором смысле уже “считались спасенными, так как чины крещения над младенцами, стоящими перед смертью, довольно поздние”*****.

И ныне *не следует суеверно слишком бояться смерти оглашаемых* до их крещения, по языческому принципу “а вдруг!..”,

* О чем см. гл. II, 1.5—6.

** См. гл. V, 6.

*** [14], с. 19.

**** См. гл. II, 1.5—7.

***** [14], с. 32.

ведь они, в отличие от нехристиан, находятся под покровом Божиим и церковных молитв о них, не допускающих в жизни никаких “а вдруг”. Кроме того, они, как видно, отчасти уже “спасены в надежде” (Рим 8:24), поскольку в свою меру и живут и умирают для Бога, во Христе и за Христа (ср. Рим 14:7—8; о крещении “огнем и кровью” см. также [22], с. 96 и гл. I, 2.4 наст. работы).

Впрочем, это не мешает тому, чтобы ревностно позаботиться о крещении их в чрезвычайных случаях*, о расширенных возможностях которого речь уже шла**. Об этих возможностях надо знать оглашаемым, их поручителям и всем близким верным.

2.4. В связи с этим не должно возникать недоразумений со ссылкой на 68-е правило Номоканона, которое говорит, что “если чье отроча умрет некрещено ради нерадения, сицевой три лета да не причастится”.

Совершено очевидно, что здесь главный акцент ставится на наказание за нерадение о Крещении, недопустимое в деле Веры, а не разбирается вопрос о смерти человека, тем более специально — оглашаемого, некрещеным. Ведь ничем не лучше данного в Номоканоне, а даже, может быть, *хуже* его тот факт, когда человек, будучи формально крещеным, но, по тому же нерадению священника, крестного или близких, неверующим, умирает вне Бога, Благодати и Церкви (ср. 2 Пет 2:21). Евангельские слова о том, что “от всякого, кому дано много, много и потребуется; и кому много вверено, с того больше взыщут” (Лк 12:48), можно отнести и ко Крещению, которое всегда в первую очередь — таинственный Дар.

Дополнительно надо учесть, что данное правило Номоканона было составлено в то время и там, где и когда быть членом церкви и общества, и потому *благонадежным* подданным “христианского государства”, означало почти одно и то же, а поэтому требовалось крестить по возможности *всех* и как можно *раньше* (соответствующие исторические тенденции и их

* Об этом см. гл. II, 2,4 и особенно 5.

** См. в гл. I, 1—4.

результаты хорошо известны!). К тому же тогда человек мог вырасти и стать верующим без особых усилий со стороны церкви, родителей и крестных, поскольку их “нерадение” восполнялось другими формами попечения о своих членах и церкви, и самого христианского общества с его христианской культурой. Сейчас же у нас многое изменилось, положение в церкви и обществе существенно иное и потому отношение к младенческому и даже детскому крещению также быстро и во многом меняется, хотя само оно, в принципе, не может и не должно отрицаться.

Отсюда вытекает необходимость обновления в понимании и применении этого канона, если вообще, хотя бы трансформированно, он применяется или когда-либо будет применяться на практике. В наше время по духу данного канона, как раз во избежание того же “нерадения”, *с крещением нельзя как тянуть, так и спешить*, что и имело место в христианской истории в ее первые пять-шесть и даже десять-одиннадцать веков.

Связанный с этим вопрос о влиянии *первородного греха и его последствий* на судьбу крещеных и некрещеных живых и, тем более, скончавшихся людей является сложным, неоднозначным и еще недораскрытым в Церкви. Опыт его переживания и решения карфагенской церковью, еще в древности приведшей к практике крещения младенцев чуть ли не на первый день от рождения, а также бл. Августином, остается, конечно, в церковном предании как его теологумен, но его значение не следует преувеличивать, ибо он еще не полон и не универсален. Есть в этом предании, как мы видим, и другие пласты* .

2.5. Итак, зачем же все-таки в Церкви существовало, существует и всегда будет существовать оглашение, а значит и оглашаемые?

Прежде всего, чтобы Церковь Божия не превращалась в “проходной двор”, на который легко и безболезненно может прийти любой и с которого любой может так же произвольно уйти, сделав свое дело. Церковь Божия, во избежание профанации, магии или иногда даже подлога, может испытать и согласно признать *каждый* свой таинстводейственный акт как

* Например, см. выше, 2.3.

подлинное таинство только после того, как она узнаёт Духом дух и плоды тех, о ком ей надо произносить свое суждение о том, достойны ли они принятия таинства и достойно ли они его приняли. Это особенно важно в случае неповторяющихся таинств, главным образом, Крещения в широком и полном смысле слова.

Подготовкой к этому акту церковной рецепции (признания) и является период оглашения, когда оглашаемый, будучи не лишен благодати и соответствующей духовно-христианской жизни, уже начинает приносить первые “плоды достойные покаяния” и даже “радоваться в Господе”. Благодаря именно этому периоду духовной жизни, оглашаемый достигает цели — возрастает и утверждается в Духе, исполняя закон Божьих заповедей, полагая основание для познания Бога с первых дней христианской жизни, а если речь идет о младенце, — и с первых дней своей физической жизни, тем самым не лишаясь столь важного в будущем детского личного духовного опыта богообщения.

2.6. Из всего сказанного ясно, что оглашаемым 1-го оглашения, как и предоглашаемым*, в принципе может быть всякий лично приходящий ко Христу человек, а также и *христианские* младенцы.

Следует все же заметить, что 1-е оглашение, как особый нормально последующий предогласительному период, с его сомнениями, борьбой и достижениями, характерен не столько для христианских младенцев и детей, которым с возрастом еще предстоит испытать по сути своей предогласительный опыт перехода от “детской веры” ко “взрослой”, искушенной, сколько для обращающихся ко Христу самих взрослых, хотя и не для всех.

Например, он бывает *не нужен для бывших еретиков и иудеев*. Исторически они становились христианами — оглашаемыми 1-го оглашения — лишь накануне сопричисления их к оглашаемым 2-го оглашения, “иже ко просвещению”**. Фактически это означало, что “взрослые, приходящие из евреев (иуда-

* См. гл. III, 1.8.

** См. [14], с. 25, 28, 29.

истов), поскольку они знали Писание и их отречение от еврейства (иудаизма) предполагало знание христианской веры, вероятно, записывались сразу ко 2-му оглашению, между тем как язычники, сарадины (т. е. магометане, приверженцы ислама, кроме “возвращающихся из сарацин”^{*} — *Авт.*) и другие (также после выражения ими свободного желания стать христианами и отречения от заблуждений своей прежней веры — *Авт.*) считались христианами и оглашенными, но вероятно, только оглашенными 1-го оглашения”^{**}.

В наше время оглашаемыми сразу 2-го оглашения могут считаться к тому же еще и те взрослые люди, которые уже веруют во Христа, считают себя христианами и живут по-христиански, но не знают еще, где христианская церковь, т. е. не знают, к какому христианскому обществу (конфессии) им присоединиться и (или) в какой поместной Православной церкви креститься. Они, уже будучи “просвещаемыми” нашей церкви, без ущерба для нее и себя *могут* продолжать по-прежнему ходить “смотреть” и “слушать” в юрисдикционно разные православные храмы и даже в другие христианские церкви.

2.7. Представляется очевидным, что период 1-го оглашения человека-христианина может длиться *неопределенно долго*: от нескольких минут до нескольких лет, если оглашается взрослый (исторически в среднем до 2—3 лет), и даже десятилетий, особенно если человек оглашается с младенчества или с детства. Завершается этот период с достижением его конечной цели^{***}, когда Церковь, чаще всего в лице своего священнослужителя или катехизатора, в ответ на просьбу человека о своем Крещении утверждает: “можно!”^{****17}.

2.8. Если люди случайные, как и приглашаемые, входят в храм лишь как гости, и потому для них “закон не писан”, они еще не могут участвовать ни в чем происходящем в нем, то совсем иное дело — присутствие в храме оглашаемых-слушающих.

* То есть бывших христиан — ср. там же, с. 28.

** Там же, с. 46.

*** См. выше, 2.2,5.

**** См. 2.1.

Если это не младенцы и не малые дети, то они уже входят в храм “по праву”, как христиане, и там на вечерне, утрени и литургии оглашаемых *слушают Священное писание* Нового и Ветхого Заветов, особенно синоптические Евангелия и также другие учительные и исторические книги, например, через паремии, т. е. притчи, “книги премудрости”. Там же после этих чтений для них может звучать специальная *огласительная проповедь* (или система поучительных проповедей), а после богослужения еще могут проводиться “в притворе” храма особые собеседования, наподобие уставных “оглашений” преп. Феодора Студита после утрени, к сожалению, ныне повсеместно опускаемых. Опять-таки в храме, но в наше время только на литургии оглашаемых, они присутствуют на *особых молитвах за них*, явных на ектенье и чаще всего “тайных” (увы!) в алтаре, и сами, пока еще частным образом, т. е. полулитургически, молятся перед этой ектеньей в ответ на соответствующее приглашение дьякона и с молитвой преклоняют пред Господом голову.

В частных же внехрамовых молитвах и общениях они могут также полноправно участвовать, например, в общих молитвах до и после еды, на внехрамовых общениях типа поминок, в домашних беседах после чтения Библии или какой-то хорошей книги, просмотра затронувшей духовно-жизненные вопросы телепередачи и т. д.

Младенцев и детей 1-го оглашения также надо регулярно водить в храм на церковные собрания и служения (кроме литургии верных), со временем и при взаимном желании допуская к участию в некоторых церковных молитвах и обрядах типа елеопомазания, помощи (только не всепоглощающей!) в возжигании свечей и лампад и т. д.

Но и вне храма их надо по доброму и умно, без насилия, по-христиански воспитывать и утверждать в вере, доступно показывая и разъясняя главные принципы христианской веры и жизни. Хорошо при этом использовать образный и сюжетный материал лучших произведений иконописи (без догматических разъяснений и апокрифических и мифологических подробностей), а также соответствующие музеи, монастыри, храмы и т. д. Церковно-исторические, житийные и повест-

вовatelyно-библейские рассказы могут быть хорошей домашней школой благочестия. Иногда с той же целью можно найти нечто подходящее и среди современных, не говоря уже о старых, произведений художественной литературы, в сказках, мифах и т. п.* , среди кинофильмов и мультфильмов.

2.9. Поскольку у всякого оглашаемого в церкви уже есть свои “права”, постольку у него есть и свои “обязанности”. К нему уже могут быть предъявляемы христианские *требования* в области его веры и жизни, хотя не столь строгие и глубокие, как ко крещеным.

Эти требования должны исходить из особенностей характера и уровня духовного развития оглашаемого в предположении, что для любого из них закон Божий уже закон их жизни, хотя, может быть, еще в большой степени и внешне. При грубом и сознательном нарушении этого принципа, по увещании и молитве Церкви, надо делать соответствующие выводы, вплоть до временного устранения их из числа оглашаемых. Вспомним даже типологически близкий, хотя и крайний рассказ об Анании и Сапфире в Деян 5:1-11.

2.10. Последнее, в свою очередь, налагает определенную *ответственность* в отношении оглашаемых на всю Церковь. Никакому христианину не может быть безразлично духовно-нравственное состояние и рост будущих членов его Церкви, с которыми ему со временем придется вместе каяться и радоваться, молиться, служить и благодарить. Но особенно велика ответственность на тех, кто связан с ними более тесно и лично — на поручителях, катехизаторах, пастырях-пресвитерах, епископах.

Поручители здесь могут сделать более всех, ибо они могут быть вместе с оглашаемыми не только в храме, но и соучаствовать в их духовном становлении в любом другом месте и в любое время. Вместе с пастырями и катехизаторами они призваны, не боясь трудностей, но и не навязываясь, духовно наставлять, исправлять, восставлять и возгревать своих подопечных, а также разьянять им недопонятое и отвечать на их вопросы.

* Списки необходимой для этого литературы см., например, в приложениях в [45], изд. 3-е.

При этом от *катехизаторов* требуется особая уверенность в том, что их дело не просто личное, но еще более — церковное, и следовательно, то, что они делают и говорят, делается и говорит-ся ими в полноте ответственности от имени и от лица Церкви.

От *пресвитеров* же церковных требуется особое духовное внимание и чуткость к оглашаемым, начиная с того момента, когда к кому-то из них мог быть приведен новый человек для проверки, совершения чина 1-го оглашения и благословения на это оглашение (по возможности и при необходимости — с соответствующими советами и рекомендациями), и вплоть до того времени, когда он сам скажет или услышит от других сведущих христиан, что этому оглашаемому креститься уже “можно!”.

2.11. Всем причастным к процессу оглашения надо знать и помнить, что у оглашаемых есть типичные и общие для многих из них *искушения и трудности*. В наше время это, прежде всего, непонимание целей и смысла всякого оглашения из-за страха и стеснения личной и церковной жизни, а также ее неведения или, хуже того, суеверного и искаженного “вѣдения”. Отсюда часто встречается вначале суетное и легкомысленно-индивидуалистическое стремление *как можно быстрее* “как все” креститься — и “с плеч долой”, а на последующих этапах, с познанием силы зла и греха, как и своего недостойнства и невежества, есть тенденция, наоборот, оттянуть или отложить крещение, а иногда даже и оглашение на совсем неведомый срок.

Среди других искушений — жажда “праведной” деятельности, но такой, чтобы, все оставив и бросив, *забыв о себе* и “бревне в своем глазу”, помогать всем, а начав помогать другим, еще нередко им с их грехами уподобляться, “входя в роль” и почти отождествляясь с ними* .

2.12. В современной практике часто встречаются *трудности*, связанные с необходимостью преодоления оглашаемыми различных собственных *предрассудков*, особенно атеистическо-антицерковных, которые, как правило, прочно закрепились в их подсознании с детства.

* О чем мы уже упоминали, см. гл. III, 1.13.

Кроме того, оглашаемых сразу надо постараться оградить от ложных путей и поспешных выводов в процессе усвоения ими общехристианского культового и культурного наследия, а также в связи с неизбежной и быстрой перестройкой их отношений в семье, на работе, в школе, со старыми друзьями и обществом в целом, от которых нельзя в случае обострения конфликта просто уйти или сбежать, но с которыми надо начинать свое христианское служение и всю свою новую жизнь.

В то же время оглашаемые должны прививать себе вкус к будущей активной аскетической *работе над собой*, в духе, душе и теле, опираясь пока, до Крещения, преимущественно на свои собственные ограниченные силы.

Для этого им надо начать (иногда с нуля, и тогда им непременно потребуется большая поддержка и помощь) самостоятельную нравственную работу по исполнению конкретных заповедей Божьих в отношении Бога, мира, общества и человека, а следовательно, и освобождению себя от зла и греха, от вредных навыков, опыта и привычек, например, к курению, алкоголю, наркотикам, сквернословию, азартным играм, к любому невоздержанию, в том числе сексуальному, ко всякого рода лжи и т. д. В связи с этим оглашаемым надо вовремя пояснить, хотя бы на примере Десяти заповедей, актуальность и относительную (опосредованную) богоустановленность каждой из них, а значит, и недопустимость никакого добровольного компромисса в области этики, а тем более таких грехов как идолотворение, эгоизм, воровство, в том числе на работе, и т. д.

Параллельно с этим оглашаемых надо научить молиться, главным образом, своими словами, сделав это ежедневной потребностью, общаться с разными людьми, не постригая при этом всех “под одну гребенку”, находить удовлетворение в простых и скромных вещах и делах, если они в Боге (и по Божьей воле) содеяны, быть на деле постоянно энергичными и строгими, но тем не менее, посылно милосердными и жертвенными, и т. п.

Оглашаемые, таким образом, должны избегать как искусственной экзальтации, так и угашения духа, как излишнего и дерзкого расширения жизненных горизонтов, в том числе ду-

ховных интересов (во избежание “теософского хода”, который по существу и есть выход за пределы, установленные Богом, т. е. духовный разврат, “разворот”), так и излишнего и робкого их сужения, как рационалистического просвещенчества, так и суеверий обскурантизма (мракобесия, глупой веры) и квази-праведного фанатизма (большой и сильной веры, но без любви), как увлечения законничеством, в том числе ветхозаветным, так и злоупотребления легко вырождающейся в произвол свободой, как рабства у преданий и традиций церкви, так и пренебрежения ими, и многое другое.

2.13. Если 1-е оглашение *проходят уже крещенные ранее или присоединяющиеся к православию* (решение о целесообразности, формах и сроках оглашения в данном случае надо принимать особенно лично и неформально, “по духу”), тогда целью оглашения по прохождении 2-го его этапа будет являться не Крещение, а первая исповедь (Покаяние) или Миропомазание. Подготовка к ним мало чем будет отличаться от подготовки ко Крещению.

При этом даже ранее крещеным “православным” — как правило, почти ничем в лучшую сторону не отличающимся от некрещеных — на период оглашения иногда стоит рекомендовать воздерживаться от “промежуточных” исповедей и причастий, если они вообще что-то знают о них.

Большинство же присоединяющихся к церкви христиан почти сразу от предоглашения переходят ко 2-му оглашению, как это было и в древности.

Однако пренебрегать опытом 1-го оглашения ни они, ни кто другой не должны, ведь этому опыту, в принципе, тоже соответствует духовное прохождение оглашаемым, подобно Моисею, пути “во мраке” Богопознания, когда Богообщение еще не может являться личным и непосредственным. Тогда, как и в ветхозаветный период, еще не может быть снято “покрывало” подзаконной праведности, которой только предстоит “превзойти праведность книжников и фарисеев”. Тогда закон, пришедший “через Моисея”, еще должен стоять во главе угла, чтобы бескомпромиссное исполнение его оглашаемым стало креп-

ким навыком и тем самым добрым основанием для благодати и истины, явленной “через Иисуса Христа”, вера в Которого и движет оглашаемых к Небесному Царству и, значит, к таинству святого Крещения.

“Он (оглашаемый), — пишет о. А. Шмеман, — подобен людям Ветхого Завета, жившим верой в обещанное, исполнения которого сами они не увидели”^{*}.

Итак, имея очи, чтобы видеть, и реально видя такой достаточно накопленный оглашаемыми опыт, Церковь в ответ им и говорит “можно!”, начиная тем самым 2-й и главный период оглашения их, как тех “избранных”, “иже ко Просвещению”.

3. 2-е оглашение (“просвещаемых”) — собственно научение “крещаемых”, или подготовка их ко Крещению и Миропомазанию

3.1. Время 2-го оглашения — *сердце* всего подготовительного периода ко Крещению, требующее ото всех ведущих участников этого процесса особой внутренней и внешней отдачи себя на это дело (служение) Божие.

3.2. *Евангельским оправданием, смыслом и целью* 2-го оглашения является уготовление человека и его духовного “сосуда” (утробы, сердцевины-сердца) к принятию “нового вина” в Царстве Духа Божия, в первоначальном приобщении к откровению *полноты* Любви, Надежды и Веры¹⁸, т. е. приведение новоуверовавшего к началу полной жизни в Боге и Его Церкви, а значит, прежде всего, к “исполнению” (см. Мф 5:17) таинства Крещения.

3.3. Период 2-го оглашения “избранных”, или “просвещаемых”, т. е. приходящих “ко Просвещению”, часто называемый просто научением, *наступает* тогда, когда оглашаемый 1-го оглашения, восхотевший Крещения и об этом ответственно, свободно, откровенно и однозначно заявивший, так или иначе избирается Церковью и признается ею достойным^{**} и когда,

* См. [41], с. 109.

** При этом высший критерий “достоинства” — явление Духа, хотя важны и “внешние” признаки, о чем мы уже писали, см. гл. III, 2.

следовательно, начинается новый этап в его духовной жизни. Это этап собственно непосредственной и интенсивной подготовки к восприятию таинства Просвещения через уже намеченные на определенное время или даже день соответствующие таинстводействия. *Завершается* же 2-й этап, естественно, с достижением своей внутренней цели и совершением этих таинстводействий.

Другими словами, этот период — с момента, когда Церковь говорит *оглашаемому* “можно!” (креститься), до момента, когда она говорит *себе* “можно!” (крестить), и делает так, как говорит.

3.4. Опыт Церкви показывает, что этапы 2-го оглашения* часто являются *общими* для всех, “иже ко Просвещению”, что не умаляет их интимности и духовности, а значит, не исключает и *личной специфики*, которую необходимо лишь вовремя прозреть и учесть, что особенно важно тогда, когда оглашается человек зрелый — возрастом, умом и душой.

Это относится, конечно, не только к собственно процессу оглашения, занимающему при всей его сжатой напряженности все-таки значительное время, но и к молитвенно-литургическому его выражению, несмотря на его жесткое, казалось бы, закрепление известным чином** .

3.5. В отношении же самих этих этапов сейчас уже ясно, что над всяким, признанным по своей вере и жизни достойным причастия полноте благодати, уместно совершить первую часть 2-го оглашения — “молитву во еже сотворити оглашенного”.

Также ясно, что над всяким, уже прошедшим внутреннюю и внешнюю борьбу со всеми известными ему темными силами, со страхом, сомнением и страстным помрачением духа, души и тела, может быть совершена “четвертая молитва”.

До нее в помощь оглашаемому при необходимости и возможности могли быть совершаемы три “запретительные” молитвы. Если же он продолжал обуреваться бесами¹⁹, то надо

* О них и соответствующих им чинах см. гл. II, 2.1.

** О нем подробнее см. в гл. II, 2.

было или умножить усилия, или поменять экзорцистов, или отложить крещение, помня соответствующее правило церкви, запрещающее крестить таковых, за исключением, может быть, лишь смертельной опасности (Тим. 2).

И наконец, всякий, кто уже может быть допущен к Крещению, кто, таким образом, в доступную ему меру уже отрекся от зла и греха, от лжи и суеверия и готов реально сочетаться Христу и Богу, тот умирает в покаянии для мира и греха, чтобы вскоре возродиться для Жизни вечной. Над ним можно совершить окончательный чин “отречения и сочетания” с приобщением к личному участию в общецерковной молитве, предварающей и заключающей достойное совершение Крещения.

3.6. *Общая длительность 2-го оглашения определяется необходимостью скорейшего достижения его ближайшей и конкретной цели**. В наше время, как и в древности, в нормальном взрослом случае для этого требуется около *восьми недель*. Их завершение в принципе может приходиться на любое время года, но особенно удобно приурочивать его к тем традиционным “крещальным” дням в церковном богослужбном году, когда на литургиях до сих пор вместо Трисвятого поется “Елицы во Христа”: на Пасху с Великой и Лазаревой субботами и Светлой седмицей, на Рождество Христово с Богоявлением (Крещением Господним) и на Пятидесятницу.

Оглашение отроков и подростков, как мы знаем, в исторической практике церкви сокращалось вдвое и начиналось в Константинополе ежегодно лишь с Крестопоклонной четвертой седмицы Великого поста** .

3.7. 2-е оглашение по своим средствам и методам проводится почти так же, как и 1-е***, но с той лишь существенной разницей, что дополнительно теперь должен быть выделен некий основной стержень, являющийся обязательным для всех.

* См. 3.2.

** См. гл. II, 2.

*** См. гл. III, 2.8.

Таким стержнем, наряду с соответствующими внутренним этапам 2-го оглашения чинами*, является собственно церковное “научение” (см. Мф 28:19) через особый *цикл встреч и беседований, или огласительных бесед*. Эти беседы имеют своей специальной целью, во-первых, подготовку оглашаемых к заключительному чину “отречения и сочетания” с исповеданием церковного Символа веры и, во-вторых, приготовление их к реальной полноте церковной жизни, для чего им требуется знакомство на определенном (все еще не таинственном и не догматическом!) уровне с некоторыми концептуальными и практическими ее сторонами, как традиционными, так и современными.

Пусть многие моменты этой веры и жизни могут быть некоторым оглашаемым уже как-то известны, но их прохождение на базе накопленного опыта и знаний в определенной *систематической* последовательности и целостности на своем уровне поможет им открыть и в известном неизвестное и, главное, подвести их всех к тому важному выводу, что истинное (право-славное и право-деятельное) Христианство везде и всегда — не столько идеология и даже не столько религия, сколько вся жизнь человека во Христе в Новом Благодатном Союзе (Завете) с Богом.

3.8. 2-е оглашение *уже крещеных людей*, но бывших явно неверующими, нецерковными или неправославными, обычно проходит наравне со всеми остальными, кроме некоторых деталей, связанных с отличием путей и чинов их Воцерковления и подготовки к ним, а также с особенностями их духовной судьбы и прошлого опыта. В этих случаях чаще бывают возможны различные отступления от общих правил, причем как в сторону смягчения и ускорения процесса 2-го оглашения, например, если человек никогда “в душе” и в опыте не отходил от Бога и Церкви или пришел к ним очень искушенным и сознательным, так и наоборот — в сторону его ужесточения и замедления, например, если человек, будучи крещеным, публично отрекался от веры или вел антицерковную работу, а также если был увлечен восточной мистикой и магической или какой-либо иной нехристианской практикой и выступал при этом в роли “учителя” и т. д.

* См. 3.5.

3.9. В случаях оглашения уже крещеных с использованием *последования св. Мефодия*, патриарха Константинопольского (87—88 (или 89) гл. Большого требника, о чем речь уже шла)*, чином предписываются в первом случае, для детей, т. е. еще так или иначе несамостоятельных людей, семидневные “очистительные” молитвы и на восьмой день — перед миропомазанием — омовение, вероятно, подобное Иоаннову крещению, а во втором случае, для взрослых, предписывается порядок, подобный “взрослому” при 1-м и 2-м оглашениях — вероятно, двухлетний (“две четырехдесятницы”) пост с молитвами и коленопреклонениями с дальнейшим приятием в течение тех же семи дней “очистительных (умилостивительных)” молитв с ежедневной сторазовой молитвой “Господи, помилуй”. Для нас здесь более актуальным остается тот принцип, что такого кандидата на Воцерковление через Миропомазание следует готовить к нему “постом и молитвою”.

3.10. Подобно этому и в случаях *присоединения к православию*** последования предписывают оглашаемому те же постоянные пост и молитву, в том числе в храме (у дверей), покаяние и прошение о сподоблении таинств, а его духовному наставнику — научение его вере, евангельским и церковным заповедям, как живым правилам верной жизни, и окончательную проверку чистоты его сердца и намерений. Опять же здесь для нас не так важна “буква”, как церковный опыт и образ порядка присоединения.

3.11. Оглашение *детей, отроков и подростков****, при необходимости подготовки их к крещению, должно проходить отдельно от оглашения взрослых и с особым участием в нем родителей или хотя бы одного из них****. Конечно, стиль и формы такого оглашения не могут не отличаться бóльшим много-

* См. гл. II, 2.12. и гл. II, 4.11.

** О чинах см. гл. II, 2.7—9.

*** В случае с христианскими младенцами речь о нем, естественно, не идет, за исключением его чина, предъявляющего “свои” требования лишь к пастырям, родителям и крестным.

**** Подробнее см. в гл. IV, 1.14.

образом, краткостью, простотой и непосредственностью, особенно свойственными возрасту оглашаемых, что должно привести и к большей его действенности.

3.12. Если в древности катехизация просвещаемых проводилась преимущественно епископами, пресвитерами, дьяконами, дьякониссами и катехизаторами в храмах, во время и по окончании дневных и вечерних богослужений, и отдельно в церковных школах, то в наше время использовать старые формы бывает затруднительно, как не менее затруднительно бывает увидеть в этой традиционной роли носителей сохранившихся чинов церковной иерархии. В связи с этим *место и время* для систематического оглашения приходится выбирать “свободно”, но с учетом обстоятельств, в т.ч. храмово-богослужебных. Лучше же всего огласительные беседы проводить непосредственно перед или сразу же после богослужения.

3.13. В период 2-го оглашения резко возрастают требования прежде всего к самим оглашаемым. Эти требования, особенно в их внешней и поведенческой части, становятся во всех отношениях близкими к общехристианским, хотя все еще должны отличаться от них в двух других, казалось бы противоположных, направлениях.

С одной стороны, у оглашаемых еще слишком мало лично-го жизненно-духовного опыта и благодатных сил, а искушений у них в этот период бывает, наоборот, особенно много. Тогда церковь, если она уверена в том, что оглашаемые не пренебрегают своими обязанностями, может отступать от своих “законных” требований, смягчать их и прощать неопытных даже в отдельных случаях их тяжких падений и смертных грехов.

С другой же стороны, надо помнить, что оглашение — период не только “искушения в пустыне”, но и нахождения под Божьим Законом и приобретения, пусть и не законнической, но все же “законной праведности”, которой никому не удастся достичь без исполнения жестких и вполне конкретных заповедей Бога и Церкви как обладательницы знаний об этом Законе и высшего на земле божественного “авторитета”. А это, в свою

очередь, предполагает и наличие строгой системы санкций, применяемых по отношению ко всякому “среднему” нарушителю Закона, его “преступнику”, наподобие системы родительских воспитательных средств, прилагаемых даже к самым любимым детям²⁰.

3.14. В нравственном отношении оглашаемые 2-го оглашения должны исполнять уже *весь* Закон, чтобы обретая в этом положительный навык, на опыте познать и предел своих человеческих сил, научиться во всех делах молитвенно просить у Бога помощи и прощения за все свои грехи и согрешения.

Далее, просвещаемые должны стремиться в этот период к *систематическому* познанию* принципов христианской веры и жизни. Для этого им необходимо усердно посещать все огласительные встречи и беседы и параллельно с разрешением всех своих вопросов прорабатывать соответствующие части Священного писания Ветхого и Нового Заветов и другую рекомендуемую литературу.

У оглашаемых во время 2-го оглашения должна уже сложиться и проявиться *потребность* в личной молитве как своими словами, обращаемыми ежедневно к Богу (“Который втайне”) в своей “закрытой” комнате, так и словами молитвы храмовой — при обязательном еженедельном посещении и вечернего богослужения, и особенно, литургии оглашаемых. При возможности, на литургии надо быть по воскресеньям и во время церковных праздников, а при желании — иногда и в будни.

3.15. В связи с этим оглашаемым надо научиться церковной *дисциплине*. Например, им уже надо соблюдать общий церковно-нравственный порядок — выходить из храма на “изыдите, оглашенные”, т. е. после специальной молитвы и ектеньи**, и регулярно бывать на церковной молитве и на беседах, хотя это и требует значительных затрат времени и сил.

* Конечно, это может быть только в рамках именно “оглашения словом истины” и “открытия Евангелия правды”, т. е. без их раскрытия, доступного познанию лишь крещеных.

** Обычно единых для всех оглашаемых, но начиная с середины Великого поста, отдельных для просвещаемых.

Чтобы быстрее и лучше войти в смысл всего происходящего в храме, им даже было бы хорошо научиться читать по-славянски и начать заучивать некоторые молитвы (примерно в объеме требований для поступающих в первый класс семинарии).

Постепенно, по мере приближения очередных этапов процесса 2-го оглашения, просвещаемых следует также ознакомить:

— с последованиями соответствующих чинов 2-го оглашения, особенно заключительного “отречения и сочетания”, предполагающего хорошее знание, или, во всяком случае, понимание ответов на вопросы и текста Символа веры;

— с чинами крещения и требованиями к приступающим ко крещению, имея в виду предварительные особые личные пост и молитву, соблюдение чистоты и воздержания, в т. ч. телесного, а в самый день Крещения — наличие нательного креста, свечей и особой белой одежды (крестильной рубашки) и т. д., а также достаточного времени для участия в Евхаристии и таинствовождении как в этот день, так и ежедневно на неделю вперед, на их “светлой седмице”, для чего им, может быть, потребуются заранее позаботиться о том, чтобы уладить свои дела, взять специальный отпуск и т. п.

3.16. Напомним, что *в чрезвычайных случаях* проведения 2-го оглашения “вкратце” от оглашаемого все равно требуется православная вера во Христа и Бога и покаяние, с усвоением первоначального наставления о том, что делать ему в Церкви далее и как по-христиански жить. Если же оглашение совсем или почти совсем не проводилось, а таинстводействие крещения уже проведено, то в таких случаях необходимо позже хотя бы в главном “восполнить” таинство огласительно-таинствоваственными книгами и беседами, индивидуально сочетая то и другое*.

3.17. У каждого оглашаемого должен быть свой духовный наставник. Если оглашение индивидуальное, то им может быть в одном лице поручитель и катехизатор, и даже пастырь. Но

* Подробнее см. гл. в гл. V, гл. II, 2 и гл. IV, 4—5.

если проводится оглашение одновременно нескольких человек и поручитель не тождественен катехизатору, что может быть предпочтительнее, тогда поручителю рекомендуется бывать на огласительных беседах вместе со своим оглашаемым, чтобы в промежутках времени между огласительными встречами помогать усвоить преподаваемое, отвечая на его вопросы или помогая хотя бы как следует их сформулировать перед катехизатором.

3.18. Церковные *настыри*, если они сами не ведут катехизацию, кроме общих рекомендаций, благословений, совершения чинов и предкрещальной исповеди, а также произнесения огласительных проповедей, могут еще помочь отдельными личными беседами с оглашаемыми, катехизаторами и крестными, а также своей особой, келейной молитвой, подобной, например, литургическим ектеньям и молитвам “об оглашенных” и о “иже ко Просвещению”. Такие же молитвы могут использовать в своем келейном правиле будущие крестные и катехизаторы.

3.19. Поскольку цикл огласительных бесед является главным стержнем 2-го оглашения, постольку основная нагрузка и церковная ответственность за него ложится на плечи *катехизаторов*. Эта нагрузка усугубляется тем, что все беседы должны строиться на основе личных отношений с оглашаемыми, но самим этим отношениям нельзя выступать на первый план. В противном случае оглашаемые могут прийти не ко Господу Иисусу Христу, а к проповедующим Его служителям и рабам, не в Церковь, а в какой-либо церковный круг или даже “кружок”.

3.20. Важно, чтобы огласительные беседы* , как и весь процесс 2-го оглашения, были предельно неформальными и личными, независимо от того, сколько человек одновременно оглашается. Для этого они, кроме чрезвычайных случаев, должны быть *очными и устными*, а не заочными и книжными, даже если под рукой будут хорошие катехизисы для взрослых. Впрочем, катехизическая литература может *помочь* и катехизаторам и катехуменам**.

* Список рекомендуемой в таких случаях литературы см. в [45], прил. 3.

** Наш вариант их построения см. в [45], прил. 1.

3.21. *Организационные формы* огласительных бесед, естественно, могут быть различны. Как показывает опыт проведения соответствующих циклов бесед, весьма различной может быть и их тематика, от которой, в свою очередь, многое зависит в организации самих бесед. Так, судя по тематике 2-го оглашения в [45] прил. 1, огласительные беседы при необходимости могут проводиться сразу по двум темам на одной встрече, хотя тогда желательно, чтобы каждую из этих тем вел отдельный катехизатор.

Для нормального духовного и умственного усвоения материала, как показывает тот же опыт, достаточно встречаться раз или два в неделю. Хорошо начинать встречу не сразу с беседы по текущей теме, а с ответов на вопросы по тематике предыдущей встречи, что является одновременно ее личностной корректировкой, “повторением” и “контрольной”. Отвечать на возникающие “по ходу” вопросы по тематике данной встречи желательно кратко, помогая более “технически” усвоить материал, чем освещая новые нюансы содержания, что может увлечь оглашаемых далеко в сторону или вглубь.

Если в огласительной группе катехизаторов двое или более, то во время беседы им лучше не группироваться где-то в одном месте, ибо в этом случае очень скоро наиболее активные, подготовленные и способные из оглашаемых или даже из поручителей прочно “займут позиции” рядом с ними и заставят заниматься только собой. Все же остальные окажутся на периферии оглашения, в противоположном крыле собеседующей группы, постепенно уходя в пассив, замолкая и привыкая к такому “теневому” состоянию, последствия чего всегда бывают очевидно нежелательными. Даже с чисто психологической точки зрения катехизаторам полезнее располагаться друг против друга, создавая своими взаимосвязями, вопросами, реакциями и дополнениями некое “поле” духовного и душевного напряжения, а остальным тогда лучше размещаться свободно в этом поле между ними.

Если собеседование проходит в частной, домашней обстановке, то неплохо проводить его за чашкой чая, за столом (в

любом случае — без вина, деликатесов и излишеств), к которому приносить что-то от себя могут все присутствующие, но особенно катехумены, что уже и будет их посильным приношением (просфорой). До и после еды может совершаться краткая традиционная молитва из псалмов, хотя может быть и молитва своими словами с учетом нужд сего дня и конкретного состава присутствующих. Молитву “Отче наш” можно использовать только со второй половины 2-го оглашения (начиная с девятой темы, согласно прил. 1 в [45]).

Всячески следует избегать “перегрузки” оглашаемых материалом и информацией, особенно тенденциозно-односторонней, внешней и критически-негативной, помня, что у них самих идет “время искушений” и своих проблем множество. Каждая тема может быть рассчитана на 50–60-минутную беседу катехизатора собственно по теме и на 20–30- минутные ответы на текущие вопросы, которые совсем не обязательно должны задаваться лишь в конце беседы.

3.22. При проведении бесед следует помнить, что на них всегда должны огласительно преподаваться только *беспорные* христианские истины веры и беспорная христианская правда жизни, желательно без каких-либо особых собственных и других частных мнений. Но если о таковых речь все же зайдет, то необходимо оговорить, что данное мнение не есть мнение *всей* Церкви.

Это относится в большой мере и ко всем иным формам церковного учительства, в т. ч. и к тайноводству (тайнствоводству), проводимому в период, непосредственно следующий за Крещением в узком смысле слова и по-своему завершающему таинство Просвещения.

4. Тайноводство, точнее, таинствоводство (“новокрещеных”, или “младенцев во Христе”)

4.1. Очевидно, что таинствоводство, подобно предогласительному периоду, включает в себе ряд дополнительных

компонентов, выходящих за рамки нашей непосредственной тематики.

Крещение и Миропомазание уже свершились и, кажется, о какой подготовке к ним может идти речь? И все же здесь надо вспомнить еще и еще раз, что церковные таинства — не только временной, но и вневременной акт, раскрывающийся в историческом времени как процесс. Древняя Церковь целое тысячелетие прекрасно ощущала это и видела в проводимой ею подготовке к Крещению *единый комплекс*, включающий в себя и приглашение, и таинствование или, говоря на современном языке, таинствоводство.

4.2. Истинное спасительное Крещение призвано гармонизовать человека “на гранях” его экзистенции, примиряя его с Богом и самим собою, а тем самым — с миром и другими людьми. Главным посредствующим в этом моментом и является время таинствоводства. Здесь человек обретает и познает *в Духе Святом Сына Божия и свое сыновство*, превосходя прежнее свое познание лишь Имени Божьего и открывая узкий путь познания всего Бога “лицом к лицу”. Здесь на человека снисходят благодать и сила *Веры, Надежды и Любви*, преодолевающая (снимающая) в нем прежний Закон от Бога и устремляющая его вперед, к Полноте благодати. Здесь на основе уже сделанного главного в жизни выбора в человеке раскрывается подлинная *свобода воли*, разрушающая всякое рабство у необходимости и ведущая к бездонной Свободе. Здесь открывается человеку и в человеке берущая аскетической силой *доброта и красота*, освобождающая его от скованности этическими нормами и исполняющаяся в полной гармонии “по ту сторону добра и зла”.

Этот *путь человека* — от Правды к Истине, от покрывала божественного мрака к просвещению и таинствоведению, от ветхозаветного к новозаветному, от благодати “предваряющей” к “спасающей” и приснотворяющей, от профанности к посвященности, от закрытости к открытости, от индивидуальности к личности, от приближенности к приобщенности, от пребывания в утробе и детства к духовной рожденности и взрослому,

зрелому состоянию — соответствует тому, что во время таинствования человек становится “*другом Божиим*”, превосходя имя “раб Божий”, приобщаясь “божественного естества”, становясь по благодати Богом.

В церковном плане это означает, что в это время человек от косвенного и частичного, неполного “членства” в Церкви, т. е. неполного отношения к ней, приходит к *прямому и полному*, чтобы уже в этом своем новом качестве жить далее в богочеловеческом обществе, в Божьей семье, общине, как Бог в Едином Боге. От обряда он подходит к восприятию живого *таинства*, а через него и к Тайне. От голода слова Божьего — к насыщению Хлебом Божиим Евхаристии на Литургии, Христовыми Телом и Кровью, по слову Его, а далее, в новой, эсхатологической реальности, Самим Словом Божиим как Хлебом. От восприятия керигмы Церкви — к церковному *догмату*, а потом к непосредственному и блаженному Богопознанию через непосредственное Богооткровение, что и есть переход “от смерти в жизнь” и, далее, Жизнь вечная.

Таким образом, через таинствование, несущее в себе и собою отблеск фаворского Света, в принципе, разрешаются в человеке и для человека все антиномии условного и безусловного, божественного и человеческого, духовного, душевного и телесного (см. 1 Фес 5:23).

Таинствование как духовное состояние является в земной жизни человека такой же непреходящей, периодически актуализирующейся и длящейся реальностью его духовной жизни, как и таинство Просвещения (Крещения) во всех его фазах, само будучи последней из них. Но как видно из этого раздела, и оно еще не предел, не конечная реальность и возможность жизни по Духу, в Царстве Божьем на земле и, далее, на Небе...

4.3. Кроме описанного сейчас нами таинствования в широком смысле слова может быть таинствование и в узком смысле, или собственно таинствование, являющееся естественным послекрещальным продолжением и завершением оглашения.

Такое таинствоводство “новопросвещенного” по своему содержанию есть введение в духовную реальность и внешний и внутренний смысл, во-первых, содержимых Церковью и совершаемых только в ней и ею *таинств ее жизни*, с изъяснением их важнейших чинов и форм, а во-вторых, общепринятого в наше время в Церкви догматического учения, т. е. *таинств ее веры — догматов*, в их связи с личной духовно-нравственной жизнью каждого члена Церкви, которые снова, в свою очередь, тем или иным образом отражаются в чинах и молитвах таинств, особенно в так называемых тайных (точнее, “таинственных”) литургийных молитвах, т. е. тех, в которых могут участвовать лишь причастные Тайнам (точнее, Таинствам)*.

4.4. Таинствоводство в узком смысле слова становится необходимым и возможным в связи с появлением у “новопросвещенных” *нового* опыта личного участия и служения в таинствах Покаяния, Крещения, Миропомазания и Евхаристии. Оно помогает им *практически начать* свою духовную и церковную жизнь, свое спасение в конкретных условиях места и времени на единой и единственной основе лично- и церковно-христианского духовного, гностического и космического опыта на пути к духовному совершенству и полноте Бого- и самопознания. Оно — сообщение “в залог” такого опыта церковной жизни, без которого уже нельзя полноценно жить в Церкви, но который еще нельзя в достаточной мере приобрести *самому*.

Поэтому таинствоводство имеет оправдание и свой реальный смысл только для уже оглашенных и крещеных, хотя верно, что они “имеют помазание от Святого и знают все” (1 Ин 2:20) и “не имеют нужды, чтобы кто учил их” (1 Ин 2:27), ибо оно — последний шаг “за фасад”, вовнутрь, в Дом церковный. Именно поэтому таинствоводство, в отличие от довольно продолжительных предшествующих огласительных бесед, должно быть очень сжатым и кратким, в идеале — в пределах одной седмицы, т. е. семи-восьми дней.

* Один из современных примеров порядка таинствоводственных бесед для подготовки к ним катехизаторов см. в [45], прил. 2.

4.5. Традиционно лучшим *временем для таинствования* и соответствующих бесед является время со дня крещения и первого причастия (а для ранее крещеных, но теперь также прошедших 2-е оглашение²¹ — соответственно, со дня воцерковления, первой исповеди и тоже причастия) до *восьмого дня*.

Этот день обычно обозначается, с одной стороны, как первый седмичный, как бы будничный день “снятия белых одежд” и “выхода в мир”, но с другой, как день напоминания о желанном эсхатологическом Восьмом дне пришествия Господня.

Однако, как и оглашение, таинствование по необходимости или из соображений церковной и личной экономии может быть перенесено и на другое время. Тогда оно будет рассматриваться как необходимое “восполнение” таинства. Это тем более возможно, поскольку, в отличие от преимущественно личного и устного оглашения, таинствование в большой мере может быть проведено с помощью хороших начальных книг по догматике, сакраментологии, аскетике и библеистике, в том числе и по катехизисам для крещеных, но не начальных взрослых, таким как “Православные катехизисы” митр. Филарета Московского и еп. Александра (Семенова-Тянь-Шанского) или “Бог жив” (французский катехизис для православных семей) и т.п. Надо помнить, впрочем, о том, что во всех такого рода произведениях собственно огласительный, таинствованиественный и схоластический (школьно-просветительский) материалы смешаны и требуют искусных поправок, оговорок, а иногда и четкого размежевания* .

4.6. При всей близости по форме проведения 2-го оглашения и таинствования есть между ними, кроме упомянутых, и другие различия. Так, таинствование может проходить нормально только если новокрещенные живут в это время интенсивной, непрерывно освящающей и очищающей их, полной *молитвенно-литургической жизнью*.

В нормальном случае Церковь рекомендует новопросвещенным ежедневное участие в Евхаристии в течение всех семи,

* Примерный список рекомендуемой “таинствованиественной” литературы см. в [45], прил. 3.

а если первое причастие пришлось на день воскресный, то и восьми “светлых” дней в знак полноты совершения ими своего нового лаического служения в качестве царственного священства народа Божьего (см. 1 Пет 2:9). Причем, если совесть не осуждает их, т. е. если ими не были совершены в эти дни особо тяжкие для совести и отлучающие от Бога и Церкви грехи²², то причащаться им можно и без исповеди, при особом желании, ради немощи окружающих, лишь воздерживаясь в эти дни от мяса или даже еще от молочного и яиц, как это было иногда в древности, вплоть до XV века* . Впрочем, надо помнить, что согласно Евангелию и древнейшей церковной практике, отразившей один из фундаментальных церковно-литургических принципов, причастники, эти “сыны чертога брачного”, не постятся, пока “с ними Жених”.

В наше время для новокрещеных лучшей подготовкой к ежедневному причастию является почти ежедневное или даже просто ежедневное участие в таинствоводственных беседах, постоянная личная молитва, чтение слова Божьего, евхаристический пост с полуночи и испытание себя и своей совести с “рассуждением” о Теле и Крови Господних, чтобы их не есть и не пить “недостойно”.

Конечно, после окончания на восьмой день “пира веры”, опять же снисходя к имеющимся в нашей церкви традициям и к тому среднему духовному уровню прихожан, который неизбежно будет влиять и на каждого нового члена церкви, каким бы крепким в вере и духе он ни был, надо будет подходить каждый раз на исповедь**, даже если удастся причащаться еженедельно и каждый раз при собрании в Церковь, т. е. когда каждый раз присутствуешь и участвуешь в совершении Евхаристии почти всею церковью-приходом, что для нашего времени было бы идеально, но что для Церкви в принципе нормально.

Этот идеал надо знать и помнить как церковную норму даже тогда, когда в жизни по внутренним или внешним причи-

* См. [14], с. 23.

** Пусть она в наших условиях и носит чаще всего характер лишь напоминания о необходимости подготовки к таинству, в том числе испытания совести, и благословения на причастие.

нам он оказывается неисполнимым, что чаще всего и происходит, ибо механически и автоматически идеалы не осуществляются, и причащаться приходится реже, присутствуя иногда на Евхаристии всего лишь как молящийся “зритель”, наподобие отлученных от причастия кающихся или древних “купностоящих”. Хотя ведь, строго говоря, возгласы “Изыдите!” и “Двери, двери!” должны бы относиться ко всем непричащающимся за данной Евхаристией, ибо иначе становится весьма затруднительной, даже почти невозможной сама Литургия Церкви, поскольку нет, и в этих условиях не может быть, единого служения всех присутствующих.

Не настало ли время подумать в нашей церкви и о том, чтобы в тех случаях, когда у наученного христианина, достаточно окрепшего в духовной жизни и испытанного в ней, все идет относительно хорошо, тогда по благословию его достойного духовника или по рекомендации достаточно компетентных и опытных катехизатора и крестного он мог бы в дальнейшем ходить на исповедь лишь по мере своей внутренней необходимости, но поначалу не реже, например, раза в два месяца, независимо от более частого и регулярного причастия. Лучше бы, конечно, такой необходимости в отдельной исповеди не было вовсе, ведь как мы помним, “рожденный от Бога перестает грешить”, хотя и “все мы много согрешаем”. Но это потребовало бы хорошей организации жизни церкви как общины, о чем пока можно только мечтать...

4.7. Конечно, таинствоводство потребует от новопросвещенного особого *сосредоточения и внимания* со строгим аскетическим *трезвением*. Аскетика вообще должна стать для него предметом серьезного изучения и, главное, практического приложения, в чем должны помочь те же, кто проводит с ним все время таинствоводства — пастырь, катехизаторы и его поручитель.

4.8. Большое напряжение современной жизни, тяжкий груз греховного прошлого, неизменно оставляющий свои “следы” и после его сбрасывания при Воцерковлении, а к этому и новое огромное напряжение при оглашении и таинствоводстве, мо-

гут привести к *перенапряжению*. Во избежание этого всем просвещаемым, но особенно новопросвещенным, надо заранее и настоятельно рекомендовать максимально освободиться от обычных своих личных, бытовых и рабочих обязанностей.

Если же это совершенно невозможно, что бывает очень редко, ибо по их вере им и дается все от Бога, или если человек очень слаб физически или душевно, то, смотря по обстоятельствам, надо или найти другие пути для отдыха*, или несколько ослабить напряжение, в крайнем случае в первую неделю по просвещении рекомендовав причащаться столь часто, сколь это будет возможно, а беседы частично или полностью отложив или сжав так, чтобы встречаться не каждый день, а, например, через день.

Если беседы отложены, то пока можно рекомендовать новопросвещенному соответствующую литературу для самостоятельного усвоения с необходимыми пояснениями и дальнейшим “обговариванием” основных таинствоводственных тем, касающихся как главных догматов и таинств Церкви с их практическим аспектом, так и конкретно “служения мирян в Церкви”**. При этом во всем надо соблюдать “единство духа в союзе мира”, рассудительно относясь ко всем принципам и рекомендациям, применяя их творчески и лично.

4.9. Новопросвещенные должны знать, что к ним уже предъявляются те же требования, как и ко всем христианам, ибо христианская вера и жизнь неразрывны и “кому много вверено, с того больше и взыщут” (Лк 12:48), что “наше жительство на небесах” (Флп 3:20), что в нас должны быть “те же чувствования, какие и во Христе Иисусе” (Флп 2:5) и что “жизнь наша сокрыта со Христом в Боге” (Кол 3:3).

Они должны понимать, что это требует от каждого полной открытости и жертвенности, несения своего креста и следования за Христом, что *сейчас они на Фаворе, но в будущем им не избежать и Голгофы* с ее “радостотворными страдани-

* Но не расслабления, ибо празднование Крещения не должно никогда переходить в праздность!

** Например, по одноименной брошюре прот. Н. Афанасьева, см. [16].

ями”, чтобы совоскреснуть окончательно со Христом в Жизнь вечную.

4.10. *Поручители и катехизаторы* в период таинствоводства, будучи в беседах краткими и доступными, также не должны расслабляться, они должны продолжать относиться к новопросвещенным с особой заботой и вниманием, с особой скромностью и деликатностью, не господствуя и не превозносясь, с особой молитвой и благодарением, но не проходя мимо многих новых искушений, в которые еще так легко могут впасть их подопечные.

4.11. *Пастырям*, кроме особой молитвы, надо уметь сохранить во всем трезвенное чувство реальности, в меру сдерживая и в меру возгревая духовно-душевную устремленность каждого. Им важно также никого не оставить и не забыть, даже если кто-либо из новокрещенных в чем-то отстал или почему-то менее симпатичен, ревностен, умен или развит.

4.12. Среди *искушений и трудностей*, в которые систематически подобно оглашаемым впадают новопросвещенные, довольно тяжкими являются такие, когда они как бы слишком “пригреваются”, когда им становится так хорошо, что самим не хочется уже никуда двигаться (“остановись, мгновение!”), а хочется, чтобы рядом по-прежнему шли более старшие и опытные друзья и братья, ведя “за руку” в Царство Небесное. При этом забывается, что отныне оно “силою берется, и употребляющие усилие овладевают им” (Мф 11:12).

Другим не менее тяжким искушением является нечто обратное — такой бурный рост самосознания с самомнением, когда новоцерковленным начинает казаться, что им говорят, в принципе, то, что они знали раньше или могли бы сами узнать, что они уже “сами с усами”, могут учить и вести других без всякой опеки (неравенства) с чьей бы то ни было стороны.

Последнее чаще встречается у менее подготовленных, а первое, как это ни парадоксально, у более развитых и церковно-зрелых людей. То и другое объясняется незнанием еще своего личного подлинного от Бога дара и служения в Церкви (см.

1 Пет 4:10), недоусвоением апостольской заповеди “не будь побеждаем злом, но побеждай зло добром” (Рим 12:21), недооценкой сопротивной всем нам силы зла в этом мире, где “дьявол ходит как рыкающий лев, ища кого поглотить” (1 Пет 5:8), недопониманием того, что “один получает награду”, но не одному кому-то, а всем равно сказано в связи с этим: “Так бегите, чтобы получить” (1 Кор 9:24)...

4.13. Есть большая трудность и у другой стороны — у пастырей, зачастую совсем плохо ориентирующихся и мало подготовленных, но с большой претензией, чуть ли не на возможность старческого “руководства жизнью” других христиан, у поручителей, подготовленных еще менее, хотя часто искренне и глубоко верующих и светски образованных, и у катехизаторов.

Трудность эта носит принципиальный характер и, если ее не сможет в себе преодолеть хотя бы кто-то один из данной группы представителей Церкви, чтобы к тому же подсказать, как это сделать и другим, тогда им вообще опасно браться за дело и служение катехизации и таинствоводства. Впрочем, отчаиваться и здесь не следует, ведь достаточно вспомнить, что, в принципе, катехизацию может проводить всякий член Церкви, не только специально призванный к этому служению Богом, но и просто единовременно наученный ей и имеющий необходимый минимум знаний, церковного опыта и пособий-руководств, хотя в Церкви харизматизм, конечно, всегда и предпочтительнее, и плодотворнее “должностного” учительства.

Так что же это за трудность? Это — недостаток интуиции и умения, навыка *разграничивать, различать предогласительный, огласительный и таинствоводственный уровни* как в подаче материала во время соответствующих бесед и ответов на вопросы, так и в самой текущей жизни воцерковляемых, когда приходится давать им те или иные советы, рекомендации и правила, а также предъявлять к ним какие-либо требования.

Это так же важно и сложно, как церкви вообще “различать духи” (1 Кор 12:10), “добро и зло” (Евр 5:14), истину, правду и ложь, дух, душу и тело и т.д.

Тут надо чувствовать, что́ уже можно говорить и показывать, а о чем лучше пока умолчать, что ляжет на добрую почву опыта, так или иначе уже имеющегося у просвещаемых, а что неизбежно еще останется лежать “при дороге”, “в терниях” или “на камне”. К тому же в евангелии сказано “не давайте святыни псам”, а главное дело поручителей, катехизаторов и пастырей как раз и заключается в постепенной передаче Святыни истинных таинств, веры и благочестия, и потому в первую очередь им и надо смотреть *кому, что и когда* давать.

Легче всего здесь, конечно, разобраться с таинство­водством. Как уже говорилось выше, главная особенность его содержания — краткое раскрытие таинств и догматов и аскетическая направленность на личное служение пока что любым непосредственно имеющимся у новопросвещенного даром на основании изучаемого теперь в полном объеме Священного писания Ветхого и, главное, Нового Заветов. Но все это будет легко удержать на нужном уровне только тогда, когда уже полностью проведено 2-е оглашение и когда известно, на чем остановиться в таинство­водстве, чтобы не перейти на уровень христианской школы, в схоластику, или еще хуже, сразу в мистику тайноводства-тайноведения, ведь внешне их тематика вообще очень близка на всех уровнях, а границы между ними и последовательность в какой-то мере условны.

Различие уровней — в глубине и силе проникновения в живую Истину и в ее духовные Тайны, что не зависит целиком только от человека. Но всякому воцерковляемому надо постепенно научиться прежде всего жить Истиною, Богом и в Боге, научившись для этого через поэтапное, но живое познание такой Истины ощущать, “что есть воля Божия, благая, угодная и совершенная” (Рим 12:2), а ощущая эту волю в себе и для себя, во всем следовать ее откровению. На этом пути всегда будут встречаться личные и индивидуальные отличия между людьми, но у них также всегда есть и будет нечто общее, от которого и надо более всего отталкиваться поручителю, катехизатору и церковному пастырю в важнейшем для них вопросе отграничения уровней.

Большинство авторов катехизисов не решили этого вопроса, ибо их адресат, как правило, был абстрактен и ими предполагалась катехизация в основном тех людей, которые уже когда-то были крещены, но еще совсем не были *научены* вере.

Мертвый догматизм, духовное оскудение и идеологизация христианства последних веков, а также обычная практика младенческого крещения при забвении требуемого Церковью последующего достаточного научения основам христианской веры и жизни привели к тому, что гностическая глубина и многообразие, всякое различие духов и духовных уровней были почти утрачены, и в нашей церкви встала проблема хоть какого-то научения вере во исполнение Евангелия: “Идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа, уча их соблюдать все, что Я повелел вам...”

Вот почему до сего дня так часто основная трудность при катехизации заключается в том, чтобы катехизатору научиться не говорить подряд всего, что знаешь или о чем размышляешь, о чем читаешь или о чем тебя спрашивают, не понимая чего хотят, но чтобы постепенно и мудро, систематично, с учетом достигнутого всеми и каждым, привести подопечных к Тайнам Царствия Небесного, не потеряв и *не погубив никого!*

4.14. Чего же надо придерживаться при таинствоводственных беседах, говоря о таинствах и догматах, а также готовя новопросвещенных к служению?

Говоря о *таинствах*, надо прежде всего рассказать об их *чине*, выделив при этом их главные части и центральные духовно-смысловые моменты.

Чин главной, основной части таинства — их некая духовно-смысловая вертикальная структура, как бы “нормаль”, отталкиваясь от которой можно идти дальше, вглубь, в тайну любого таинства. Чины таинств, как и число их, могут быть различны, но, в принципе, “нормаль” их сохраняется, ибо все таинства по существу своему изоморфны. Да и на самом деле существует лишь одно таинство — “таинство Христианства” (преп. Симеон Новый Богослов), или “таинство Жизни в Боге” (о. Александр Шмеман).

Изоморфизм таинств проявляется в том, что прямо или косвенно все они в своем центральном моменте покоятся в начале на церковном воззвании к Богу и “воспоминании” пред Ним уже чего-то бывшего, прообразовательно предвозвестившего саму возможность совершаемого. После этого следует “формула таинства”, т. е. “объявление” о *происходящем* в Церкви, как свершающемся ныне пред очами Бога и Его людей их синергией. Далее — ходатайственная молитва-прошение о ком-то или о чем-то и благодарение Богу, *предполагающие* и в этот раз, в этом таинстве положительный ответ Божий, ответ “по чину” и “по норме”, как и во всяком нормальном случае, когда “просят и дается, ищут и находят, стучат и им отворяют”, когда “Отец наш Небесный дает благо (благодать) просящим у Него”.

И хотя всегда остается возможность “отрицательного” ответа Божьего — в Тайне Его Свободы, которую никто не может у Него отнять, этот случай, как уже не таинствово-дственный, а тайноводственный, как выходящий за рамки нормы и чина, а следовательно, и таинствоводства вообще, не должен здесь специально рассматриваться. Однако признать наличие и возможность такого вопроса и такого ответа в Церкви, если, например, кем-либо будет задан прямой вопрос, нужно. В любом случае следует обратить внимание на то, что таким образом полностью снимается пастырско-богословский вопрос о магическом действии чина таинства, т. е. о возможности совершения таинства *ex opere operato*, о жреческой функции предстоятеля, пассивности народа Божьего и отделенности его от “иерархии” и т. д.

4.15. Говоря о *догматах*, уже недостаточно будет как на 1-м и 2-м оглашении лишь назвать их или даже более или менее подробно рассказать о них и их формулах.

Надо будет акцентировать вопрос о жизни в Церкви не просто по вере, как во время оглашения, а по *истинной* вере, жизни по Истине, по ее ведению (гносису). Надо будет найти единый, общий дух и смысл всех догматов, как и всех таинств, который, можно сказать, заключается в том, что все дог-

матическое живое учение Церкви — как бы внутренний “фасад” ее, в отличие от керигматического учения как “фасада” внешнего.

Догматический “фасад” необходим ей, с одной стороны, чтобы Церковь не превратилась в беспорядочный проходной двор, которым может пройти любой “проходимец”, “прелазяй инуде”, а с другой, чтобы верно сориентировать всякого, входящего в Церковь открыто и при Свете, в его дальнейших поисках и познании “Пути, Истины и Жизни”.

Подобно таинствам, догматы имеют свою “нормаль”, и в первую очередь свои церковные “объявления” — “формулы”, прежде всего, Вселенских соборов, особенно Первого 325 г. и Четвертого 451 г.²³

Как и чины таинств, словесная ткань догматических формул и символов может в истории Церкви меняться и уточняться. Число их также условно и переменено. Но догматы, опять же как и таинства, имеют неизменное значение, силу, дух и смысл.

Так, догмат Святой Троицы возвещает Тайну и является таинством веры в Божественное Единство вне рамок абсолютного однообразия, Единства, побеждающего “ненавистную рознь мира сего” силой Своего нетварного божественного Света.

Догмат Богочеловечности Иисуса Христа говорит о Его универсальной Гармонии, т. е. природной Полноте божественного и человеческого и личной логистической Целостности, пронесенной Им до конца, до Победы в Воскресении. При этом святые отцы исходили из принципа “что не воспринято, то и не уврачено”, т. е. если бы что-то в человеческой природе осталось вне Единородного Христа, то оно должно было бы остаться и вне спасения.

Догмат Святого Духа говорит о живом присутствии в мире и верных Богу людях, т. е. в Церкви, замещающей Христа личной божественной Силы (Энергии), в соответствии с принципом божественной монархии превечно исходящей от Отца нашего Небесного, и в Сыне превечно почивающей, и устрояющей все, и напоминающей нам обо всем, что сказал Господь.

В общности судеб Христа и Церкви, сообразных и уподобляющихся друг другу Богочеловека и Богочеловечества, догматически видится их личностный эсхатологический Брак, в котором заключается живой результат и конечный смысл исторического процесса.

Как и в таинствах, в догматах главное место принадлежит благодатной силе откровения Божьего. Догмат поэтому не должен быть формально-юридическим, как не должен он быть только интеллектуальным или моральным. Но он и не просто иррационален, хотя обычно он образен и антиномичен. Он — целостный мистический, точнее мистериальный, акт и процесс. Это — выражение одной из гностических сторон жизни христианства, признанное за истину всею Церковью.

Вопрос о догматическом развитии выходит за рамки таинствоводства и потому ставиться не должен, хотя опять же, если будет прямой вопрос, можно признать, что оно “больше, чем развитие богословское”, которое есть в основном только человеческое в Церкви, что оно, будучи синергичным, в то же время, подобно таинству, “есть развитие самого откровения, есть продолжающийся творческий акт по отношению к миру в человеке, т. е. новое откровение тайны Божьего творения через человека”* .

4.16. Говоря о *служениях* “тем даром, который получил”, лучше всего будет вспомнить соответствующие таинствоводственные места Священного писания, особенно из Апостола, который наряду с “гностическим” Евангелием от Иоанна и надо рекомендовать читать в это время.

Среди апостольских посланий особо выделяются своим прямо таинствоводственным содержанием Первое послание ап. Иоанна, Первое послание ап. Петра и Первое послание Фессалоникийцам ап. Павла (особенно 4 и 5 главы).

Вспомним, например, 1 Фес 4-5, выделив те места, которые составляют нужный нам стержень всего этого текста.

Во вступлении ап. Павел пишет, напоминая ранее преподанное и обозначая цель и смысл дальнейшего:

* [18], с. XVIII.

“Просим и умоляем вас Христом Иисусом, чтобы вы, *принявши* от нас как должно вам поступать и угождать Богу, *более в том преуспевали; ... воля Божия есть освящение ваше*”.

Далее апостол напоминает личные священные принципы поведения каждого христианина:

“чтобы вы воздерживались от *блуда* ...;

чтобы вы ни в чем не поступали с братом своим *противозаконно и корыстолюбиво*, потому что *Господь — мститель* за все это...; о *братолюбии* же нет (и) нужды писать к вам...;

чтобы жить *тихо*, делать *свое (дело)* и работать своими *собственными руками* ...;

чтобы вы поступали *благоприлично пред внешними* и *ни в чем не нуждались* ...; не будем спать, как и прочие, но будем *бодрствовать и трезвиться* ...”.

После этого апостол говорит о том, как обходиться с другими людьми и служить им:

“*Увещивайте друг друга и назидайте* один другого ...

Просим ... *уважать* трудящихся у вас, и *предстоятелей* ваших в Господе, и *вразумляющих* вас, и *почитать* их преимущественно *с любовью за дело* их;

будьте в мире между собою”.

Далее идут общие наставления того же типа:

“Умоляем также вас, братья, *вразумляйте* бесчинных, *утешайте* малодушных, *поддерживайте* слабых, *будьте долготерпеливы* ко всем. Смотрите, чтобы кто кому *не воздавал злом за зло*, но *всегда ищите добра* и друг другу и всем.

Всегда *радуйтесь*. Непрестанно *молитесь*. За все *благодарите* ... *Духа не угашайте*. *Пророчества не уничтожайте*. *Все испытывайте, хорошего держитесь*”.

И как заключение и вывод говорится следующее:

“*Удерживайтесь* от всякого рода зла. Сам же *Бог мира* да освятит вас во всей *полноте* и ваш *дух, душа и тело во всей целости* да сохранится без порока в *пришествие* Господа нашего Иисуса Христа”.

В этом тексте очевидно присутствуют многие основные практические и аскетические таинствоводственные понятия²⁴.

Именно они-то и являются основой *служения* новых членов народа Божьего в Церкви. Дать им сразу правильное представление о служении — значит положить верное основание всей их дальнейшей христианской жизни.

4.17. В современных церковных условиях ясно, что эти служения могут выявиться сразу после Крещения и Воцерковления как особые харизмы или же пока быть временными “*послушаниями*”, несомыми до времени открытия более совершенных даров и, может быть, более почетных положений в церкви, в т. ч. связанных с должностными служениями в имеющейся церковной иерархии.

Только при этом всегда следует помнить различие между Церковью и церковными организациями — человеческими институтами (учреждениями), как и то, что стать служителем Церкви горней и церкви дольней, а тем более лишь “*служителем культа*” — не одно и то же.

Надо помнить и то, что каждому заповедано “*оставаться в том звании, в котором призван*” (1Кор 7:20), и поэтому обязательно надо преодолевать нередко находящее на новокрещеных *искушение* начинать свою “*новую*” жизнь с ее внешнего изменения, особенно на работе, дома, на учебе, с друзьями и т. д. Особенно же не надо спешить, “*бросив все*”, идти на работу в церковь, где, увы, искушений бывает не меньше, чем в мире сем...

4.18. Характер церковного служения новокрещеного в очень большой мере будет зависеть от *степени его подготовленности* к таинству Просвещения, ведь от нее, в свою очередь, зависит то, прошел ли у него уже период “*младенчества во Христе*” или еще нет, может ли он питаться уже “*твердой пищей*” духа Любви или еще только душевной, может ли жить уже в “*свободе во Христе*” или его нравственность еще неустойчива и требует ограничения этическими нормами. Все это необходимо учитывать при таинствоводстве, как на беседах, так и в храме при решении вопроса о частоте причастия и исповеди.

4.19. Выше, в 4.2., мы уже коснулись вопроса о том, что в Церкви есть нечто большее таинствоводства и, следовательно, вообще освящения. Да, возможно еще некое *духовное тайноводство* и, следовательно, вообще преобразование.

О неких Тайнах христианства, передаваемых лишь в сокровенных “тесных келлиях”, писали некоторые святые отцы, например, свт. Василий Великий. Это — “эзотерическое” христианство не всех христиан, что еще не значит, что оно в принципе не доступно для всех. Но оно возможно лишь на основе уже существующего личного откровения и упоминавшегося нами там же тайноведения, которое — для “совершенных”, для христианских “пророков” и “гностиков”.

О “гностиках” много замечательного писали церковные учителя-катехизаторы Климент Александрийский и Ориген, святые мистики Григорий Нисский, Максим Исповедник, Симеон Новый Богослов, Григорий Палама и другие. В отличие от нехристианских и нецерковных гностиков, они никому в Церкви не закрывают дорогу на пути к совершенству и полноте боговидческой духовности, но они и не придерживаются тенденции к искусственному уравниванию в Церкви, якобы признающей лишь внешне-иерархическое неравенство; они исходят из слов апостола: “До чего мы достигли, так и (должны) мыслить и по тому правилу жить” (Флп 3:16).

Это *мистический пласт жизни Церкви* на самом *высшем* его уровне — на опытно-трансцендентном уровне мистики Свободы и Творчества. Но надо помнить, что в нашей Церкви существует и другая мистика, более связанная с аскетикой: опытно-трансцендентальная мистика *начального* уровня — “мистика таинств и догматов”, и подобная ей мистика *среднего* уровня — “мистика макро- и микрокосмоса”, в т. ч. молитвы Иисусовой, которая основана на начальной мистике, чем она всегда и отличается даже от лучших мистико-языческих систем, где такой основы не было и не могло быть. Очевидно, что никакое обязательное для всех мистическое тайноводство невозможно.

4.20. В заключение надо лишь отметить, что вся столь краткая, но интересная и сложная система таинствоводства будет не-

полна без введения новопросвещенного в живое Предание Церкви с ее системой аскетики и мистикой, поскольку до тех пор могли использоваться только их элементы* .

Итак, человек, становясь, может быть, “последним между равными”, но окончательно духовно взрослым и самостоятельным, вступил в Церковь, в “Полноту Наполняющего все во всем” (Еф 1:23), и его подготовка к таинству Крещения в широком и полном смысле слова в принципе завершена.

* См., например, [33], с. 78.

ГЛАВА IV

ЧАСТНЫЕ СЛУЧАИ КРЕЩЕНИЯ И МИРОПОМАЗАНИЯ И ПОДГОТОВКИ К НИМ

1. Возраст и пол просвещаемых:

младенцы (до 3-х лет), дети (от 3-х до 6–7 лет, т. е. до школы), отроки (от 6 до 12–14 лет), подростки (от 12–14 до 17 лет), молодежь (от 17 лет до 21 года), взрослая молодежь (с 21 года до 25–30 лет), люди зрелого среднего возраста (с 25–30 до 55–60 лет), пожилые и старые (с 55–60 лет); мужчины и женщины.

1.1. Возраст просвещаемых является одним из тех факторов, которые сознательно или бессознательно приходится учитывать по существу во всех случаях, *всегда*, ведь от него в большой степени зависит не только подготовка к таинствам, но и сами чины их, о чем мы уже многократно писали выше. Чтобы можно было безошибочно и практически учесть влияние этого фактора, пастырю и его помощникам в деле служения Просвещению людей надо в первую очередь лично знать *каждую* конкретную ситуацию, связанную с чьим-либо Воцерковлением.

1.2. Как известно, в нашей церкви существует *только один* чин крещения и миропомазания, который является чином для *взрослых*. Это говорит о том, что и воспринимать его смысл и действия в полноте могут, да и то лишь при соответствующей хорошей подготовке, только взрослые, хотя ясно, что в какой-то неполной степени это становится возможным уже раньше, даже с детского, 3–7-летнего возраста. В младенческом же, дотрехлетнем возрасте для крещаемого полностью пропадает смысл, а вместе с тем частично дух и действенность, хотя пусть, может быть, и не действительность, таинства Просвещения, никак не сводимого лишь к сфере возможного и необходимого снятия в нем и с ним тяжести “первородного греха”.

1.3. Из сказанного видно, что по возрасту просвещаемые в первую очередь должны быть разделены на *три группы* — младенцев, детей и взрослых, тем более, что это деление чаще всего бывает оправдано самим способом прихода их в Церковь, когда, условно говоря, первых приносят, вторых приводят, а третьи приходят сами.

Таким образом, первые две группы, в отличие от третьей, целиком или почти целиком зависят, и не только внешне, от “третьих лиц”, и следовательно, они еще не вполне принадлежат себе. Это значит, что их Воцерковление и дальнейшая духовная и прочая жизнь связана еще с кем-то, на кого, наряду с самими просвещаемыми, пастырю и катехизаторам здесь необходимо обратить особое внимание. Тем более, что эти “кто-то” — родители, ближайшие родственники и крестные — являются носителями неизвестно каким образом уже сложившейся и, как правило, сильно искаженной и усеченной христианской традиции.

1.4. Принцип такого деления безусловен, он может быть преодолен иными, *интегрирующими факторами*. Так, если крестится или воцерковляется “весь дом”, целая семья или такая ее часть, в которую входят люди разных поколений, тогда разделять их как при совершении таинства, так и при подготовке к нему, кроме обоснованного желания с их стороны или особых обстоятельств, не рекомендуется, независимо от их возраста, психо-физических и прочих состояний и особенностей, а иногда, конечно, в известных пределах, даже от различной степени подготовки к таинству. То же может относиться к иным неформальным обществам, группам друзей и т.д. Во всех остальных случаях деление при крещении на три главные возрастные группы весьма желательно, если не прямо необходимо.

1.5. Внутри второй и третьей группы надо делать дополнительные различия. Каждую из них можно условно разделить еще на несколько групп, что желательно делать и внешне.

Если младенческий возраст принять до 3-х лет (плюс-минус полгода), тогда вторая группа уже “словесных” детей ес-

тественно делится на *собственно детей* — до 6–7 лет, т. е. дошкольников, *отроков* — до 12–14 лет, т. е. школьников, еще вполне не вступивших в “переходный возраст”, и *подростков* — до 17 (иногда 18-ти) лет, т. е. юношей и девушек среднего и старшего школьного возраста.

Третья группа — взрослых — также естественно делится на *молодежь* (до 21 года) и *взрослую молодежь* — до 25–30 лет, т. е. до полного вступления в самостоятельную жизнь, *зрелый, средний возраст* — до 55–60 лет, т. е. людей, занятых главным образом работой, семьей и детьми, и *старший возраст*, т. е. пожилых и старых людей старше 55–60 лет, по большей части пенсионеров или готовящихся к пенсии²⁵.

1.6. Чтобы найти общий язык с представителями каждой из этих групп, надо как можно лучше представлять себе психологические, социальные и другие особенности их жизни. Здесь мы кратко остановимся лишь на возрастной и педагогической психологии, поскольку другим факторам по возможности уделим особое внимание позже* .

Все старые книги по психологии в связи с коренными изменениями в жизни в большой мере устарели, а новые христианские исследования в нашей стране почти неизвестны или малодоступны** .

1.7. Психология *младенцев* нас менее интересует, поскольку, хотя они и весьма чувствительны к общему духу и настроению, царящему во время крещения и других священнодействий, что само по себе может дать на время какие-то положительные плоды, но главная их привязанность — родители, и значительно в большей степени успех Крещения, т. е. возможность жить и дальше в благодати его, зависит не от духовного контакта и общения пастыря с крещаемыми, а от того, в каком духе их воспитывают дома.

* См. гл. IV, 3.

** Для общих справок по психологии можно воспользоваться такими популярными современными изданиями как «Общая психология» под ред. А. В. Петровского (см. [27]), а также серией из четырех выпусков «Мир детства».

Младенцы очень пугливы, их реакции часто слишком связаны с совершенно внешними посторонними рефлексам и визуальными и прочими впечатлениями, почему они, обычно без всякой подготовки будучи принесены из мира сего в необычную обстановку и не понимая, что и зачем с ними делают, легко обуреваются лукавыми и нечистыми духами и, отрываясь при самом крещении от родителей, чаще всего недовольно плачут и даже раздражаются и злятся, что не надо спешить сваливать на “искушения”, якобы отводящие их от Крещения, и т.п.

Неудивительно, что и священник, совершающий обряд, как правило, бывает уже не в состоянии думать о чем-либо ином, кроме того, как бы получше и, главное, побыстрее этот обряд совершить. И воистину последствия таких “крещений” в большинстве случаев в наше время плачевны...

1.8. Совсем иное дело психология *собственно детей*, переживших “трехлетний кризис” и ставших “небессловесными”, и вместе с тем вступивших, но еще не более того (!), в область ответственного сознания и самосознания, а потому и памяти о себе.

У них сохраняется, конечно, ориентир прежде всего на родителей, но наряду с этим могут возникать новые авторитеты из среды близких им, доступных или “приятных в обращении” людей.

Если эти дети — детсадовские, то они уже могут быть причислены к авторитету старших и страху перед ними, а также к авторитету “сильных” из их же среды. Через игру у них бывает развито групповое сознание с присущим ему стремлением раскрыться и поделиться со всеми, кому они доверяют, всем, в том числе новыми впечатлениями и познаниями, а именно это нередко и пугает родителей. Иногда дети любят “показать себя” и свою самостоятельность в действии, подчас в противовес своим же авторитетам...

При крещении ими часто владеет внимающее любопытство и ощущение необычности и значительности происходящего, уже (в отличие от младенцев) западающего в душу и глубинную память, о чем ни на миг не должны забывать служители таинства.

Дети часто бывают эгоистичны и неискренни, и на это также надо обращать внимание при оценке их поведения и при разговоре с ними и их родителями и крестными.

1.9. Следующий большой этап в жизни человека наступает с приходом его в “общеобразовательную” школу.

Психология *отроков* отличается прежде всего переориентацией на новые, теперь больше внешние, авторитеты, к которым они склонны очень привязываться и безгранично им доверять — на учителей или иных наставников, иногда даже мало им знакомых. И очень редко среди неоспоримых авторитетов остаются родители (часто будто бы приносящие им лишь страдания по разным поводам), включая тех из них, которые стремятся во всем угодить своим детям.

Резко возрастает групповое сознание, а с ним чувство страха, стеснительности и стыда за нарушение каких-либо групповых и авторитетных “своих” или навязанных “сверху” норм. Собственные их принципы еще не устоялись, а общечеловеческие — недоусвоены. Понятно поэтому, почему отроки — все еще весьма редкое явление в наших храмах, хотя при хорошем христианском воспитании они могут найти там себя, особенно благодаря своей впечатлительности, образности мышления, естественному стремлению к игре и подражательности.

1.10. Психологические принципы *подростков* очень неустойчивы. Они то ластятся и во всем, до смешного, подражают родителям, то буквально ненавидят их. То обоготворяют любимого учителя или героя фильма или книги, то не хотят знать никого и ничего. То они чудачки-“идеалисты” и в своих глазах высоконравственные принципиальные люди, готовые на подвиг и жертву, то грубые, злые, жестокие “материалисты”, живущие в страхах, без каких-либо нравственных норм и порядка. Исключения бывают лишь среди исключений — в многодетных и прочих неординарных семьях, где или “не разойдешься”, или *надо* показывать пример.

Чувство стадности, ориентация на своих “неформальных” лидеров в своих “неформальных” группах еще более развиты. И при этом также очевидно возрастающее чувство “неза-

висимости” от авторитетов, от старших, от родителей и устремление к индивидуальной свободе и мучительному поиску своего характера и своего места в семье, классе, школе, а иногда уже и в жизни и в мире, чувство и устремление, легко соседствующее с внегрупповым (хотя иногда и групповым) поиском друзей и дружества, любви и влюбленности, в страшной ее несвободе, а также с бесхребетностью и т.д.

Восстание старших подростков против прежних авторитетов, ярко выраженная привязанность их к своему интересу, наряду с обостренной всякого рода внешней и внутренней чувствительностью, в том числе с угрызениями совести, иногда приводят к “взрослым” размышлениям и выводам о Боге, мире, человеке, к живому и открытому философствованию, результаты которого часто призваны решать вопрос главного направления будущей их жизни.

Вот это особенно важно учитывать пастырю, если он встретится с ними “с глазу на глаз” или если подростка не просто привели к нему “крестить”, а он пришел уже сам, как взрослый, взыскав Любви, Добра, Свободы, Истины и Красоты. Если же его привели, да еще против воли, тогда лучше пойти на риск, что он более никогда не придет (а ведь он сам и не собирался идти), и отложить крещение подростка до времени обретения им личной веры и принесения личного покаяния, чем несмотря ни на что крестить его с еще худшими духовными и душевными последствиями.

1.11. На психологию *молодежи* и особенно *взрослой молодежи* влияют многие сильные факторы: завершение образования, в том числе в ВУЗах, служба в армии, обзаведение своей семьей, наибольшее стремление к обретению финансовой, житейской, гражданской и личной свободы и самостоятельности.

Молодежь довольно быстро берет жизнь в свои руки, но и жизнь постепенно берет в “свои руки” ее.

Философствование, хотя иногда уже с нотками скепсиса или цинизма, готовность спорить, хотя иногда без каких-либо выводов для собственной жизни, устрояемой уже “по своим законам”, независимым от Истины и Правды, критические

размышления о Боге, мире, обществе и человеке — все это сохраняется, но часто приобретает схоластически-внешний характер и питается лишь от того источника, который исходит от новых знаний, книг, знакомств. Отсюда повышенная потребность молодежи в соответствующем христианском обучении в своем “молодежном братстве” или какой-нибудь молодежной школе или группе.

Утилитаризм и эгоизм начинают все более разъедать чистоту душевно- и духовно-личных, жертвенно-романтических интенций недавнего их прошлого. Повышенная сексуальность часто является не просто постоянно искушающим, а прямо порочным и откровенно греховным фактором жизни, она много собою определяет, становясь подчас истоком жестокости, страданий, подавленности, но и односторонней самоуверенности.

Мощные прорывы “вверх” и, увы, “вниз” могут легко содействовать с надрывами, а огромный прилив свежести и сил, в том числе творческих, — с бессилием и душевной ослабленностью. При этом, очевидно, начинает прослеживаться стремление к обновлению ради обретения подлинной устойчивости и искренний поиск помощи и поддержки, которую более всего ожидают от друга, жены, а иногда, даже нередко, и от Бога, правда, часто еще понимаемого рационально и абстрактно, лишь наподобие мирового Принципа Справедливости и т.п.

Взрослый молодежный возраст — самый лучший для полной катехизации и Крещения, ибо, с одной стороны, во взрослой молодежи еще не угасли пылкие порывы к совершенству, еще крепка вера в силу добра и любви, еще силен “бесхитрый разум”, а с другой, — сильное чувство недостаточности своей и общей текущей жизни и всех ее отношений, а также чувство личной вины само уже ведет ее к желанию углубления, исправления и покаяния. Таким образом, пастырю есть на что опереться во взрослой молодежи и помимо ее общих пожеланий и неясных стремлений, ибо у нее уже есть необходимые опыт и силы, чтобы “умереть для греха” и “жить для Бога”, как есть и некая самостоятельность внутренней и внешней жиз-

ни, которые позволяют людям взрослого молодежного возраста с риском взять на себя полноту личной ответственности за совершающийся в них духовный переворот, помня о нем всю жизнь и делая необходимые жизненные выводы.

1.12. Психология людей *среднего, зрелого возраста* часто одновременно проще и сложнее. Проще, ибо более определяется уже устоявшимися и внешними факторами — заботой о текущем моменте, о быте, о семье и детях, о работе, о материальной и моральной стороне жизни, страхом за себя и за будущее детей, честолюбивыми соображениями “успеха” и т.д. Сложнее, ибо в наше время редко кто очень крепко задумывается о том, чтобы как следует согласовать все реально действующие факторы своей жизни, так что мало-помалу в жизнь вклиниваются новые моменты, которые уживаются, пусть и противоречиво, как с прежними, так и проектируемыми на новой базе будущими. В результате человек раздваивается, растривается, отчуждается, машинизируется, автоматизируется, объективируется и т.п.

Знание реальной жизни, вместе с реальностью тоталитарной для большинства силы зла, способствуют росту глубокого пессимизма, безверия, уходу “в себя” или “хитрости разума”, желающего и сохранить жизненную активность и при этом обходить видимые тупики бессмысленности через разного рода увертки, обман и самообман, достижение чувства удовлетворения своих “потребностей” невзирая на средства и т.д.

Излишняя связанность многоразличными внешними обстоятельствами приводит к суеверной жизни по инерции, по привычке, к снижению представлений о счастье, о своем долге и призвании, к разрушению даже устоявшихся было в юности общечеловеческих норм, к усталости, болезням и стрессам, а в результате — к глубокой неудовлетворенности “и всем, и вся”, без каких-либо серьезных попыток без посторонней помощи исправить свою жизнь и свое положение. Отсюда и неудачи даже там, где, кажется, хватало еще сил что-то делать, т. е. в объектах главной своей заботы — в семье, на работе, с близкими друзьями и т.д.

Люди среднего возраста, если они еще не окончательно объективировались и разложились в пороках, страхе, неверии, лжи, пьянстве, сладострастии, осуждении ближнего, жаждут избавления и освобождения. Когда удается пробить ядовитую кору их недоверия и неверия, они с радостью и благодарностью принимают всякую реальную помощь, особенно духовную. Им очевидно нужен Бог — заповедующий добро и милующий Отец, Христос — справедливый, благодарный и благодатный, воскрешающий Его Сын, и Утешитель — Его Святой Дух.

1.13. Психологические особенности людей *старшего возраста*, людей *пожилых* и *старых* определяются быстрым угасанием тех сил, которые воодушевляли в юности и поддерживали и радовали в зрелости.

При *переходе* к этому периоду люди, и особенно женщины, очень нервны, легко ранимы, неуравновешенны, иногда даже агрессивны и деспотичны. Они стремятся удержать ускользающее и с трудом представляют себе реальную перспективу своей жизни. Впрочем, иногда именно в это время они легко срывают с себя все многолетние напластования и покровы и, как юные, устремляются “вперед”, с натиском, риском и поиском, а иногда еще и “вверх”, как Закхей.

Если бы здесь было не так много психики и кратковременно сублимированной, а часто просто угасающей и бунтующей искаженной сексуальности, то во многих случаях эти устремления оканчивались бы прозрением и просветлением, приводящим к глубокой вере и достоуважаемой мудрой старости. Однако в наше время без соответствующей помощи это бывает редко. Слишком мешают наработанное желание сохранить в конечном счете спокойствие и комфорт, привязанность к бытовой устойчивости, непомерные заботы о собственном телесном “здоровье” и внешней “красоте”, общественном или хотя бы групповом признании и авторитете, нежелание перечеркнуть все свое “славное” прошлое, возрастающие страхи о будущем детей и внуков, равно как и о себе и своем будущем, а иногда и прямые последствия лежащих на совести грехов и пороков.

В старости также во многих случаях преобладают связанные с трудами, немощами и болезнями пессимистические или, наоборот, маскирующие пессимизм и в существе своем пустые, легкомысленно-оптимистические настроения, равно требующие в принципе лишь тишины и спокойствия, удовлетворения самолюбия, а в ином случае еще и славолюбия, под видом требований “уважения к старшим”. Место мудрости старости часто занимает самооправдание “за всю жизнь”.

Таких людей труднее “сдвинуть с места”, даже если им “свое место” и не нравится. Поэтому, как правило, ложными оказываются надежды людей молодого и среднего возрастов на то, что к Вере и в Церковь можно будет прийти и позже, поближе к старости, не говоря уже о том, что до этой старости надо еще дожить, а дожив до нее, иметь силы и уметь прожить ее и умереть достойно.

1.14. Как же все эти возрастные психологические особенности влияют на собственно Крещение и подготовку к нему?

В самом трудном случае — Крещения *младенцев* — все как будто бы ясно. Сам младенец участвует в Крещении лишь пассивно, подготовки к Крещению и научения ему не требуется, чины во многих случаях могут быть безболезненно сокращены* . Однако также ясно, что в связи именно с этими особенностями *главный акцент* при совершении таинства и подготовке к нему должен быть перенесен на родителей и, особенно, поручителя младенца.

В случае, если один из родителей — неверующий или инаковерующий, то второй несет на себе духовно-нравственную и каноническую обязанность воспитывать своих детей в православной вере и, следовательно, рано или поздно огласить и крестить их, если, конечно, нет к тому принципиальных возражений с другой стороны, что составляет уже проблему самих смешанных браков и семей**. Итак, если крестится младенец из такой смешанной семьи, то присутствовать и участвовать в

* О чем конкретнее см. в гл. II, 1-5.

** О канонической стороне этой проблемы см., например, в [36], с. 44-47.

таинстве может только один верующий родитель. Тут может быть достаточно и лишь одного, канонического крестного.

Как родители, так и крестные должны соответствовать церковным требованиям, причем они, как и пастырь-креститель, должны знать эти требования и быть по ним подготовленными *до* акта крещения, так чтобы все утверждения и обещания чина могли быть и были подкреплены соответствующими делами. Никакой истинный пастырь не имеет права главные из этих требований отменять, независимо ни от каких внешних обстоятельств, хотя его же обязанность — быть при проверке исполнения их гибким.

Родители должны обеспечить реальную возможность христианского воспитания крещаемого младенца, что не может быть ограничено только его регулярным вождением в церковь и причастием, но предполагает также постоянное присутствие в семье христианского духа, независимо от убеждений и жизни нецерковных членов семьи, друзей и близких, которые, впрочем, также должны уважаться.

Мы уже упоминали о требуемых качествах *поручителя-крестного*. Напомним, он должен быть не просто верующим церковным человеком с соответствующими качествами духовной и прочей жизни, но еще и человеком наученным и способным, в свою очередь, в будущем вместе с родителями постепенно научить христианского младенца христианской вере и жизни, что не исключает и не отменяет необходимости его специальной взрослой катехизации. О подготовке его и родителей к осуществлению своих христианских функций в отношении младенца по мере его возрастания мы еще будем говорить ниже, в заключении.

1.15. Если родители, крестный или пастырь совсем *не удовлетворяют требованиям Церкви*, крещение младенцев становится не просто неполноценным и бессмысленным или даже безблагодатным и, следовательно, бездейственным, но прямо кощунственным и предосудительным.

В таких случаях им надо разъяснить учение Церкви о младенческом Крещении и их роли в нем и отклонить любой пред-

лагаемый компромисс, а само крещение отложить до той поры, пока все церковные требования не будут тщательно и с любовью исполнены, хотя бы по минимуму, т. е. до окончания необходимой подготовки или до иного удостоверения в том, что слова ни у кого не будут расходиться в будущем с жизнью и делами.

Чтобы при этом избежать огорчения, а также не бояться смерти младенца вне Христа и Церкви, *в крайних и спорных случаях*, и снова как некий залог, можно, не дожидаясь исполнения каких-либо условий, кроме общего, “на словах” исповедания родителями и крестным своей христианской веры, совершить чин 1-го оглашения, например, по чину 40-го дня, после чего, как мы знаем, младенец становится некрещеным христианином* .

Если же все-таки пастырь-священник или кто-либо еще сочтет необходимым и возможным крестить младенца без частичного или даже полного соблюдения церковных правил, апостольского и евангельского предания, тогда крестным отцом младенца должен будет считаться он сам со всей полнотой личной ответственности перед Богом, Церковью и крещаемым за его христианское воспитание и образование. За этим должна была бы смотреть *вся христианская церковная община*, не допуская бесконтрольности и произвола с чьей бы то ни было стороны в столь важном деле Церкви.

Младенческое Крещение — одна из самых больных современных церковных проблем, и здесь среди православных христиан не должно быть ни посторонних, ни равнодушных, ведь если сейчас так трудно бывает воспитать человека в вере и церковности даже с соблюдением всех живых церковных правил, то что же говорить о том, когда эти правила вообще игнорируются, а в результате величайшее Божье таинство, профанируясь, утрачивает благодать и совершается людьми “в суд и во осуждение”.

1.16. Почти все из сказанного нами о младенческом Крещении может быть отнесено и к детскому Крещению. Однако оно имеет и свои особенности.

* См. гл. II, 1 и гл. III, 2.

При Крещении *детей*, т. е. дошкольников, отроков и подростков, покуда оно, пусть и в меньшей степени, чем младенческое, продолжает быть принципиально связанным с “третьими”, взрослыми лицами — родителями и крестными, к которым должны предъявляться все те же строгие церковные требования, и покуда нет необходимости и (или) возможности расчленять его чин в соответствии со смыслом каждой его части, можно идти на различные восполнения и соответствующие сокращения всего таинстводействия* , может быть, иные по объему, чем при крещении младенцев, но всегда более разнообразных в разных обстоятельствах.

В той или иной степени все дети уже могут *активно участвовать в происходящем* с ними, они могут ответить на вопросы по чину “отречения и сочетания”, исповедать свою веру, молиться и говорить “аминь”. Поэтому им нужна уже личная подготовка, а в иных случаях со старшими детьми-подростками — и настоящая катехизация с таинствоводством и семидневным причащением. В любом же случае дети должны осознать и добровольно взять свою часть внутренней ответственности за происходящее.

В связи с этим каждый раз возникает необходимость в особом живом *пастырском слове*, обращенном не только к церкви, родителям и крестным, но и к самому крещаемому. Также необходима *пастырская беседа* со всеми ними, а при необходимости и возможности — еще и отдельно с родителями, крестными и каждым крещаемым, *до и после крещения*.

Как в своем слове, так и в беседах пастырь должен максимально учитывать психологические возрастные и прочие особенности слушателей и, главное, собеседников. Давая краткие ответы на вопросы, не следует избегать трудных и неожиданных, в том числе критических вопрошаний, если они идут от сердца и ответ на них не разрушает, а созидает. Если сразу дать ответ почему-либо нельзя, об этом надо, не стесняясь, сказать и перенести разговор до следующего раза. Здесь никакая, даже малая фальшь в беседе, слове и деле пастыря недопустима.

* Об этом конкретнее см. в гл. II, 1-5.

1.17. Особенности Крещения и подготовки к нему каждой из трех подгрупп детей следующие.

Дети-дошкольники до своего крещения могут пройти не только 1-е, но даже и 2-е оглашение, хотя, конечно, все лишь в некоторых его элементах, доступных для целостного восприятия ребенка. К концу этого периода, перед школой, в связи с подготовкой ранее крещеных детей к первой исповеди, 2-е оглашение в самой простой, первоначальной форме становится даже желательным, если не необходимым.

В то же предшкольное время родителям и крестным можно подготовить к Крещению и своих оглашаемых детей, если раньше, в младенчестве или трехлетнем возрасте, крестить их они не решились или не смогли, а ждать дальше не могут или не хотят. Однако частичное, “элементарное” 2-е оглашение ребенка, очевидно, еще не решает всей проблемы его Крещения.

Подобным же образом пройти отчасти 1-е и 2-е оглашение могут и крещаемые *отроки*. Как оглашение, так и проверка пастырем или иным представителем Церкви степени личной готовности крещаемого отрока должны быть приспособлены к уровню его развития и носить более образный и эмоциональный, чем рационалистический характер.

Хорошо, если еще до крещения удастся выявить в отроке чувство не просто вины и стыда, а личной ответственности за прямо или косвенно содеянные им грехи и личное на этой основе покаяние пред Богом. Также хорошо было бы после его Крещения провести хотя бы кратчайшее и простейшее таинствование.

При оглашении и Крещении *подростков* возрастает значение личного подхода к самим оглашаемым. Оглашение их теперь должно носить более рационалистический и одновременно, парадоксальным образом, романтический характер, так же как и таинствование, которое здесь уже не менее необходимо, чем оглашение. Их покаяние перед крещением, а может быть, и специальная для этого исповедь, должно быть неотъемлемым элементом, таким же, как их личная вера в Бога с надеждой на Христа.

Если подросток, особенно старший, почти юноша или девушка, пришли к вере и в церковь сами, то они сами, уже независимо от родителей, могут выбирать себе крестного. Тогда к ним, их вере и степени подготовки можно будет предъявлять и почти полные, “взрослые” требования. Особенно это касается их доброй нравственности, знаний отдельных мест Священного писания, осмысленных ответов на вопросы и прочего участия в таинстводействии. Кроме того, они должны уже как-то ориентироваться в проблемах, связанных с особенностями современной духовно-церковной жизни, апологетикой, наукой в ее отношении к вере и с возможными для них формами исповедания своей веры.

1.18. При Крещении *взрослых*, т. е. молодежи, взрослой молодежи, людей среднего и старшего возраста, все церковные требования к ним, за исключением рассмотренных ниже извинительных случаев, предъявляются в полном объеме.

В отличие от младенческого и даже детского крещения, здесь необходим только личный подход пастыря и катехизатора к крещаемому, тем более, что присутствие его родителей, особенно если они неверующие или нецерковные, уже обязательно.

А в крайних случаях у взрослого крещаемого, если его искренность не вызывает сомнения, может не быть и крестного, ибо все обеты Крещения и исповедание веры обязан произносить сам просвещаемый. Здесь мы, естественно, не считаем тех классических вариантов, когда он этого физически и(или) “технически” делать не может и ему необходим крестный как помощник и заместитель, о чем также речь еще пойдет ниже. Во всех остальных случаях, тем более в наших реальных церковных условиях жизни во взаимонедоверии и раздробленности, все-таки надо считать наличие крестного весьма желательным. Только главной его функцией должно быть уже не замещение просвещаемого при совершении чинов таинства, не обещание дальнейшего его воспитания в вере и благочестии и не помощь ему в церковно-христианском образовании, а изначальная для крестного функция духовного отечества и

ответственного перед Богом, Церковью и крещаемым поручительства и ходатайства.

Катехизацию взрослого может проводить уже другой человек — церковный учитель, проповедник или иногда, при желании, даже пастырь. Впрочем, при невозможности этого с их стороны, катехизаторами могут быть и другие достойные и ревностные, способные и подготовленные миряне, а среди них также и сами поручители-крестные* .

Для взрослых крещаемых поручители, катехизаторы, а иногда и пастыри становятся одновременно духовными отцами и друзьями во Христе, способными на жертвенную помощь всегда и везде, стоит только подумать о них и призвать их.

1.19. Есть некоторые особенности подготовки к Крещению, как и самого крещения, и у каждой из четырех возрастных подгрупп взрослых людей.

Так, при оглашении и Крещении *молодежи и взрослой молодежи* требуется больше общения, живого слова, проповедей, пояснений, чтобы молодые люди видели искренность и открытость тех, кто это совершает. Необходимо проявить большую, предельную терпимость к недостаткам других и в то же время — чувство справедливости. Надо особо как-то сказать о том, чего молодежь обычно правильно не понимает, — о Боге, мире и человеке, об обряде и таинстве, о посте, смирении, послушании, о вере, любви, свободе, о догме, каноне, традиции, предании и т.д., но конечно, с такими при этом пояснениями, которые смогли бы “пробить” ее антирелигиозные предрассудки.

Особый акцент надо сделать и на связях между людьми, не ограничивающихся только родственными, дружественными и формальными, и поэтому на Церкви как потенциальном вместилище всех и вся.

Для взрослой молодежи полная, как и для младшей молодежи уже почти полная катехизация в любой форме бесспорно необходима.

* Об их нормальной функции в процессе предложения, оглашения и таинствоводства мы уже писали, см. гл. III, 1-4.

При оглашении и Крещении людей *среднего, зрелого возраста* хорошо бы отметить, что заботиться в жизни надо не только о себе и своей семье, но и друг о друге в Церкви и окружающем мире, что семья этому, в принципе, не мешает, особенно если она единомысленна и в своей духовной открытости стремится стать домашней церковью. Надо специально напомнить, что христианская жизнь от каждого требует жертв, в том числе своим личным временем и силами (которых не хватает у всех). Вступая в Церковь, не надо спешить кидаться в крайности, но надо быть простым и в то же время мудрым.

Для людей этой возрастной группы полная катехизация также очень желательна, несмотря на то, что иногда эти люди слишком “замотаны” и имеют много формальных обязанностей по работе и дому.

Говоря об устройстве домашних отношений, надо пояснить, почему детей лучше сразу воспитывать в христианском духе, а также почему неверующим членам семьи, сослуживцам, друзьям и знакомым, узнавшим об их обращении, никогда нельзя позволять судить их и указывать, как им по-христиански жить и что им для этого следует делать.

Подготовка к Крещению людей *старшего, пенсионного возраста*, даже если они еще внешне полны энергии, может проводиться в сокращенном варианте, но и тогда она не должна, конечно, кроме крайних случаев, ограничиваться лишь одной беседой или книгами.

При их крещении хорошо было бы не спеша и с пояснениями использовать больше отдельных, а потому и относительно кратких чинов, что без особого физического и иного напряжения, но в то же время и без компромисса, создает для них атмосферу душевного тепла и праздника. При этом надо помнить, что старые люди требуют к себе уважения независимо от того, с каким грузом грехов они пришли, в связи с чем приходится почти всегда хотя бы отчасти признавать значение их прежнего жизненного опыта как религиозного.

Надо быть готовым к тому, что результаты катехизации могут оказаться очень различными, ибо большинство воцерковляющихся людей старшего возраста дальше “притвора церковного” войти бывают не способны (но и за это — слава Богу!). Впрочем, часть из них, если найдет себе подходящее церковное служение или дело, готова еще “свернуть горы”. Если же человек столь стар или болен, что уже сродни умирающему, то его крещение может иметь также свои особенности* .

1.20. Говоря о влиянии различных частных душевно-физических состояний человека на процесс подготовки к таинству Крещения и Миропомазания, нельзя обойти и *вопрос пола*, так же неотъемлемого от каждого крещаемого, как его возраст и прочие “демографические” факторы. Нам уже приходилось кратко затрагивать сексуальную проблему в связи с возрастной психологией. Сейчас же нас будут интересовать не столько переходные периоды, сколько все стадии зрелого возраста человека, для которого проблема пола уже существует как устойчивый факт.

1.21. Известна истина о том, что “кто *во Христе*, тот новая тварь” и что “во Христе нет ни мужского пола, ни женского”. Однако *до* достижения полноты существования в Нем и, тем более, до Крещения в Него в человеке есть, увы, ветхое и, в частности, половинчатое — половое. В связи с этим при подготовке к Крещению необходимо представлять себе неизбежные особенности и трудности, связанные преимущественно с полом.

1.22. Прежде всего надо помнить, что *женщин* все еще огромное большинство в нашей церкви и именно они часто задают тон церковной жизни, определяя тем самым даже вкусы и образ действия некоторых мужчин, в том числе предстоящих алтарю.

Женщины более прагматично и “по-бытовому” смотрят на свою веру и свою церковность. Им нужно удовлетворить совершенно конкретные запросы, связанные с семьей, родом,

* О них см. в гл. IV, 2.

землей, заботами мира сего, с опекой кого-либо, уходом за кем-то, с воспитанием детей в душевно-нравственном благополучии и т.п.

Они могут быть относительно удовлетворены своим пассивным, в основном связанным лишь с храмом и требами, церковным состоянием со специфическими формами внешне-православного благочестия и мирянской активности.

Правда, современная женщина стремится быть другой, более похожей на мужчину, равной ему во всем, более общественно и духовно значимой и свободной, что часто меняет в ней как внешность, так и внутренние критерии оценки качества ее жизни.

Однако эти тенденции еще не устоялись и часто принимают уродливые формы, когда женщина, оставаясь все так же несвободной и придавленной всеми четырьмя “К” (Kinder, Küche, Kleide, Kirche), к тому же становится эмансипированной и мужеподобной, чему всячески надо противиться, как и всему неестественному.

Но в принципе, как представляется, современные изменения в женщине надо поддерживать, учитывая их в проблеме конкретных женских служений после Крещения.

1.23. Также надо помнить, что служение *мужчин* в нашей Церкви все еще часто ассоциируется лишь с “работой в церкви” и потому более всего с официально-представительскими или культово-сакраментальными функциями.

Мужчина не только не может и не должен в церкви делать все то же, что и женщина, главное, что он не может и не должен делать что-либо так же, как и женщина. Основные акценты и критерии качества его жизни должны быть более связаны с умом (разумом), волевым напряжением, интеллектом (рассудком), делом защиты добра и красоты, чести и правды (справедливости), с самопожертвованием и свидетельством всей жизнью “граду и миру” своей веры. По своей природе мужчина более склонен ценить духовные и общественно-деловые качества, тогда как женщина — душевно-бытовые. Мужчина, как правило, бывает духовно свободнее и крепче, что, в частности,

всегда заставляло христиан в церковном положении и служении отдавать предпочтение мужчине, тем самым ему первому отдавая честь, но и спрашивая в первую очередь с него же.

1.24. При подготовке к Крещению, чтобы “ничто нечистое не входило в Царство Небесное” (Откр 21:27), надо осторожно объяснять специфические стороны сексуальной этики, не забывая об известном различии плотских грехов мужчин и женщин. Оглашаемые должны знать физические, душевные и духовные последствия этих грехов и ценность и смысл воздержания и целомудрия, в том числе в полноценной семье, так же как и девства (сначала на примере Богородицы и позже — некоторых подвижников-аскетов).

Оглашаемым, особенно женщинам, надо объяснить еще, что спастись и жить в полноте веры можно будет и дома, и даже в неверующей семье. При необходимости надо показать и то, как им бороться с конкретными домашними искушениями, в том числе памятуя евангельское высказывание: “И враги человеку — домашние его” (Мф 10:36).

1.25. Учитывая трудность и интимность многих проблем, связанных с полом, лучше стараться придерживаться рекомендации церкви, чтобы у мальчиков и мужчин *порушителем* был мужчина, а у девочек и женщин — женщина. При самой катехизации можно иметь смешанные группы, а при *акте крещения*, как и при совершении некоторых других чинов этого цикла — отдельные подгруппы (может быть, за исключением младенцев). При этом и в наше время не надо стесняться отдавать предпочтение мужчинам и старшим.

1.26. При *таинствоводстве* после Крещения также необходимо уделить вопросу пола особое внимание, зная, что именно в это время максимальной духовной открытости легко потерять трезвость в отношениях и переоценить свои силы и чувства любви, особенно к своим новым братьям и сестрам, а также к своим и их поручителям, катехизаторам и даже пастырям.

Не следует скрывать, что этот вопрос — долгорешаемая и часто мучительная проблема даже после Крещения и что прин-

цип постоянного воздержания для душевно-духовной творческой сублимации (возвышения, преображения) половой энергии человеку-христианину необходим не менее, чем обще-аскетическое ограничительно-подавляющее отношение к полу.

При таинствоводстве можно кратко сказать и об учении Церкви о конечном состоянии людей, когда все будут “как ангелы на небесах” (Мф 22:30, Мк 12:25), хотя в своей земной жизни многие из них могли быть и в браке* . Это учение говорит не о будущей бескачественной бесполости, а об эсхатологическом восполнении “пола” человека до целостности андрогина**.

1.27. Готовя людей к самостоятельной церковной жизни, надо сразу дать им понять, что хотя сейчас сглаживается различие между мужскими и женскими характерами и суждениями, однако в этой жизни оно *до конца сгладиться никогда не сможет*. Поэтому женщина всегда может надеяться на спасение “через чадородие, если пребудет в вере, любви и в святости с целомудрием” (1 Тим 2:15), а мужчина может спастись, “душу (жизнь) свою полагая за друзей своих” (Ин 15:13).

При этом, чтобы вполне раскрыть себя перед Богом в Церкви, женщине совсем не обязательно предстать от Ее лица престолу Божьему, хотя в известной мере и это в служениях древних дьяконисс и пресвитерид ей было (как знать, может быть в какой-то новой форме еще и будет) доступно, а мужчине совсем не обязательно заниматься одними церковными дворами, деньгами и свечами.

В Церкви каждый должен “служить друг другу тем даром, какой он получил” (1 Пет 4:10) от Бога, а дары Божьи, как известно, ни абстрактно, ни по человеческому произволу не даются.

Пока же остается непреложным тот факт, что в нашей церкви как женские, так и мужские служения остаются недораскрытыми и что для раскрытия их еще предстоит приложить большие усилия.

* См. “Смысл любви” Вл.Соловьева.

** См. “О рабстве и свободе человека” Н.А.Бердяева.

По мнению многих, нам необходима общая “маскулинизация” (“омужествление”) церкви, с недостатком которой новопросвещенные неизбежно столкнутся. Главное — они должны знать, что им в связи с этим делать...

2. Аномалии и особенности душевно-физического состояния

Тяжелобольные, психически больные и умирающие

2.1. Господь наш Иисус Христос Духом Святым призывает к покаянию, возрождению и оправданию через веру в Него, Сына Человеческого и Сына Божьего, *всех* и *вся*. Но есть условия, ограничивающие возможность своевременного и полноценного восприятия полноты благодати. Если *своевременность* ее восприятия, в том смысле “благовременности”, о которой говорится, например, в молитвах 1-го, 8-го и 40-го дней или в чинах и литургийных молитвах оглашения, в большой степени зависит от возраста просвещаемого, о чем речь уже шла, то *полноценность* усвоения человеком спасительных даров таинства Просвещения может сильно зависеть и от других его душевно-физических состояний.

2.2. Именно исходя из желания приобщить ко Христу *всех*, даже пришедших “в двенадцатый час”, т. е. находящихся уже на смертном одре, а также тяжелобольных, стремясь, в меру сил и возможностей их веры, “проповедуя Евангелие Царства, исцелять всякую болезнь и всякую немощь в людях” (Мф 4:23, 9:35)*, Церковь уделяла больным и немощным особое внимание²⁶. Она всегда шла путем предельного и жертвенного милосердия и снисхождения, часто сводя свои самые естественные и необходимые требования до минимума, хотя никому и никогда не позволяла этот минимум перейти.

2.3. При подготовке к Крещению тяжелобольных, в том числе психически, и умирающих, в силу особой ограниченности их

* Подчеркнем, что всегда все-таки *в людях*, а не в человекообразных существах.

собственных телесных и душевных сил и возможностей, значительно *возрастает роль поручителей*, их духовно-душевных церковных качеств, ответственности и подготовленности нести бремя поручительства в более сложных условиях, ведь пастырю иногда приходится доверять их поручительству больше, чем своему визуальному впечатлению, чем медицинским и прочим документам. Для этого он должен уделить этим поручителям сугубое внимание, что, впрочем, еще не обязательно означает сугубое время.

2.4. Сама подготовка к Крещению в этих случаях неизбежно должна быть *более индивидуальной*²⁷, в зависимости от состояния и обстоятельств жизни крещаемого, сил и возможностей пастыря и его помощников. Также она должна быть более динамичной и трезвенно-радостной, т. е. ставящей *большой акцент на своей светлой цели*, на надежде и ее действии, и только в связи с этим — на необходимости покаяния, дальнейших аскетических усилий и т.д.

2.5. Сознание *опасности опоздать* с крещением, хотя и не должно ни на миг покидать пастыря, катехизаторов и поручителя, однако не должно и давить на них и заставлять идти на компромисс, по рассуждениям типа “а вдруг”, “хуже не будет” и “на всякий случай”. Надо знать, что и по смерти у христиан остается надежда* .

К тому же, поскольку человек сам осознанно выразил желание креститься²⁸, постольку всегда можно *сделать его оглашаемым 1-го или 2-го оглашения*, что, как мы знаем, сразу делает некрещеного христианина неполным членом Церкви, а значит, и снимает остроту вопроса.

2.6. При подготовке к Крещению и при крещении *собственно тяжелобольных*, т. е. страдающих от тяжелых хронических и изнурительных болезней, надо учитывать характер болезни, знать, насколько она опасна для других, а в случае нужды смиренно и заботливо принять меры предосторожности, которых не надо стесняться, знать и естественные перспективы ее течения²⁹.

* Об этом см. в гл. I, 4.

Большое значение имеет то, излечима ли болезнь, не приводит ли она к внешнему уродству, не ограничивает ли уже сейчас или в будущем семейную, социальную, профессиональную и церковную жизнь и т.д. Если подобные ограничения существенны, то надо помочь человеку избавиться от комплекса неполноценности, особо тщательно объяснив ему, что полнота человеческой жизни проистекает в первую очередь от жизни в полноте благодати Духа Святого, которую и надо стяжать любовью к Богу и ближнему и верою в них.

Нельзя допускать, чтобы целью Крещения больного были иные, одни индивидуалистические и даже целительские мотивы. Конечно, если человек, особенно поначалу, имеет внутреннюю установку на исцеление, то в этом ничего плохого нет, но ему не надо ее путать с целью и смыслом самого таинства Крещения. Исцеление может произойти, и так или иначе произойдет, именно тогда, когда такой путаницы не будет. Больному, готовящемуся ко Крещению, необходимо дать понять, что всем надо верить во всемогущество Божье, но *не свое*, и надеяться на исцеление по нашей вере и милости Божьей, ибо любая болезнь — зло, даже если она иногда служит поводом к обращению и спасению человека.

Помогающим больному подготовиться к Крещению хорошо еще особым образом, тайно или явно, молиться о его исцелении³⁰. Надо следить лишь за тем, чтобы оно вновь не стало корыстной целью Крещения³¹.

При этом не следует противопоставлять духовные средства “лечения” и исцеляющую милость Божию средствам обыкновенным, традиционным (таблеткам и проч.) и нетрадиционными (даже, может быть, с элементами “экстрасенсорными”, “психотренинга”, “йоги” и т.д.). Важно только, чтобы эти средства не противоречили по духу христианским, т. е. не являлись бы черно-магическими, колдовскими или темно-знахарскими, что, как известно, зависит в большей степени не от самих применяемых средств, а от породившего их духовного направления, для определения которого нередко требуется большой опыт, особые знания и благодатный дар

“различения духов”, т. е. специальное и, в идеале, общецерковное усилие.

2.7. *Придя к тяжелобольному*, нельзя излишне утомлять его любыми впечатлениями, разговорами и спорами, тем более философско-апологетическими³². При этом надо не забывать следить за появлением с его стороны даже первых признаков перевозбуждения и переутомления.

К больным всегда, даже если они неопрятны и почему-либо вызывают чувства брезгливости и отталкивания, а эти чувства лучше преодолевать сразу, необходимо относиться с любовью и сочувствием, с особым тактом, с лаской и мягкостью, вниманием и духовной чуткостью³³.

Нельзя пренебречь даже малой их просьбой (другое дело — исполнять ее буквально или нет, решать это надо особо), как нельзя не выполнить даже малое данное им обещание.

Больной человек обычно повышенно требователен, возбудим и раздражителен, но в то же время — слишком легко подавляется. Поэтому важно, не впадая в соглашательство, постараться ничем его не омрачить.

Покаяние такого человека часто слишком затруднено или наоборот — аффективно и внешне эмоционально, а потому или духовно неглубоко, или абстрактно, “не во имя Христа”, поэтому оно требует особой проверки “по плодам” и “по духу” и, следовательно, снова особого внимания.

Усвоение больным каких-либо знаний затруднено, и потому их объем, как и объем молитвенных чинов, надо минимизировать, по возможности вообще избегая трудных мест и сложных форм изложения.

Если больных несколько, то надо уделить особое внимание и всем, и каждому.

Если у пастыря или катехизатора на все это не хватает времени, сил или терпения, то им лучше самим за такое дело не браться, а просить помощи других, особенно у более способных, достойных и подготовленных мирян, начиная с поручителя. Не случайно еще в “Памятной книжке для священника, или размышлении о священнических обязанностях” гово-

рится: “Если по множеству дел не можешь посещать больного, то старайся, чтобы сию помощь оказывал кто-либо из благочестивых и благоразумных, и сообщал тебе о состоянии больного, чтобы, по крайней мере, ты мог быть при нем во время большей опасности”^{*}.

2.8. В тяжелых случаях у больных может возникать большая склонность к крайностям, подозрительности и отчаянию, к безрассудным решениям и действиям, к болезненным фантазиям и капризам. Пастырю и его помощникам надо постараться преодолеть это еще в процессе подготовки к Крещению.

2.9. Чин и форма крещения тяжелобольных должны выбираться по обстановке, как и все прочие чины. Традиционно это может быть почти неотличимое в настоящее время от обычного так называемое “клиническое крещение”, часто в постели в доме, больнице и т.д., без полного обнажения и без погружения. Если, согласно канону о клиническом крещении, оно было совершено до окончания подготовки и научения вере, то по возможности все это должно быть довершено позже, при улучшении состояния или по выздоровлении больного.

2.10. Особое внимание должно быть уделено церковной жизни тяжелобольных и *после их Крещения*. Главное здесь — их участие в Евхаристии и какое-то посильное личное церковное дело или служение. Хорошо, чтобы среди членов церковной общины были такие друзья и близкие больного, которые могли бы быть связующим звеном между ним и общиной и которые могли бы информировать священника и других о состоянии его здоровья, духовном росте и возможных трудностях, требующих совместного преодоления.

2.11. Существует категория больных, с которой священнику в современном мире приходится особенно трудно. Это *больные психически*. Мы имеем в виду как носителей собственно психической болезни (психопатологии), так и людей, не столько психически больных, сколько психически *болезненных*, не облада-

* [28], с. 246.

ющих устойчивой психикой, т. е. не вполне *на данный момент (период)* здоровых.

Это различие, при всей его условности, надо обязательно помнить, особенно если отношения с больным человеком выходят за рамки единовременной встречи, что практически почти неизбежно в любом случае серьезной подготовки к таинству Просвещения. Тогда психоболлезненность надо учитывать как трудность противоречивого характера, как душевную немощь и слабое место человека, сами по себе вполне простибельные и требующие лишь осторожности, помощи и снисхождения. Психоболлезнь же надо не только учитывать, но еще и лечить, для чего бывает нужен врач-специалист, к которому, особенно если пастырь или катехизатор лично знают его духовно-душевные качества, не зазорно вовремя направить своего подопечного (конечно, лишь в форме рекомендации).

2.12. Кроме того, не следует путать психически больного, а тем более болезненного человека с *одержимым*, т. е. подлинно *бесноватым*, какими бы “бесами” он ни был одержим, — страха, сомнения, уныния, нетерпения, блуда, подозрения, гордыни, сребролюбия, осуждения, нигилизма, двойничества, т.е. рефлексивного “буриданова” раздвоения, иногда ведущего прямо к шизофрении³⁴, и т.д. Если есть верные признаки одержимости, тогда надо особое внимание уделить экзорцизмам — “запретительным” молитвам чина оглашения, о которых мы уже писали* .

2.13. Установить и выявить жесткое различие между *беснованием* или какой-либо иной духовной болезнью и *психопатологией* очень трудно, но всегда это есть различие духовного и душевного³⁵.

Единственной рассчитанной на пастырей высокопрофессиональной, современной, но, к сожалению, более чем наполовину незавершенной работой на эту тему остается ценнейший труд известного психиатра проф. Д.Е.Мелехова (1899-1979)³⁶. В частности, в нем совершенно верно утверждается,

* См. гл. II, 2.

что человек может быть психически больным и в то же время духовно здоровым³⁷.

Но пастырю нужно знать и помнить, что и наоборот, можно быть психически здоровым (относительно и внешне, конечно) и в то же время духовно больным — одержимым. А если человек бесноватый, то ему при этом нельзя быть богоносцем и христоносцем, а потому до исхождения завладевшего им злого духа крестить его не следует (соответствующий канон — Тим.2 делает исключение, и то без достаточно выявленных оснований, только для умирающих).

Конечно, во всех случаях, когда крестить одержимого или психически больного оказывается пока невозможно, молитвенно огласить его, сделав оглашаемым 1-го или 2-го оглашения со всеми проистекающими отсюда последствиями, не только не вредно, но и просто желательно, если только им не потерян окончательно человеческий образ.

2.14. Абсолютным препятствием к Крещению является абсолютно *бессознательное* состояние человека и(или) состояние полной *невменяемости*. Тогда нельзя крестить даже умирающего, ибо такой человек или уже не человек, или, если человек, то не способный реально подтвердить свою свободную волю к Крещению и соединению с Богом. Крещение такого человека было бы актом насилия, которое, в отличие от требуемого от нас евангелием постоянного усилия, в христианстве ничем и никогда не может быть до конца оправдано.

Эти условия не относятся, по понятным причинам, к христианским *младенцам*. Однако если и младенец совсем не проявляет свойственных его возрасту адекватных человеческих реакций, то даже “страха ради смертного” нельзя крестить и его, ограничиваясь в лучшем случае (т. е. если есть *реальная надежда* на обретение им человеческого образа в будущем) молитвами чина 40-го дня — 1-го оглашения.

2.15. Самая трудная задача пастыря и (или) катехизатора с поручителем, начинающих подготовку к Крещению тяжело и, особенно, психически больного, — верно определить, не утра-

чен ли в нем *человеческий образ*. В эмпирии жизни это значит — человеческое “лицо”, его характерная “персона” и, что еще важнее, его “ипостась”, т. е. пусть и в минимальной степени, и временное, но ответственное сознание, совестливое самосознание и язык, дар слова, членораздельная речь, хотя бы только внутренняя³⁸.

За несохранивших этот образ можно лишь молиться, как мы молимся о стенающей в рабстве всякой твари и о всем мире. Сохранивший же свой образ человек будет как-то способен и к вере, покаянию и личностной любви к Богу, миру и человеку, т. е. будет способен воспринять благодать таинства в человеческом достоинстве.

Если же пожелавший креститься человек потерял свой облик только *на время*, то следует подождать (но не пропустить!) улучшения его состояния и хотя бы краткого обретения им его вновь. Для этого есть и объективное основание, ибо хотя “дезорганизация личности при всяком психическом заболевании весьма значительна, а при некоторых болезнях даже разрушается контакт личности с действительностью, но все же этот контакт стремится к сохранению”^{*}.

Никакие компромиссы здесь недопустимы, как и ссылки на благополучное прошлое или неподкрепленные серьезно надежды на будущее. Надо помнить, что таинство может быть совершено “в суд и во осуждение”, что оно — не один только сакраментальный акт и, тем более, не лекарство и не магическое действие, хотя и может подействовать исцеляюще на состояние и души, и тела больного человека. Надо быть во всех случаях духовно трезвенным и внимательным, ответственным как в своей любви и милосердии, так и в своей принципиальности и строгости.

2.16. Степень вменяемости человека часто выясняется в самом процессе подготовки к Крещению. Для этого оглашение должно быть предельно личным, но также предельно шадящим внешние силы человека. В процессе же таинствоводства у же

* [12], с. 96.

новопросвещенных психически болезненных и больных надо особым образом раскрыть конкретно для каждого из них необходимые именно ему стороны многогранного аскетического опыта Церкви.

Проф. Мелехов пишет, что представителю церкви “необходимо учитывать индивидуальные особенности характера и темперамента людей и внимательно относиться к проявлению психических заболеваний, помня, что человек свободен только в своей духовной сфере и сознательном выборе своего пути к Богу или отвержении Его, но в сфере душевной он детерминирован (современная наука как раз и раскрывает биохимические, эндокринные, генетические и церебральные механизмы, которые обуславливают душевный склад человека). Об этом же говорит и весь подвижнический опыт, свидетельствуя, что изменить свой характер, аффекты, страсти и пристрастия можно только длительной и упорной работой над собой, системой аскетических приемов, влияющих как на психику, так и на соматику, как на душу, так и на тело. Всякая мысль о произвольности и легкости изменения своей природной организации признается необоснованной, продиктованной только отсутствием духовного опыта”* .

2.17. Итак, в каждом отдельном случае душевного расстройства пастырь и его помощники должны действовать с особой осторожностью, проникшись духом сострадания, внимания и внутреннего такта. Без ложного оптимизма и самоуверенности, разрешая вопросы и сомнения, они должны способствовать воцерковлению больного и готовить его к правильно понимаемому и осознанному участию в таинствах церковной жизни и веры**.

2.18. Это же самое, если не в еще большей степени, относится к *умирающим* людям. Правда, здесь мы имеем в виду не те чрезвычайные случаи “на грани смерти”, когда надо вмешиваться очень оперативно, и о которых речь пойдет ниже***, а те, ког-

* [25], с. 29–30.

** См. [12], с. 101.

*** См. гл. IV, 5.

да пришедший к вере человек умирает “безболезненно, непостыдно, мирно”, например, “в старости доброй”, или, во всяком случае, так, что нет оснований для принятия чрезвычайных мер и есть еще время...

Конечно, и в этих случаях смерть есть смерть, и страшно “не успеть”, ведь перед смертью часто окончательно помутняется сознание и теряется человеческий образ, не говоря уже о могущих именно в это время отвести от веры нередко нарастающих духовных сомнениях, искушениях и т.д.

2.19. Как верно было замечено, “от пастыря в наши дни требуется очень и очень многое: нередко в короткий срок он должен провести катехизацию и совершить крещение умирающего, нередко после катехизации воцерковать безнадежно больного или возобновить его отношения с Церковью, прерванные, возможно, несколько десятков лет назад”^{*}.

Поэтому надо делать все зависящее от священника, его помощников и близких умирающего, чтобы хотя бы в минимальной степени подготовить его к Крещению, успеть совершить таинство, а в случае улучшения состояния еще и “восполнить” Крещение таинствоводством и т.д. Если этого минимума нет^{**}, то крестить человека — как нехристианина — нельзя и перед смертью. Дальнейшая судьба таких в руках Божьих, а в наших руках — живая надежда и дерзновенная молитва.

2.20. В случаях подготовки к Крещению умирающего надо быть готовым к тому, что она вся должна будет уместиться в рамках одной или очень немногих бесед, может быть, лишь с небольшими перерывами. За это время ему надо пояснить значение таинства Крещения, актуализирующего Смерть Христа, благовествуя веру в то, что во Христе мы умираем для всего того, через что проявилась в мире власть смерти: умираем для греха (Рим 6:11), для ветхого человека (Рим 6:6), для плоти (Гал 5:24), для тела (Рим 6:6; 8:10), для Закона (Гал 2:19), для всех

* [12], с. 121.

** О нем самом см. гл. V, 19–21.

стихий мира (Кол 2:20)... Для человека смерть со Христом является, следовательно, смертью смерти. Во грехе мы были мертвы, во Христе мы — “ожившие из мертвых” (Рим 6:13).

В этой перспективе телесная смерть приобретает для уверовавшего христианина новый смысл. Благодаря приобщению к Смерти Христа он не только начинает жить теперь новой жизнью, но и пребывает в уверенности, что “Воскресивший Христа из мертвых оживит и наши смертные тела Духом Своим, живущим в нас” (Рим 8:11). В последнем воскресении мы войдем в новый мир, в Царство Божие, где “смерти не будет” (Откр 21:4), точнее, для верных, воскресших со Христом, не будет “второй смерти” (Откр 20:6)*.

Пастырь и его помощники должны не только с позиций разума убедить умирающего в существовании высшего мира и не просто его успокоить, они должны помочь умирающему реально пережить опыт богообщения уже в этой жизни, помочь человеку соединиться со Христом, соединиться навеки, навсегда и в таком единении обрести вечность** .

2.21. Хорошо, если умирающий уже знает о своем реальном состоянии и не надо ломать голову над тем, *как* ему сообщить о нем, хотя следует уметь сказать правду и в этом труднейшем случае, ведь лгать ему нельзя никак, если, конечно, он уже человек верующий, и следовательно, от правды не умрет, не впадет в опасное состояние и не будет нуждаться в “святой лжи”.

Также хорошо, если человек умирает дома, среди родных, друзей и братьев по вере, а не в больнице или еще где-то, хотя когда он станет полностью христианином и утвердится в вере, все такие проблемы уйдут на второй план.

Хорошо, если пастырь и братья будут сопровождать умирающего до конца благодатной молитвой и общением...

2.22. Весьма желательно, чтобы в процессе подготовки к Крещению учитывалась и *психология умирающего*. Здесь современная психологическая наука выделяет пять фаз: 1) несогласие,

* См. [35], стлб. 1069–1071.

** См. [12], с. 120.

например, с фактом своей смертельной болезни, и уединение, а отсюда пониженная коммуникабельность, требующая сдержанности и терпения от собеседника; 2) гнев, негодование, возмущение и зависть с раздражением, что также не способствует коммуникабельности; 3) “переговоры”, даже с Богом, с целью получения награды за свое поведение, что благоприятно для глубокой исповеди и покаяния, несмотря на краткость этой фазы; 4) депрессия: сначала бурная, “реактивная”, приводящая к повышенной занятости проблемами семьи, заботе о детях и стариках, но затем “подготовительная”, вызванная мыслями о скором “отходе” и ведущая к потребности в тихом присутствии ближних с минимумом разговоров, в укреплении духа и молитве, в таинствах и общении; 5) согласие, смирение с “судьбой”, тихое и замкнутое ожидание конца или молчаливое глубокое общение, иногда перемежающееся с соответствующей беседой*.

2.23. В случаях особых *затруднений в общении* с больными, в том числе психическими и умирающими, возникают проблемы наподобие отсутствия “общего языка”, когда требуется специальная помощь третьих лиц — поручителей-свидетелей свободной воли больного, его желания креститься и наличия у него подлинных покаяния и веры. К подобным случаям мы и переходим.

3. Прочие существенные личные особенности крещаемых:

культурные, национальные, языковые и социальные.

3.1. Кроме уже разобранных нами, есть и другие особенности готовящихся к Крещению, на которые Церковь обращала и всегда будет обращать большое внимание, а именно: *культурные, национальные, языковые и социальные.*

3.2. Так, если начинает готовиться к Крещению, например, еврей, что в больших городах случается в наше время довольно

* См. [24].

часто, или татарин, или еще кто-то, в принципе не имевший ранее серьезной возможности общения с традиционной христианской (православной) средой, то пастырю, катехизаторам и поручителю важно знать, чем для него является его национальная принадлежность.

Является ли она только фактом его *национального происхождения*, так сказать, “плоти и крови”, с их особым могучим зовом (хотя он вообще не всегда и не у всех проявляется, а ныне часто бывает и вовсе ослаблен или видоизменен под действием совсем посторонних факторов)? Или еще фактом некоей более или менее осознанной им *культурной ориентации*, когда большое значение обычно придается традиционным для данной национальной культуры историческим, т. е. ранее выработанным, знакам и взглядам со всем богатством специфических ассоциативных рядов? Или еще и фактом *религиозным*, со всем потенциальным или актуальным включением в соответствующий культ с его миро-, человеко- и Богоощущением, выраженным в той или иной форме?

Совершенно ясно, что в каждом случае нужны свои огласительные и, особенно, предогласительные акценты.

3.3. *В первом случае* это будет нормальный катехумен, оглашающийся “на общих основаниях”, не допускающих ереси филетизма, но вполне естественно допускающих некоторый специальный акцент на актуализации духовно-церковного призвания именно его нации.

Так, для евреев, у которых в личном плане всегда есть свои “маленькие теории” и особенности, этим общим призванием могло бы быть живое свидетельство среди “своих” о новом богоизбранном народе-Церкви, исповедующем Духом Святым Единого Живого Бога-Творца и Сына Его воплощенного. В истине этого исповедания находят свое исполнение “весь закон и пророки”, доказательство чего требовало бы от них, например, лучше знать полный библейский текст с его мессианскими местами и больше ревновать о личной праведности, которой мы все призваны превзойти “праведность книжников и фарисеев”. Им следовало бы также более возревновать и о лич-

ных харизмах, которыми, как и всем в Церкви, им надо служить не только себе, но и друг другу, при этом воспитывая в себе настоящую скромность и мудро показывая знание нынешнего “своего места” в церкви, пока мало подходящего для различных “официальных” и “должностных” церковных служений и т.д.

Для татар же и других “мусульманских народов” их церковно-национальное призвание иногда видится близким к еврейскому, только с бóльшим значением в этом исповедническом служении своего языка, форм национального быта и т.д.

3.4. *Во втором случае* это будет также нормальный, а не особенный катехумен. Но ему необходимо будет особо показать духовно и культурно универсальное, а не конфессиональное Православие, что из-за излишней унификации жизни “греко-российской” церкви бывает сделать практически трудно, но все же возможно, разъяснив, в частности, ограниченность и тенденциозную односторонность или противоречивость всякой старой, как христианской, так и нехристианской традиционной культуры.

Если речь пойдет о еврейской культуре, то надо тактично, но прямо, не стесняясь, говорить правду. С одной стороны, о ее роли в сохранении части народа и традиций веры Ветхого Завета, а также о ее вкладе в мировую, в том числе христианскую, культуру и цивилизацию. С другой стороны, нельзя не сказать и о ее иногда принципиальной антихристианской направленности, сформировавшейся за последние две тысячи лет и выразившейся, например, в Талмуде, хотя и не во всем, и косвенно в хасидизме или Каббале, как системе в большой степени “законнической” головной мистики, и часто выражающейся прямо в необъективном, но шумном выпячивании и преувеличении реальных недостатков и грехов христианской истории при замалчивании не менее реальных и значительных недостатков и грехов своей, и т.д.

Если же речь пойдет о культуре татарской или вообще мусульманской, то и здесь положение сходно с культурой еврейской. Нужно лишь дополнительно уяснить, что само воз-

никновение и историческое существование мусульманской культуры во многом, очевидно, было обязано культуре христианской, как в ее положительном, так и отрицательном аспектах. С другой стороны, надо признать, что мусульманство, отталкиваясь от пороков язычества, иудейства и христианского церковно-культурного строя и жизни, выполнило одну из тех культурно-исторических задач, которую не смогло решить даже до сего дня все историческое христианство. Через великого пророчествующего прозорливца и поэта-мистика Мухаммада многие племена и народы, почти не имевшие городской и вообще оседлой культуры, обратились к “законной вере” во Единого Живого Бога-Творца и, по Корану, в Божьих пророков, и в том числе в посланного через Деву Марию Иисуса (Ису) как великого Божьего пророка-Мессию (Христа).

Тем самым нам дан серьезный повод полагать, что в мусульманстве и мусульманских народах, как и, согласно апостолу Павлу, в неверовавшем во Христа Иисуса еврействе, сокрыт не только антихристианский аспект мировой жизни, который уже никто не может ни отрицать, ни сводить лишь к реакции на грехи исторического христианства, но и некий положительный смысл неизъяснимого в истории Божьего Смотрения, многое неожиданно устрояющего в конечном счете “во Благо”, “да остаток (т. е. Церковь, как “Полнота Наполняющего все во всем” и как “весь Израиль”) спасется”.

Конечно, когда приходится конкретизировать, т. е. говорить о каком-то определенном народе или человеке, а не вообще о мусульманстве или иудаизме, то все осложняется частной историей их взаимоотношений с традиционными христианскими культурами и народами нашей страны, что, к сожалению, нередко затемняет откровение и затрудняет усвоение положительного смысла Божьего Смотрения.

3.5. *В третьем случае* мы будем иметь дело уже с особенным катехуменом, не просто приходящим в христианство, а переходящим из одной религии в другую, что не равно, как мы знаем, переходу из одной веры в другую, как это происходит во-

обще со всяким, прямо принимающим новую веру “в Бога и во Христа Его”.

Как уже упоминалось*, один факт искреннего исповедания Иисуса Мессией, Сыном Божиим, Спасителем для иудаиста означает возможность начать сразу 2-е оглашение, а для мусульманина любой нации и культуры — 1-е. Впрочем, на наш взгляд, последнее правило сильно устарело, ибо ныне невозможно приравнивать мусульманина к язычнику. К тому же в современных условиях жизни нашей церкви для нее как духовная польза, так и духовный вред от влияния мусульманства на человека не превосходят иудаизм.

3.6. Конечно, встречаются на практике и *более сложные случаи*, и в т.ч. комбинации названных факторов, например, связанные с буддизмом и индуизмом, т. е. так или иначе с “востоком”, его национальными, культурными и духовно-религиозными традициями.

Поскольку, в отличие от “авраамитской традиции” иудаизма и мусульманства, “восточные” понятия о Боге еще дальше отстоят от христианских и приближаются к чисто языческим, пусть часто и не в грубой форме, постольку и катехизация со своих первых шагов должна быть соответствующим образом сориентирована.

Но при этом нельзя не учитывать, что церковно-национальное призвание китайцев, японцев, индусов и т.д., насколько в наш век вообще можно говорить о них как о неких национальных целостностях, еще существенно недовыявлено и, следовательно, в каждом конкретном случае и для каждого из этих народов оно должно определяться более творчески и лично.

В культурном же отношении их антихристианская направленность составляет лишь одну и незначительную, но, к сожалению, бурно развивающуюся сторону их внутренней жизни.

Духовно-религиозная же экспансия этих народов уже сейчас очень велика, как велика и жажда включить в себя, как бы “съесть” все мировые религии, и в первую очередь, “по-своему”³⁹ понятие христианство.

* См. гл. II, 2.6.

Все это заставляет все более и более всерьез заниматься их духовным опытом, в том числе и на катехизационном уровне.

3.7. Важно отметить, что прежде, еще не так давно, и национальное происхождение, и культура, и религия настолько закономерно и крепко совмещались в одном человеке, что трудно было бы себе и представить возможность каких-либо иных вариантов. Обычным и почти единственным был лишь третий случай, как раз и предусмотренный в церковных канонах. Но сейчас все чаще встречаются первый, второй и иные варианты.

Все это говорит о том, что в духовном и религиозном, культурном и языковом, национальном и социальном отношениях жизнь особенно быстро меняется.

Так, европейская, в том числе русская, когда-то христианская *культура* стала массовой и религиозно-индифферентной. Поэтому теперь церковь должна быть готова принять человека такой культуры наравне с еще встречающимися, особенно в провинциях, представителями культуры старой, традиционной, научившись и научив для этого решать проблему духовного общения людей разных культур без потери критерия подлинного культурного уровня и качества, а значит, и без забвения их иерархии.

Национальное сознание ныне часто деформируется и гипертрофируется, снова служа основанием к взаимообособлению, недоверию, осуждению или выведению истинной веры из себя, а не наоборот. В то же время многие нации начинают претендовать на решение задач, имеющих очевидно сверхнациональный, вселенский характер, что является следствием переоценки себя, незнания своей истории, недопонимания своих плюсов и минусов. Это также надо учитывать при катехизации.

Язык, например такой, как в нашей стране русский, в отличие от прочих, забываемых или архаизирующихся и почти не развивающихся, стандартизируется, канцеляризируется, упрощается, вульгаризируется, а зачастую и опошляется, хотя и становится через это более легким и доступным, что явно связано с самыми общими явлениями в современном культурном и национальном сознании. Это неотложно требует от церкви

адекватной реакции по трансформации “своего” языка, который сейчас, будучи почти целиком “вещью в себе”, как правило, бывает в принципе чужд и недоступен оглашаемым.

Значение *социальных и политических* моментов все еще очень велико, а иногда даже возрастает, особенно в массовом сознании, несмотря на то, что давно стала ясна амбивалентность, неоднозначность этих явлений по отношению к духовной жизни человека. Эти моменты одновременно являются знаком обобществления и снятия природно- и социально-обусловленного отчуждения и, наоборот, той социализации, которая ведет к объективации и оскудению личной духовной жизни и потому требует специального духовного усилия по ее преодолению. С этим также нельзя не считаться.

Соотношение религиозно-церковных и политических моментов до сих пор во многом остается недовыясненным и напряженным, хотя практически уже стало очевидным, что церковь и приходящие к ней люди не могут быть вполне отделены не только от общества, но и от современного государства, и что отдельные члены церкви всегда играли и будут играть значительную роль в политической сфере, даже если это им “по должности” и не положено.

Новое духовное значение профессиональной принадлежности и деятельности человека во многих случаях также несомненно, хотя в церкви вопрос об этом все еще почти не ставится...

3.8. Исторически внимание Церкви ко всем перечисленным и близким к ним вопросам в связи с проблемами Воцерковления ее новых членов выражалось, как обычно, *в канонах, постановлениях и рекомендациях*, например синодальных. Пастырям и катехизаторам хорошо было бы их в общей исторической динамике знать и на практике иметь в виду, хотя и не без трезвой оценки и корректировки, в зависимости от особенностей и требований своего времени и частных моментов ситуации, в которой они должны быть применены.

Здесь мы говорим о таких исторически важных сторонах церковной жизни, получавших закрепление в авторитетных

решениях, чинах и правилах, как условия Крещения и подготовки к нему евреев, а точнее, иудаистов, мусульман и язычников, как условия Крещения “безъязычных”, т. е. по разным причинам не могущих ясно и внятно выразить свое желание креститься, как списки “запрещенных” профессий и книг и т.д.

Рассмотрим теперь подробнее некоторые из этих проблем в контексте современной жизни.

3.9. Прежде всего надо понять, что для тех, кто уже “новая тварь”, кто подлинно “во Христе” (2 Кор 5:17, Гал 6:15), как уже нет “ни мужского пола, ни женского”, т. е. вопроса пола, так же нет “ни эллина, ни иудея”, т. е. вопроса национального и “языкового” (типа “Афины и Иерусалим”), “ни обрезания, ни необрезания”, т. е. вопроса религиозного и культового, “ни варвара, ни скифа”, т. е. вопроса культуры, “ни раба, ни свободного”, т. е. социального вопроса, — ибо тогда “всё и во всех Христос” (Кол 3:11). Однако, как известно, вне и до того — все эти вопросы есть.

Неслучайно именно в отношении внешней миссии Церкви и в связи со своей апостольской проповедью апостол Павел писал, что он “должен и эллинам и варварам, мудрецам и невеждам” (Рим 1:14), имея в виду скорее всего национальные, культурные и религиозные, а следовательно, и социальные различия и противоречия. Поэтому, кроме кратко уже описанных нами “стратегических” проблем, часто возникают соответствующие “тактические” вопросы, требующие при катехизации заостренного внимания и быстрого нешаблонного разрешения.

3.10. Помимо самой общей характеристики культуры современных людей и их цивилизованности есть более частные характеристики, касающиеся *народной (национальной) и личной культуры*. Уровень личного культурного развития человека существенно влияет на форму, язык, иногда даже сроки оглашения на всех его стадиях, а подчас и на формы дальнейшей практической христианско-церковной жизни.

Христианство само по себе не есть культура, но будучи жизнью вечно-творческой, оно в себе и с собой несет мощней-

шую культурную традицию и потенцию. Поэтому при оглашении надо уметь ими пользоваться, с одной стороны, не искажая их дух и смысл, но с другой, — всячески избегая тех ситуаций, когда христианская культура может преградить путь ко Христу.

Для этого, в частности, надо следить за тем, чтобы не употреблять тех многочисленных традиционно-православных выражений и понятий, которые пока еще могут прозвучать для катехуменов не в том смысле, в каком они употребляются, или которые могут, как все словесные ярлыки, вызвать отрицательную ассоциативную реакцию, способную сразу закрыть саму возможность проникнуть в их подлинный смысл и тем самым лишить их действенности.

Так, при катехизических беседах с людьми мусульманской и иудейской традиционной культуры, за многие века выработавшей, в частности, как мы говорили, свой антихристианский менталитет и уже подсознательную негативную реакцию на ряд важнейших христианских символов, понятий и знаков, надо стараться прямо не употреблять их, вместо того вводя поначалу синонимы или описания.

Например, даже слово “крещение” можно заменять на “просвещение” или “воцерковление”, а до времени можно не упоминать и догматические и, следовательно, таинствоводственные по преимуществу термины как “Святая Троица”, “ипостась”, “единосущие” и т.п.

Только после того как человек привыкнет к новой духовно-душевной и производной от нее культурной ситуации, уже ближе ко времени Крещения, можно будет с осторожностью вводить традиционную для церкви терминологию.

Те же особенности надо по возможности учитывать и при совершении соответствующих чинов, особенно “чинов присоединения”, которые именно в этой своей огласительно-вероисповедной части более всего устарели и перестали “работать”.

И еще. Людям, приходящим из “неверия” и напичканным с детства антирелигиозными и антицерковными предрас-

судками, привыкшим рассчитывать в конечном счете только на себя и свои силы, естественно, надо меньше говорить слов, связанных со сложившейся у них схемой якобы царящих в церкви подавляющего мракобесия, рабской униженности, социальной и творческой пассивности. Например, таких слов, как “терпение”, “воздержание”, “смирение”, “послушание”, “полный отказ от себя и своей воли” и т.п., относящихся к тому же к культуре христианской аскетики и потому также по преимуществу принадлежащих таинствоводству, а не более ранним ступеням.

Заметим, что дать при необходимости те же понятия другими словами не составляет никакой трудности.

3.11. Оглашение и таинствоводство не следует вести так, чтобы после него человек уже в принципе не мог оставаться в своей прежней *культурной* среде. Иное дело — прежнее товарищеское, рабочее и тому подобное более частное окружение, которое, как правило, у многих довольно быстро и фундаментально меняется.

То же самое относится и к прежней *национальной* среде просвещаемого, которой он не должен бояться даже при виде ее явно враждебной настроенности, памятуя на крайний случай пример первомученика архидьякона Стефана. Он должен быть готов, несмотря на известный риск, свидетельствовать о своей вере.

3.12. Катехумен должен быть так научен и настроен, чтобы вообще не стать ренегатом своего народа и своей национальной культуры, конечно, лишь настолько, насколько она ему действительно принадлежит и насколько по духу и в основном она не противоречит христианству.

Для этого при подготовке к Крещению надо стараться делать акцент не только на “максимальной”, внутренней, но и на “минимальной”, внешней свободе во Христе, впрочем, с предупреждением, чтобы эта свобода не стала серьезным соблазном ни ему, ни его немощным братьям — другим христианам (см. 1 Кор 8:9).

Так поступал уже Апостольский собор, который свободно допустил принципиальное внутреннее разнообразие и различие внешних форм жизни между новообращенными христианами из иудеев и язычников.

Как известно, многие национальные и народные традиции, нехристианские по происхождению, все-таки входят или могут войти в общечеловеческую и общехристианскую культуры, поскольку они порождены или преобразены элементами правды и даже истины, взятыми из “естественного откровения” и долгого общения народов и культур. Поэтому и человек, принадлежавший или придерживавшийся такой национальной традиции, выделив ее из остальных не- и антихристианских традиций, при желании может продолжать ее соблюдать, не боясь впасть в двоеверие.

Здесь, конечно, будут важны еще и внутренние мотивы такого поведения катехумена: никакой национализм и никакое национальное превозношение одних людей над другими в Церкви уже и на огласительном уровне не могут быть оправданы, даже если в духовном, культурном или социально-экономическом отношении одна нация действительно стояла или стоит значительно выше другой.

3.13. К *языку* катехумена надо относиться также с большим вниманием и уважением, ибо это — его словесная форма жизни, а христианство верует в Слово и проповедует Логос. Как и ранее*, под языком мы понимаем здесь как всю совокупность словесных образов и знаков, которыми реально пользуется человек при всех видах и формах своего общения с Богом, миром и людьми, а также в своей внутренней душевной и духовной жизни, так по возможности и систему употребляемых им в жизни слов, образующих один межнациональный язык или ряд национальных языков.

Памятуя миссионерский принцип апостола Павла, реально доступный, правда, далеко не каждому из христиан, “для всех быть всем, чтобы спасти, по крайней мере, некоторых”

* См. гл. IV, 2.15. и гл. IV, 2.7.

(1 Кор 9:22), желательно максимально идти навстречу слушающему и быть ему понятным. Для этого надо стараться наиболее сохранять язык человека, приближаясь к этому в чинах обрядов и таинств, на огласительных беседах, в тексте Писания и языке проповедей.

С другой стороны, надо стремиться к просвещению и преобразению самого прежнего языка человека, постепенно облагораживая и восполняя его новыми христианскими образами и понятиями и приобщая к общехристианскому наследию Священного Писания (Откровения) Церкви.

Надо стремиться научить катехумена, какой бы национальности он ни был, к какой бы культуре ни принадлежал, тому языку горней Церкви, который является живым *языком любви и общения* в ней.

Но при нужде надо учить его и языку церкви дольней. Сейчас в нашей церкви это прежде всего современный обычный для народа русский язык и, в очень небольшой степени, — церковно-славянский.

Однако вряд ли будет хорошо, если наученный новопросвещенный, заговорив с Богом и братьями на новом языке, забудет свой прежний язык, как и свою прежнюю культурную и национальную среду. Но памятуя их, он должен будет преодолеть подобную “двоеверию” духовную опасность “двуязычия”, т. е. внутренней дисгармонии в нем непросвещенного прежнего, “старого”, и христианского, “нового”*.

3.14. Язык общения в Церкви является ее “естественным языком” — по выражению прот. Александра Шмемана, подразумевавшего под ним “церковный язык” молитвы и Писания, которым в церковной древности были прежде всего псалмы**.

“Естественный язык” Церкви — это, конечно, и ее “живой язык”, о котором, например, писал, упомянув словесность Иоанна Мосха и св. Симеона Нового Богослова, С.С.Аверинцев. По его мнению, эти отцы Церкви, как “представители церковной и

* Дополнительно см. гл. IV, 5.35–39.

** См. [41], с. 54.

монашеской словесности”, “писали на *живом языке* — если не на языке улицы, то на языке *каждодневного церковного обихода*, представлявшего собой в условиях средних веков необходимую часть народного быта. Поэтому они писали *очень ясно*”^{*}.

Очевидно, что сейчас, как никогда ранее, проблема естественного, живого и очень ясного языка “каждодневного церковного обихода” и общения, которым уже не может быть ни язык Псалтири, ни язык церковно-монашеской словесности, сама по себе стоит очень остро.

Не забудем к тому же, что в наше время, по выражению одного из участников “Переписки” свящ. Сергея Желудкова^{**}, “сам язык *христианской веры*” связан, в частности, с проблемой так называемой “демифологизации”, ставящей целью “понимание и раскрытие глубинного смысла мифологических представлений” (там же), точнее, старающейся выявить для современного человека дух и смысл мифологизированных, а подчас и мифологически-неправдоподобных, сказочных и легендарных форм библейского, догматического, литургического, синаксарного и им подобного традиционного христианского сознания.

3.15. Если у неверующего человека прежде всего бытие, в том числе *социальное*, определяет его внутреннюю жизнь и сознание, то у верующего христианина — наоборот, ибо мы, христиане, верим, что Бог во Христе спасает и освобождает человека во всех отношениях. Таким образом, нельзя идти на поводу у популярного общественного мнения и переоценивать значение социального положения человека, а также его профессии, характера работы и вытекающих из них внешних условий жизни и особенностей сознания, в том числе социально-группового и “классового”.

Но не следует и недооценивать значения этих факторов, особенно пока человек еще не вполне живет Христовой свободой, например, при решении вопросов, касающихся конкрет-

* [10], с. 58; выделено мною — Авт.

** См. [39], письмо № 53, с. 12.

ных форм его церковной жизни и характера его церковного служения теми дарами, которые он уже от Бога получил, живя в Церкви.

Так, руководящая должность на работе, если, конечно, сама работа не требует перемены, или особо большая занятость, хотя бы в семье, заставляют предъявлять к человеку индивидуальные требования и заменять, особенно после первоначального укрепления в вере, некоторые общие для всех формы церковного порядка жизни особенными.

Однако и тогда это не должно означать, что просвещаемый или новопросвещенный может совсем или почти совсем не посещать храм, полностью или почти полностью заменить личное общение при катехизации книжным или как-то иначе опосредованным, а слушание огласительных и таинствово-дствственных бесед — ознакомлением с их записями. Также это не должно означать, что он может, предаваясь страхам, не исповедовать, т. е. открыто не признавать всю свою жизнь веру в Бога и Христа, или превозноситься каким бы то ни было образом над другими, стоящими ниже его по социальной лестнице (ср. Иак 2:1-9), и т.п. Последнее, впрочем, не исключает того, что стоящие ниже сами должны помнить заповедь отдавать “кому честь — честь” и не требовать “уравниловки”, крайне вредной не только в духовной, но и в душевной, культурной и социальной жизни.

Воистину во Христе нет не только “ни раба, ни свободного”, но также ни богатого, ни бедного, ни человека с общественным положением, ни отрешенного от общества по политическим, экономическим или еще каким-либо побуждениям и признакам. Но как мы уже говорили, нашей церкви, ее полным и неполным членам, до этого еще предстоит дорасти.

3.16. На основании вышесказанного о всех стадиях оглашения ясно, что существующие в христианстве ограничения носят для человека различный характер до и после его Крещения. После Крещения, в период общего укрепления жизни в вере и по вере, они, называясь аскетическим воздержанием и послушанием, носят чисто добровольный или, например, если они даны че-

рез достойное иерархическое лицо или свободно избранного духовного отца, полудобровольный характер, являются более внутренними, творчески-позитивными и социально-созидательными. А до Крещения эти же ограничения имеют главным образом внешнее, законное, этическое и дисциплинарное свойство.

Сюда относятся и различные запрещения, укрепляющие социум и касающиеся внешних дел человека и даже некоторых видов его деятельности в нем. Более всего эти запреты касаются *профессиональной* деятельности, поскольку она не позволяет исполнить христианский “нравственный долг”, вольно или невольно будучи практически связанной с явными компромиссами (в том числе в вере), предательством (как явным, так и тайным), развратом (как грубым, так и тонким), насилием (как физическим, так и душевным или духовным), прямым или косвенным убийством (даже если это форма “справедливого” наказания, одобренная государством и обществом), изготовлением орудий смерти (особенно современных военных средств, носящих, как правило, характер массового и совершенно неизбирательного, “слепого” действия, не знающего ни фронта, ни тыла), со стяжательством (поиском легкой прибыли), кражами (в том числе на рабочем месте), ложью (особенно идеологической и политической), разрушением экологического равновесия (в природе и культурной “гомосфере”) и т.п.

Конечно, в истории церкви бывало так, что запрещенные ранее профессии или, например, известного содержания книги потом переставали быть таковыми. Например, если во II-III веках часто запрещались профессии актеров или военных (т. е. всякая служба в армии), как связанные с развратом, ложными культами или прямым убийством, то потом, и до сих пор, эти виды деятельности в принципе перестали быть запрещенными, хотя и рекомендовать их христианам возможно далеко не всегда. Более того, с течением времени они снова все чаще ставятся под подозрение как вообще возможные для христиан, и, очевидно, не без основания. Другое дело, что в наше время в Церкви полное решение этого вопроса, вероятно, дол-

жно было бы быть более дифференцированным и внутренним, а не только дисциплинарно-этическим.

3.17. Всякое запрещение профессий, естественно, относится лишь к случаям добровольной деятельности. В случае подобной же, но недобровольной деятельности (это различие почти всегда производно от степени податливости совести человека), принуждающей христиан, в том числе и катехуменов, идти против себя и воли Божьей и Церкви, надо рассматривать каждую такую ситуацию индивидуально, но всегда с сохранением хотя бы частичной ответственности на том, кто в эту ситуацию “выбора из двух зол” попал. А попасть в нее “случайно” нельзя* .

Здесь надо хорошо знать и помнить, что для истинного христианина безвыходных положений не бывает, и потому попадание человека в ситуацию выбора даже не из “добра и зла”, а “из двух или нескольких зол”, пусть даже и было выбрано зло меньшее, всегда говорит о все еще действующих в его жизни с определяющей силой нехристианских факторах, т. е. о прямом или косвенном выпадении его из сферы добра и, тем более, из благодати христианства. На это и надо в первую очередь обращать все внимание, а далее через Свою Церковь “Бог Сам усмотрит” выход из создавшегося положения...

Думается, что именно из этого исходил и св.Василий Великий, составляя формально сохранившееся до сих пор в Номоканоне правило, согласно которому налагается епитимья за убийство и на тех, кто совершил его на войне по приказу своего “начальства”. К подобным же случаям надо, вероятно, отнести и все ситуации, налагающие на христианина особую ответственность *за каждую* его подпись, присягу, обещание, иногда и слово, связанные, прежде всего, с его “внешней”, социальной и т.п. жизнью.

* Это напоминает частые случаи младенческого крещения, за исход которого в какую-то меру всегда несут ответственность теперь уже выросшие, но часто неверующие люди, хотя в момент самого своего крещения они, конечно, еще собою не распоряжались и не понимали, что над ними совершали старшие.

4. Недостаточная степень научения и внутренней подготовки просвещаемых к таинству Крещения

4.1. Все ступени подлинного совершенствования духовной и церковной жизни человека имеют свою *меру зрелости*, протекающую от “Полноты Наполняющего все во всем” (Еф 1:23), (Еф 4:13). Достижение христианином своей очередной меры зрелости является знаком того, что ему с одной ступени уже можно и, следовательно, нужно переходить на следующую, более высокую. Это касается, конечно, и внутренней и внешней стороны подготовки к таинству Просвещения.

Внутренняя подготовка совершается в сокровенной глубине сердца человека, в его конкретно-личном возрождающемся богочеловеческом духе, видна же она бывает в своих плодах, во внешней стороне и через нее. Но именно внутренней реальности, в случае противоречия, должно отдаваться предпочтение перед внешней.

Однако и *внешняя* сторона подготовки, в том числе степень приготовления через научение, не должна отставать от внутренней, ведь в Божьем мире “Тот же, Кто сотворил внешнее, сотворил и внутреннее” (Лк 11:40), т. е. каково его внутреннее, таково же в конечном счете будет и его внешнее, как и его внешнему принципиально всегда может вполне соответствовать его внутреннее, вплоть до снятия самой этой дихотомии в будущем веке.

4.2. На практике ныне все чаще встречаются осложненные случаи, когда человек-христианин созревает *неравномерно*, когда он резко дисгармоничен и противоречив в самой своей жизни. И хотя здесь особенно часто дело решает прежде всего все та же внутренняя сторона, а даже точнее — господствующий в ней дух, впоследствии не следует забывать об этой внутренней и внешней однобокости.

Здесь надо понять, что конкретно мешало и мешает хотя бы еще относительной гармонии во внешнем и внутреннем и между ними, — и соответствующим достигнутой духовной ступени образом “восполнять” таинство.

4.3. Как в целом, так и отдельно на всех основных этапах подготовки к Крещению — при предоголашении, 1-м и, особенно, 2-м оглашениях, а также таинствоводстве, существует свой *необходимый внутренний минимум*, без которого нельзя, не впадая в профанацию таинства или магическое отношение к нему, переходить к следующему этапу и особенно к самому акту таинств Крещения и Миропомазания. То, в чем этот минимум состоит и как может внешне выразаться, ясно из самих определений этих ступеней*.

Чем меньше степень подготовки на первоначальных этапах, в том числе даже внешнего научения, т. е. чем она ближе к допустимому минимуму, тем бо́льшая нагрузка падает на завершающие этапы, включая акт крещения и миропомазания, и тем больше обязательства по дальнейшему “восполнению” таинств.

В этом случае таинстводействие крещения должно быть особо индивидуализировано и лично, ибо на нем необходимо использовать все возможности для возвещения многого из того, что прежде было опущено или недоусвоено, и пробуждения тех реальных внутренних и внешних чувств и состояний, которые совсем или почти совсем не были достигнуты в свое время. А это, чтобы не переутомить пришедших к Крещению, может потребовать сокращения до минимума самих чинов таинства**.

Но если и таким образом достичь у взрослого крещаемого нужных чувств и духовных состояний не удастся, а чин таинства уже начат, то несмотря ни на что, акт крещения надо отложить на некоторое время, ибо понятно само собой***, что ни в каком случае Крещение совсем не подготовленных к таинству и не наученных вере, фактически нераскаянных и реально по-христиански не верующих недопустимо. В случае с

* См. в соответствующих разделах и в гл. V, особенно пп. 18–21, а также следующие за ними.

** О таком минимуме мы говорили в разделах, посвященных совершению каждого из этих чинов.

*** Об этом также см. выше.

христианскими детьми и младенцами эти требования, естественно, почти целиком относятся лишь к их родителям (или хотя бы одному из них) и крестным (крестному).

4.4. О некоторых конкретных случаях недостаточной подготовленности к таинству и наученности ему с соответствующими рекомендациями мы уже говорили* .

4.5. Если недостаточно подготовлен, научен и духовно опытен сам *пастырь, катехизатор или крестный***, или если кто-то из них сомневается, как в той или иной жизненной ситуации поступить, то несомненно лучше придерживаться того, что и как подсказывает ему верующее и ревностное по любви к Богу и человеку сердце.

Если же и этого недостаточно для принятия окончательного и ответственного решения или если сердце и Господь совсем “молчат”, то остается более полно и тщательно исполнять все ранее установленные церковные правила (каноны), действуя, так сказать, “по закону” и “с запасом прочности”, но и помня, что это всегда не лучший выход, ведь эти правила складывались в другой ситуации и в разные эпохи и потому на сегодняшний день часто слишком громоздки и до конца никого в Церкви не могут вполне удовлетворить.

5. Чрезвычайные обстоятельства:

необходимость “второго” крещения и миропомазания, в том числе при крещении не епископами-пресвитерами, другие случаи необходимости “восполнения” таинства, существенный недостаток времени, “безъязычие”.

5.1. Как известно, в Церкви, как и вообще в христианской духовной жизни, шаблонов нет, и поэтому *каждый* случай вхож-

* См. гл. II, 2.7., 3.3. и 3.4. (третий абзац); гл. III, 3.16., 4.18.; гл. IV, 1.4. и 2.9.

** Подробнее о проблеме подготовки и научения пастырей, катехизаторов и т.д. к своему духовному служению, связанному с оглашением и Крещением, см. в Заключении.

дения в Церковь, а следовательно, и приобщения ко всем формам церковной организации и организованности, т. е. вступления в церковь, каждый случай Воцерковления или, что то же, “вчленения” человека в Тело Христово, *уникален*.

Но тем не менее, на этом пути различаются случаи относительно *нормальные, крайние и чрезвычайные*.

В уже рассмотренных нами нормальных и крайних случаях, как общих, так и частных, происходит лишь индивидуальная и личная, а также связанная со средненормальными или затрудненными и осложненными обстоятельствами и конкретными условиями жизни людей корректировка того, что для всех является типичным и общим, т. е. основных парадигм и вытекающих из них правил, свойственных данному этапу духовной жизни человека. В чрезвычайных же случаях по каким-либо очень серьезным внешним или внутренним причинам нарушается сам основной естественный порядок вещей, их внутренняя логика и ход событий. Тогда уже мало подходят и общезначимые “правила”.

5.2. К чрезвычайным обстоятельствам, вызывающим чрезвычайные случаи, относится целый ряд обстоятельств, как повторяющихся регулярно, из века в век, так и редко встречающихся. Последние требуют главным образом ориентира “на месте”, что почти необобщимо и потому непредсказуемо и зависит в первую очередь от духовности и опытности совершающих подготовку к Крещению. Об этих случаях мы говорить не можем, в отличие от первых, которых и коснемся в данном разделе.

К ним принадлежат случаи:

- когда необходимо совершать над одним и тем же человеком по видимости *“второе” крещение или миропомазание*;
- когда крещение совершается *не епископами или пресвитерами*, а другими, неординарными представителями Церкви;
- когда возникает необходимость существенного *“восполнения”* таинств, как по чину их, так и по подготовке к ним;

- когда таинство Просвещения совершается в условиях *острого недостатка времени*, например, в опасности вообще потерять возможность крестить данного человека из-за его смерти или весьма вероятного впадения в такое состояние, что крещение уже становится невозможным;
- и наконец, при полном *отсутствии нормального общего языка* с человеком, то есть его физико-патологическом или лингвистическом “безъязычии”.

5.3. Начнем со случаев так называемого “второго” крещения и миропомазания.

Мы знаем, что, по свидетельству слова Божьего, бывает уже “невозможно однажды просвещенных, и вкусивших дара небесного, и соделавшихся причастниками Духа Святого, и вкусивших благого глагола Божия и сил будущего века, и (все же) отпадших опять обновлять покаянием, когда они снова распинают в себе Сына Божия и ругаются (Ему)” (Евр 6:4-6). Поэтому для любого человека, везде и всегда, таинство Просвещения (Воцерковления) едино и единственно, как Сам Бог и сама Церковь. Это значит, что вслед за таинством Покаяния вера “во едино Крещение” и, следовательно, Миропомазание и Приобщение должна стоять непреложно⁴⁰.

Итак, в Церкви возможно только одно-единственное таинство Крещения и Миропомазания, которое, разумеется, должно в нормальном случае выявляться и одним-единственным таинстводействием (образом, чином, сакраментальным актом)⁴¹. Впрочем, как мы увидим, в последнем возможны свои оправданные исключения, чаще всего связанные с разбираемыми нами “чрезвычайными обстоятельствами”⁴².

5.4. Конкретно это означает следующее.

“Второе” крещение может иметь место, когда “первое”, будучи бездуховным, остается бесплодным и потому Церковь не может признать его своим⁴³. Тогда, по известному выражению св. Григория Нисского, “вода осталась водою”, а подлинного таинства Крещения так и не было. Тогда “вода приняла” крещаемого, а “Дух нет” (св. Кирилл Иерусалимский).

Причиной бездуховности и бесплодности “первого” могли служить искажения самим “крещеным” основ своей христианской веры (первый случай) или жизни (второй случай) в период его подготовки к крещению, в процессе совершения таинства действия и после него, а также кардинальные духовно-нравственные (в вере и жизни) ошибки “крестителей” в те же моменты, как и грубые искажения ими самого чина крещения (третий случай).

5.5. В первом случае, при преодолении искажений важнейших основ христианской *веры*, речь идет о разнообразных вариантах принятия через Крещение в православную Церковь из таких “христианских” и нехристианских церквей, общин и обществ, которые традиционно выдают себя за христианские или “почти” и “в том числе” христианские, таковыми в сущности, по Духу и смыслу, не являясь. Разумеется, “перекрещивать” можно лишь тех, которые по вере были и оставались до своего обращения вне христианства, как бы близко они к нему иногда ни приближались.

Здесь подразумеваются “пользующиеся” церковным крещением или практикующие свое собственное некоторые члены крайних сект, так называемых “духовных христиан”⁴⁴, иеговисты, теософы, антропософы, рерихианцы, йоги и прочие подобные им язычники и восточники-окультисты, нехристианские или околохристианские гностики и т.п. Конечно, люди, формально тоже бывшие “крещеными” в церкви, но по тем или иным причинам вполне и сознательно всегда, до и после этого, отрекавшиеся от христианской веры и (или) всегда открыто и убежденно исповедовавшие свою атеистическую или иную нехристианскую веру, должны быть Церковью крещаемы после их обращения.

5.6. Во втором случае, при преодолении искажений важнейших основ христианской *жизни*, подразумевается Крещение (“перекрещивание”) тех уже “крещеных” людей, которые, возможно, внешне и не отрекались от христианства, но реально всегда жили “как нехристи” — вне Бога, без Христа и Его Церкви. “Первое” крещение таковых было по вине их самих

или их “крестителей” лишь внешним, полумагическим-полужыческим действием, или безблагодатной греховной формальностью, совершавшейся с двусмысленной верой по посторонним соображениям, а часто и просто вне какой-либо веры и каких-либо соображений, может быть, кроме корыстных, или только по культовой, культурно-исторической или еще какой-нибудь инерции.

Второй случай является очень большим, даже смертным, грехом для всякого, кто участвовал в качестве “крещаемого” и (или) “крестителей” в совершении “первого” крещения. Однако при этом надо помнить, что для Церкви никакой фактический грех, даже смертный, еще не является достаточным основанием для полного “перекрещивания” христианина⁴⁵. Только тогда, когда человек после “первого” крещения явно или почти неявно, но внутренне и по духу так совсем и не стал христианином, можно думать о том, что “вода осталась водою”, искать причины того, что Дух человека не принял, и принимать соответствующие меры.

Судить же о бесплодности такого крещения, о его реальной бездуховности и недейственности, а потому, как уже отмечалось, и недейственности, может лишь тот член Церкви, который имеет личный благодатный дар Божий “различения духов”. Это же в свою очередь, с одной стороны, требует от него дерзновения харизматика, а с другой, — требует от Церкви (хотя бы в лице двух-трех ее святых, или истинных старцев) согласия и принятия его харизмы, т. е. церковного признания подлинности его дара. Других, тем более каких-либо законно-формальных, внешне-канонических критериев и признаков здесь нет и быть не может.

5.7. В третьем случае, при преодолении искажений важнейших элементов *чина* крещения, подразумеваются грубые, извращающие дух и смысл таинства нарушения в форме и формуле крещения, а также в том, кто и чем крестил человека “первый” раз и т.п.

Так, надо креститься “вновь”, если кто-либо был крещен явно и вполне неверующим во Христа человеком-атеистом или

нехристианином. Далее, если человек крестил себя сам, хотя здесь, вероятно, возможны и исключения, подобные тем, которые знает история церкви* ; если крестили сознательно неверующего или совершенно не наученного христианской вере и жизни человека, т. е. совершенно неведущего, но который сам или в лице своего поручителя мог бы ведать, во имя Кого он крестится; если крестили не по формуле “во имя Отца и Сына и Святого Духа” (или в крайнем случае “во имя Иисуса Христа”, при верном исповедании Единого в Троице Бога⁴⁶); если крестили без какого-либо погружения, обливания и т.п., хотя бы однократного, или не в подобающем веществе и т.д.**.

5.8. Кроме рассмотренных, еще возможны случаи так называемого “*духовного Крещения*”. Это такое Крещение во Христа, когда на пути к нему по его Духу и смыслу многое, если не все, человеком было действительно настолько усвоено, что таинство реально внутренне совершилось, хотя не совершалось самого его таинстводействия. В этом случае Крещение осталось внешне и церковно адекватно непроявленным и потому здесь, при совершении чина таинства, речь уже должна идти не столько о “втором” крещении, сколько о “восполнении” первого и единственного соответствующими церковными чинами, во свидетельство его истинности и реальности.

Эти случаи наиболее вероятно могут встретиться в отношении членов тех христианских, но неправославных по традиции и культуре обществ, например, протестантских, подобных квакерам или некоторым из “духовных христиан”, которые не всегда задумываются о задаче соответствия внутреннему внешнему (в нашей церкви чаще встречается другая опасная крайность — внешнему слишком не соответствует внутреннее), хотя всем хорошо известно, что “Кто сотворил внешнее, Тот же сотворил и внутреннее”.

* Об этом см. в гл. I, 1.

** Подробнее об этих требованиях см. в соответствующих разделах.

Конечно, не всякое декларируемое “духовное крещение” реально является Крещением. Видимо, даже большинство “духовных крещений” остаются самозванными, являясь почти бездуховными и бесплодными. Но здесь мы снова сталкиваемся с церковной проблемой различения духов и оценочного суждения по плодам.

5.9. “Второе” миропомазание совершается, в принципе, в тех же, но только более “мягких” случаях, что и “второе” крещение. Как и “второе” крещение, оно, будучи “вторым” в том же смысле лишь условно, требуется тогда, когда наблюдается отклонение или отпадение от хотя бы потенциальной общности к полноте христианской веры и жизни. На практике это нередко встречается как у католиков, так и в Православной церкви, а тем более у всех прочих христианских церквей, конфессий и деноминаций, как традиционных, так и не традиционных. “Второе” миропомазание может потребоваться и в случаях грубого искажения самого чина таинства “принятия Святого Духа уверовавшими”.

5.10. “Второе” миропомазание всегда связано с “восполнением”, т. е. доведением до жизненной полноты по вере, дара благодати Святого Духа в человеке и, значит, с восстановлением его церковности в духовно-глубинном смысле этого слова. Поэтому оно может быть совершено только тогда, когда уже крещеный и в той или иной форме “миропомазанный” человек не мог в своей общине эту полноту получить или лично воспринять, например, из-за существенного разрыва непрерывности и (или) умаления подлинной полноты Священного Предания, ущербления апостоличности и кафоличности Церкви в большинстве протестантских церквей и обществ*.

Другими словами, “второе” миропомазание требуется тогда, когда христианин был “миропомазан” *не там*, где полнота Святого Духа живет постоянно, или *не так*, т. е. без соответ-

* Для индивидуальных случаев существуют соответствующие чины присоединения к Православной церкви через Миропомазание протестантов разных толков, о которых см. выше, в соответствующем разделе.

ствующей формы (чина) таинства или же с существенными искажениями этой формы.

Сюда же входят возможные случаи так называемого “духовного Миропомазания”, например, у некоторых протестантов, не проявленного вполне в церковном таинстводействии и потому требующего “восполнения” соответствующим чином.

5.11. “Второе” миропомазание должно совершаться и тогда, когда человек уже в своей жизни получал, но так лично и не получил или, хуже того, вольно или невольно, не успев получить, сразу же потерял печать и дар Святого Духа, и следовательно, таинстводействие миропомазания осталось для него лишь внешним чином без каких-либо “плодов Духа”. Конечно, это состояние человека можно прозреть, узнать и верно оценить только по духу его и по плодам, о чем опять же можно судить только церковно, в Церкви, и только духовно, различая духов и зная конкретно сложившуюся жизненную ситуацию.

Так, бывает, что человек был крещен и “миропомазан” в младенчестве или детстве и т.д., но затем, пусть и не по злобе, а из-за отсутствия христианского воспитания, по неведению, страху и неучению или другим подобным причинам, стал практически жить как неверующий или инаковерующий. Он может внешне как бы и не отречься от Бога и Христа Его, но в то же время и не исповедовать христианской веры, или пусть даже внешне исповедовать ее, но нисколько не жить по ней, по ее учению, закону и, главное, духу. Такой человек вновь может “вдохновиться” и “воцерковиться” только через “второе” миропомазание* .

5.12. Исторически хорошо нам памятное помазание на царство государей, т. е. в идеале — христианских глав всего и, особенно, христианского населения страны, тоже было лишь особого рода “восполнением” их личного и церковного таинства Миропомазания.

* Чин “второго” миропомазания см. в 87–88 (или 89) главе Большого требника, а о нем — выше, в соответствующем разделе.

Оно было таинственным “восполнением” оскудевавшего в Церкви осуществления праведного и справедливого владения Божьего на земле в соответствии со словами молитвы “да будет воля Твоя и на земле, как на небе”*. Но оно не было особой “харизмой царства”, как многие думали и думают, и тем самым не было “вторым” миропомазанием. Непонимание этой истины слишком часто приводило, а подчас и до сих пор приводит, к многочисленным спекуляциям как на факте этого помазания, так и на самой личности помазанника, обреченного в этом мире на несчастную роль “козла отпущения”.

5.13. Таким образом, *в самом общем виде* можно сказать, что “второе” крещение и (или) миропомазание становится возможным и даже необходимым только тогда, когда “первое” совершалось, но не совершилось в истинном христианском духе и смысле, по содержанию и (или) форме не удовлетворяя даже минимальным церковным требованиям⁴⁷, а также тогда, когда оно хотя и совершилось в главном и внутреннем — духовно⁴⁸, но требует еще того или другого внешнего таинстводейственного своего “восполнения”.

5.14. Добавим здесь еще один из случаев необходимости “перекрещивания” — *незнание* человеком или какой-либо группой людей о своем Крещении и (или) Миропомазании, как внутреннее, так и внешнее *забвение* таинств, *неведение* их самих и их спасительных плодов. Это равносильно грубейшему нарушению основ христианской верной жизни в живой вере.

Как уже отмечалось, Просвещение таковых должно выражаться не “условным” крещением или миропомазанием сомнения, с его рационально-схоластической формулой “еще не крещен есть” и т.п., а только безусловным, таким же, как и всякое первое и единственное таинстводействие.

5.15. Поскольку вольное или невольное невосприятие человеком полноты благодати таинств Крещения и (или) Миропома-

— нсѹЧ бн .,я ШХ в нпнтвзевѢ в — ондеоп апотс ѡопняв оно морвднН *
хпте хнмвз хртсоннебосо до н .мс эж мвт ,ГѢ-ѡѡ .с .[Ѣ] [.мс .,я ШХ в
.вонпв

зания, дававшейся ему ранее от Бога в Церкви, — через искажение основ христианской жизни, а потому и веры, надежды и любви, — *в любом случае* является смертным грехом*, постольку от не удержавшего связи с Богом и Церковью всегда требуется особое покаяние и, *наряду* с обыкновенной, и особая подготовка к таинствам Воцерковления.

Эта особая подготовка может быть связана с конкретными обстоятельствами прежней и настоящей жизни готовящегося к Просвещению и его индивидуальными особенностями, с конкретной духовной епитимьей, которую ему предстоит нести “во искупление” своего, может быть, именно смертного, греха, а также с его подготовкой к новым занятиям и служениям в Церкви, включая общее для всех христиан служение царственного священства, и т.д.

В этих случаях от представителей Церкви, в том числе поручителей, требуются специальные пояснения или проповеди, большая духовная бдительность и готовность помочь вновь воцерковляющемуся, “реанимируемому” человеку во всех его неординарных трудностях и искушениях.

5.16. После совершения “второго” крещения и миропомазания не надо забывать и об общих требованиях, касающихся, при необходимости, “восполнения” таинств, а также таинствования новопросвещенных.

5.17. Здесь может возникнуть формальный вопрос, а не может ли человек вновь потерять благодать таинств Крещения и Миропомазания и в связи с этим надеяться на третье и т.д. их совершение? Может быть, если снова “вода осталась водою” или Дух Святой не вселился верою в сердце человека, надо повторять и повторять крещение и миропомазание? А если так, то что же практически остается от веры “во едино Крещение”?

Конечно, в принципе, и “второе” крещение и (или) миропомазание может в очах Божьих по Его неисповедимому суду остаться недейственным и недействительным, но что тогда де-

* См. 5. 6.

лать — вопрос всегда открытый, ибо здесь тайна, не допускающая никакой рационализации, систематизации или канонизации. Но если такой случай встретится в жизни, обязательно найдется и ответ, ибо для Церкви безвыходных положений не бывает.

В тех же ситуациях, которые мы уже попытались обобщить и описать, подобное не только нежелательно, но даже и невозможно, поскольку были соблюдены все основные требования по подготовке и научению катехуменов к совершению в Церкви таинств их “второго” Крещения и Миропомазания. В противном случае мы сталкиваемся уже с чем-то совсем иным, не подходящим под определение этих чинов таинств.

Согласно, например, 87-88 (или 89-й) главе Большого требника, “второе” миропомазание совершается в случаях отпадения от Православия по страху, неведению и неучению, что неравнозначно сознательному и добровольному отречению и отпадению человека от Бога и Церкви. Последний случай подпадает уже под другой канон, говорящий не о “втором” таинстведействия, а о милости к такому человеку со стороны церкви, и то лишь в момент непосредственного приближения его смерти.

5.18. Всякое повторение чинов крещения и миропомазания — это духовная реакция церкви на Божью Свободу ответить “нет” на совершаемые ею таинстводействия, обличающая эту церковь в собственной неверности. Это — гарантия духовности, а не магичности действия церковных таинств. Это — живое свидетельство грехов всей данной поместной церкви, которые не есть, естественно, грехи Церкви, но, по выражению о. Валентина Свенцицкого, есть грехи против Церкви.

При этом представляется реальным и важным, что на фоне общецерковного покаяния большую часть ответственности с соответствующей епитимьей в церкви должны нести все лично виновные в этих случаях.

Чаще всего это будут, вероятно, невосполнившие в свое время этих таинств воспитанием и научением или невыполнившие иных своих обязанностей поручители-крестные и

(или) родители, выбравшие таких крестных, ведь те и другие должны допускаться до таинстводействия только если они заранее научены тому, что им делать до и после крещения человека, а также как справляться с новыми своими обязанностями* . Но это могут быть и “крестители” — священник с другими священно- и церковнослужителями, если они крестили человека не разобравшись, без необходимой подготовки и научения себя, поручителя, крещаемого и (или) его родителей и близких.

Конечно, здесь нельзя не выделить особо случаи, когда кто-либо, будучи достаточно подготовленным и наученным православной вере и жизни, сознававшим и ощущавшим себя христианином и членом Церкви, тем не менее пал и сам ушел из нее или добровольно отрекся от Христа. Таковые лишь сами подвергают себя действию соответствующих церковных правил, и пути их покаяния и возвращения к Богу и Церкви — сугубо индивидуальны и страшно трудны, о чем мы уже упомянули** .

5.19. В наше время перед церковью еще стоит проблема уже не “повторить” или “восполнить” таинстводействием, а продолжить и завершить, и в этом новом смысле также “восполнить” таинство Крещения, реально совершившееся ранее. Обычно это бывает связано с чрезвычайными случаями Крещения людей *не епископами или пресвитерами, а “низшими” священно- и церковнослужителями* (от дьяконов и ниже — иподьяконами, чтецами, певцами, пономарями, живущими “в миру” монахами и монахинями, алтарниками, просфорнями и прочими людьми, служащими Богу и людям и работающими в церкви — на приходе или в какой-либо иной церковной организации) или *мирянами* (остальными laikами).

5.20. Поскольку, как мы знаем, вопросы о том, “кто” и “чем” может совершать таинство Просвещения, решаются Церковью не всегда однозначно, постольку и возникает потребность и

* Подробнее об этом см. в Заключении.

** См. 5.17.

возможность особого “мирянского” и, может быть, даже “харизматического” Крещения.

Мы помним, что православный церковный человек-лаик, т. е. член народа Божьего, независимо от пола, сохраняющий христианскую веру и жизнь по совести непорочно, будучи хорошо наученным их принципам, может, в частности, осуществлять и осуществляет свое царственное священническое служение не только при совершении таинства Евхаристии над хлебом и вином, но, хотя и по-иному, и всех остальных таинств Церкви, в том числе Крещения. Но только единственно это таинство может совершаться целиком через него “одного”, о чем всем христианам нужно как следует знать.

Эта древняя практика, в отношении “низших” священно- и церковнослужителей (дьяконов, дьяконисс и др.) даже закреплённая соборно-канонически, вплоть до настоящего времени является одной из важнейших основ так называемого “апостолата мирян”, не ограничивающегося одной миссионерской проповедью, но являющегося живым свидетельством о воскресшем Христе и явлением в Нем и чрез Него Духа и Силы в самом глубоком и реальном смысле этого слова, что невозможно без соответствующего таинства, ибо оно само и есть это таинство.

5.21. *Священно- и церковнослужители*, не являющиеся епископами-пресвитерами, чин крещения совершают так же, как он обычно совершается в церкви, за исключением освящения воды и елея, а также без миропомазания. В будущем же, может быть, все эти элементы таинстводействия, вплоть до миропомазания, если епископы благословят использовать в таинстве святое миро не только пресвитерам, в чрезвычайных обстоятельствах смогут совершаться и некоторыми “низшими” священно- или даже церковнослужителями, в том числе женщинами. Однако пока этот вопрос не поднимается.

5.22. *Лаики-миряне* могут крестить уверовавших и подготовленных к таинстводействию людей, как и христианских младенцев, лишь в том случае, когда это оказывается внут-

ренне или внешне невозможным для священно- и церковнослужителей. По своему чину такое крещение может совпадать с крещением, совершаемым “низшими” клириками и церковнослужителями* . На практике же оно чаще бывает сильно и нередко произвольно сокращено, что и понятно, ибо практикуется оно, как правило, в чрезвычайных обстоятельствах и хотя и ревностными, но весьма мало подготовленными людьми.

5.23. По настоящее время чин “мирянского” крещения не установлен, однако, поскольку в наш век эти случаи очень участились (особенно там, где нет действующих храмов или священно- и церковнослужителей в них, в местах заключения, больницах, роддомах и т.п.), постольку эта практика уже может быть в церкви обобщена.

Таинстводействие “мирянского” крещения на практике может варьироваться от минимального и кратчайшего — чистого акта таинства с соответствующей “формулой”-объявлением, когда совершается лишь тоекратное погружение или обливание, кропление, помазание водою** со словами “крещается (такой-то) во имя Отца и Сына и Святого Духа!”, до самого полного — по мере внутренней церковности, духовного дерзновения, доступности чинов и знания их “крестителем”, вплоть до использования им “четвертой молитвы”, второй и всей третьей частей чина оглашения, совершения, далее, самого акта крещения с соответствующей “формулой”-объявлением и чтения 31-го псалма, облачения в белые одежды и пения “елицы во Христа” с хождением по возможности со свечами “вокруг купели”, и даже чтения крещальных Апостола и Евангелия с заключительной частью молитвы.

Фактически же чаще используется примерно такой чин: иногда начинают с начальных молитв с “Царю Небесный” по “Отче наш”, далее читают Символ веры и сразу крестят с воз-

* См. 5.21.

** Или тому подобное, см. в гл. I, 2.

глашением имени крещаемого, через его троекратное погружение в воду, во имя Отца и Сына и Святого Духа.

В заключение часто добавляют еще какую-нибудь молитву своими словами или “елицы во Христа”. В зависимости от обстоятельств, погружение иногда заменяется иными подобными действиями, а вещество воды — иными подобными веществами.

5.24. При крещениях, совершаемых “низшими” священно- и церковнослужителями и laikами-мирянами, ко внешней и внутренней *подготовке к таинству*, к приглашению, оглашению и таинствоводству просвещаемых должны предъявляться обычные церковные требования, несмотря на то, что им исполнить их в чрезвычайных случаях очевидно труднее, чем епископам-пресвитерам, в силу гораздо меньшей подготовленности и наученности самих участвующих в таинстве “крестителей”, а также нередко в силу особой ограниченности во времени и (или) особой стесненности другими внешними обстоятельствами.

5.25. Всем христианам надо четко знать, что всякое Крещение, совершенное не епископами-пресвитерами (кроме “харизматического”⁴⁹), требует обязательного своего “восполнения” ими, без чего не может быть полного участия новокрещеного в жизни Церкви, прежде всего, его участия в Евхаристии.

Обычно *пресвитерско-епископское “восполнение” таинства Крещения*, совершенного ранее мирянами или “низшими” церковно- и священнослужителями, начинается с облачения в крещальную одежду, иногда под чтение 31-го псалма, положенного по крещению. Далее совершается таинстводействие миропомазания и весь остальной чин крещения. Начинать можно и непосредственно с молитвы перед миропомазанием. Во всех этих случаях “восполнения” таинств весьма желательно предваряющее слово о прошлой и будущей жизни просвещаемого, а в конце, после причащения, еще и наставление в правилах церковной и личной жизни христианина.

В “восполнение” таинства должно входить и целостное научение вере и жизни, вплоть до полного оглашения с таин-

ствовадством, если оно не проводилось ранее. По крайней необходимости “восполнение” таинства Крещения может быть сокращено до чистых актов миропомазания и причащения, но все равно сопровождаемых духовным общением и по возможности соответствующей, пусть и краткой, беседой до и после таинстводействий.

5.26. Чин индивидуального *присоединения к Православию*, совершаемого через миропомазание и являющегося тоже своего рода “восполнением” таинства Крещения, в чрезвычайных случаях также может быть сокращен и, согласно Указу Святейшего Синода от 20.02.1800 г., сведен лишь к двум молитвам перед миропомазанием (“Господи Боже Вседержителю, Едине святе и во святых почивай” и разрешительной “Господь и Бог наш Иисус Христос, ключи Царствия Небесного...”), собственно миропомазанию на челе со словами “печать дара Духа Святого” и причащению.

5.27. “*Восполнение*” таинства Просвещения, понимаемого во всей его духовной, внутренней и внешней, *целостности*, должно производиться индивидуально и личностно пастырем, а в доступную меру, и катехизатором или поручителем-крестным там и тогда, где и когда это только будет возможно. “Восполнение” таинств должно возродить (или просто родить) в человеке *цельный* духовный “пласт”, который оказался по тем или иным причинам внутренне или внешне в свое время неактуализированным, но без которого в принципе не может происходить дальнейшее нормальное духовное и церковное развитие человека.

Так должна обеспечиваться в Церкви живая целостность таинства Просвещения для *каждого* ее члена. При этом будут снова нужны особые такт, внимание и вера в просвещаемого с молитвой за него и о том, чтобы не говорить и не делать ничего лишнего, еще недоступного ему, и в то же время чтобы не упустить ничего “необходимого”. Это “необходимое”, с одной стороны, определяется индивидуально и отдельно в каждом конкретном случае, но с другой, оно должно исходить из поня-

тия о минимальных требованиях, предъявляемых Богом и Церковью в таинстве Просвещения* .

Такие требования относятся ко всем, и без реализации в жизни человека даже только одного из них, о таинстве его Крещения нельзя думать иначе, как о неполном или совершённом с существенными нарушениями. Так, например, ненаученность или недостаточная наученность крещеного основным принципам христианской веры и жизни требует “восполнения” этого огласительного звена, хотя и без обязательного повторения предогласительных и огласительных молитвенных чинов. Неустойчивость в каких-либо нравственно-аскетических и догматических вопросах требует укрепления и развития в этом таинствоводственном направлении. Также недостаточное знание текста Священного писания Ветхого или Нового Завета требует своего “восполнения” на уровне дальнейшего таинствоводства через систематическое обучение, т. е. уже на первой ступени христианской “школы”. Впрочем, это уже выводит нас за рамки катехизации как таковой и вводит в проблемы совершенствования внутрицерковной жизни.

5.28. С самого начала “восполнения” таинства Крещения, какой бы характер оно ни носило и чем бы ни завершалось, просвещаемому надо *рекомендовать* (но не более!) на время встать в соответствующий разряд оглашаемых того или иного разряда. Практически это означает, что до своего полного воцерковления, будь то через крещение, миропомазание, покаяние или причастие, ему, может быть, придется прекратить всякое участие в таинствах, уходить на “изыдите, оглашенные” и т.д. Однако исполнение огласительных условий не должно сниматься с него и общих для всех крещеных членов Церкви требований исполнения заповедей Христовых, пусть пока только посылно, “по минимуму”. В этом одновременном сочетании двух состояний состоит *основная практическая трудность* проведения “восполнения” таинств, если оно не сводится лишь к чином.

* См. гл. V, 19–21.

5.29. Можно сказать, что ныне так или иначе требуют “восполнения” чуть ли не *все* Крещения, совершающиеся в нашей церкви даже через вполне порядочных священнослужителей и крестных, поскольку при этом никогда не обходится без существенных упущений и (или) нарушений.

В первую очередь, это касается вообще всех и всегда неполных (несовершенных) младенческих и детских Крещений, после которых в современных условиях особенно важно привести этих крещеных “во время благопотребное” к плодотворному покаянию, личной (взрослой, зрелой и ответственной) вере в Бога и во Христа Его и к личному общению с Ним и Церковью в молитве, причастии и чтении слова Божьего через полную катехизацию.

К сожалению, почти никогда не составляют исключения и новокрещеные во взрослом состоянии. Более того, исходя из опыта, приходится утверждать, что “восполнять” свое таинство Просвещения хорошо было бы даже и давно крещеным и вроде бы нормально церковно живущим людям, вплоть до самих “учащих” священнослужителей разных чинов и рангов...⁵⁰ Но да будет при этом и в наших руках мера⁵¹!

5.30. В заключение этого подраздела нам осталось рассмотреть еще несколько частных случаев, относящихся к разряду чрезвычайных, но нередко встречающихся в церковной практике совершения таинства Просвещения. Это прежде всего Крещение в условиях *острого недостатка времени*.

Хорошо известно, что никогда нельзя с Крещением человека тянуть, так же как нельзя с ним и излишне спешить. Встречающиеся при этом суровые внешние обстоятельства и чрезвычайные случаи — это только напоминания нам о том, что “времени больше не будет...”, это только знаки “времен и сроков”.

Никакие обстоятельства, будучи всегда внешними, сами по себе не могут определять благого времени Крещения человека, ибо Погружение в Бога — единый экзистенциальный духовно-божественный акт, а не исторический факт. Но

они могут заставить нас задуматься над путями и судами Божиими в отношении каждого. Господь, а вслед за Ним и с Ним Его Церковь, “призывает последнего как и первого”, и “намерения целует”, и на умирающего или тяжело и безнадежно больного обращает не меньше внимания и любви, чем на молодого, по-человечески сильного и перспективного. Церкви изначала ведомо, что на отчужденных от общества и на больных может являться слава Божия не меньше, чем на здоровых и уважаемых, а иногда даже и больше, если только в их страдании и болезни “не виноваты ни они, ни их родители”.

5.31. Мы рассматриваем сейчас только те чрезвычайные случаи, которые чреватые в очень короткий срок необратимыми последствиями для крещаемого или крещающего. Речь идет о реальной опасности для их жизни по болезни, в заключении, на войне, в армии или другой “неволе”, при больших стихийных бедствиях, а также при ряде тяжелых заболеваний, грозящих им полной потерей сознания или человеческого облика. Поэтому здесь не имеются в виду многочисленные и также связанные со временем случаи, отражающие нецерковные и недуховные требования и обстоятельства, будь то бытовые (например, понесенные уже материальные издержки дома и приглашенные наперед “на крестины” гости), или рабочие (место и режим работы), или “технические” (преодоление расстояния до храма) и т.д.

5.32. Ввиду острого недостатка времени все должно делаться быстро и в минимальном объеме, но не менее того. Это касается и процессов подготовки к таинству, и самого таинства действия, и всего положенного после него. Значит, даже в этих чрезвычайных случаях необходимо привести крещаемого ко Христу и покаянию, пусть лишь самой простой краткой фразой, призывом, духовным внушением или вызванным воспоминанием, если только это не было сделано ранее, в чем надо суметь скоро и трезво убедиться. Тут же можно будет использовать чины крещения или миропомазания *вкратце*.

Это, во-первых, чин крещения “*страха ради смертного*” (см. “Требник”, ч.1). Он состоит из сильно сокращенной молитвы на освящение воды и вливания в эту воду елея, собственно крещения и облачения новокрещеного, миропомазания и пения “елицы во Христа” с отпуском. По краткости этот чин напоминает “мирянский”, хотя является, в отличие от последнего, полным. Но при острой необходимости или особом желании крещаемого и при достаточной подготовке крещаемого возможно и еще большее сокращение чина вплоть до чистых актов и формул таинств.

Во-вторых, здесь может использоваться чин *присоединения к Православной церкви (через миропомазание)* вкратце, согласно Указу Святейшего Синода от 20.02.1800 г., о котором мы писали выше* . Конечно, вслед за миропомазанием в том и другом случае должно следовать и причащение, кратким же чином.

5.33. Несмотря на чрезвычайность случаев, всем участвующим в таинстве Просвещения надо стараться сохранять духовный *мир и спокойствие*, избегая суеты и страхов, ибо в конечном счете все равно дело Божие никогда не сводится к одним церковным таинстводействиям, как обрядам таинств.

5.34. Понятно, что любое крайнее, “клиническое” совершение таинстводействий, при условии восстановления нормальных функций человека и возникновения для того хоть какой-то возможности, нуждается в своем “*восполнении*”, как в научении, так, может быть, отчасти и по чину, после чего всегда также надо ввести человека в церковное собрание для причащения его за полной литургией.

5.35. Еще одной разновидностью чрезвычайных случаев, встречающихся при Крещении, является отсутствие нормального “общего языка” с крещаемым из-за его полного “*безъязычия*”, как внешнего — физико-патологического или лингвистического, так и внутреннего** .

* См. 5.26.

** См. гл. IV, 3.13–14.

Мы имеем в виду всех “безъязычных” взрослых людей, прежде всего инвалидов — немых, глухонемых и даже, может быть, обученных и не потерявших человеческий облик слепо-глухонемых, или других тяжелобольных и умирающих, находящихся еще в ясном сознании, но более не имеющих сил и возможностей что-либо выразить словами, или людей, совершенно не знающих “языка церкви”, которая также совсем не знает их языка, и тому подобных. Сюда же входят и случаи полного незнания и невосприятия людьми церковно-славянского языка храмовой молитвы в нашей церкви.

5.36. Общему *внешнему* “языку церкви” можно учить, наподобие того, как учились русскому языку принимающие Православие первенцы, например, из алеутов, или как почти вся Западная Европа долгое время так или иначе учила и знала латынь. Иногда обучение языку бывает просто необходимо, и тогда культурно-лингвистическая работа входит в самую глубь миссионерско-просветительского делания. Но когда нет общего языка, например, в начале общения с больным — частично или целиком немым человеком, то для налаживания хорошего контакта и общения с ним требуются еще и специальные знания, которые приобретаются продолжительно и особо.

Труднее обстоит дело с налаживанием *общего внутреннего церковного языка*, ведь в наше время очень часты случаи, когда человек, уже готовящийся ко Крещению, не понимает в церкви совсем ничего, даже написанного или произносимого как будто прямо на его родном русском языке. С одной стороны, конечно, в этом повинен излишний консерватизм внешне-церковных форм жизни, в том числе выразительных средств языка, но с другой, не забудем, что Церковь говорит о вещах, с которыми ранее человек подлинно не встречался, и говорит она об этом, естественно, на “своем”, внутренне отличном от профанного, языке.

Решение этой проблемы затрудняют ныне и столь очевидно недостаточные качество, богатство, точность и ясность языка духовной словесности и литературы и, в первую очередь,

Библии, богослужебных книг и проповедей. К сожалению, здесь еще не удастся избежать своих дополнительных трудностей — дуалистических крайностей, невежественных смешений и тупой ревности “не по разуму” в вопросах отношения церкви и мира, сохранения традиции и ее обновления.

Сейчас случаи Крещения “безъязычных” встречаются относительно редко, поскольку отпал их главный исторический контингент — разного рода пленные и жители новозавоеванных областей, приводившиеся через крещение к господствующей в “христианском” государстве религии, без чего невозможно было стать полноценным гражданином этого государства. Просвещение же “безъязычных” инвалидов и умирающих часто вообще в наших условиях остается проблематичным.

5.37. Участвующим в Просвещении “безъязычного” человека необходимы особое к нему внимание, терпение и готовность идти навстречу, но не на компромисс, во всем и везде, где это только возможно. Им нужна также особая способность найти общий язык с лишенным языка, проповедовать Слово без взаимного слова, привести к покаянию, христианской вере и жизни человека, более склонного, напротив, к скепсису, унынию, недоверию и сомнению.

Таким образом, главной проблемой Крещения всех “безъязычных” является их подготовка к таинству, которая будучи существенно затруднена, должна проводиться сугубо индивидуально — с учетом всех обстоятельств личной жизни “безъязычного” человека и при возможности без спешки, а в противном случае — с последующим “восполнением” таинства, также при первой открывшейся возможности.

5.38. Каким же должен быть сам *чин* таинства Крещения “безъязычных”? Это приходится творчески решать “на месте”. Может быть, здесь надо использовать просто перевод на русский или иной понятный крещаемому язык. Или почти полностью все свести к языку жестов и символов. Одно несомненно — лучшим путем здесь является не столько сокращение, сколько

упрощение (но не упрощенчество) всех форм обрядности, которые должны быть предельно понятными и ясными сами по себе, как живая система знаков и символов живого таинства действия Церкви.

5.39. Во всех этих случаях перед пастырем и его помощниками стоит задача: совершая, если иначе нельзя, лишь даже по минимуму все необходимое для Крещения* , прежде всего терпеливо налаживать живое общение уверовавшего человека с Богом и Церковью на языке хотя бы тех же условных жестов или иных знаков, не допускающих двусмысленности в главном.

Для этого в качестве посредников можно использовать свидетелей из близких желающих Просвещения людей. Из них кто-нибудь один, готовый взять на себя ответственность, может стать реальным кандидатом в поручители-крестные, конечно, при условии взаимодоверия между ним, пастырем, учителем и просвещаемым.

Только необходимо помнить, что “безъязычный” еще не значит “бессловесный”, и поэтому отношение к нему как к человекообразному существу, почти животному, или даже только как к христианскому младенцу, недопустимо. Отсюда и особая, “взрослая”, роль свидетеля-поручителя, если таковой найдется. Но если удастся без него наладить общение и провести подготовку к Крещению, то в силу крайности случаев без него можно и обойтись, даже если кандидат ко Крещению происходит из “неверующих” или иной нехристианской среды и культуры, ведь, как правило, он взрослый человек и, пусть и ограниченно, но все же способен сам отвечать за свои дела, веру и жизнь. Тогда дальнейшее попечение о новокрещеном должны будут взять на себя другие люди в Церкви, вплоть до ее предстоятеля.

В то же время во всех подобных случаях пастырю сугубо нужен именно ответственный *свидетель-поручитель*. С его помощью удастся избежать вольного или невольного насилия над

* Об этом минимуме см. гл. V, 19–21.

человеком и его совестью или забвения о нем после Крещения. Впрочем, здесь, как и в других чрезвычайных случаях, наряду с пастырской особенно возрастает роль всех вообще “третьих лиц”, участвующих в подготовке к таинству — поручителей, собственно учителей-катехизаторов, а при Крещении детей, отроков или подростков — и родителей. Прямая обязанность Церкви заключается в том, чтобы все они сами были хорошо и вовремя подготовлены и научены.

ГЛАВА V

ОБЩИЕ ПАСТЫРСКО-БОГОСЛОВСКИЕ ПРИНЦИПЫ И РЕКОМЕНДАЦИИ СОВЕРШАЮЩИМ КРЕЩЕНИЕ И МИРОПОМАЗАНИЕ И ПОДГОТОВКУ К НИМ

Здесь мы можем сделать выводы и подвести некоторые итоги.

1. Все акты истинных, благодатных таинств существуют только *в Церкви и для Церкви*. Это значит, что и при совершении церковного таинства Крещения (Просвещения, Воцерковления) требуется духовно-молитвенное *присутствие* не только иерархического лица и церковного поручителя крещаемого — его крестного или крестной, а при крещении младенцев или детей также и их родителей (значит, и матерей, по возможности, т. е. по 40-м дне), но и хотя бы той части *поместной церкви*, которая более других готовится, например, особым самоиспытанием и покаянием и, следовательно, постом и молитвой, к принятию ее нового члена.

2. Церковь Христова в глубине своей богочеловечна. Божественный и человеческий аспекты нормальной жизни Церкви находят свое выражение прежде всего в том, что любое ее таинство есть, с одной стороны, духовно-внутреннее и мистически-бесплотное *действие Самого Бога* в нас и через Его Церковь — в мире, а с другой стороны, духовно-внешнее и обрядово-плотское, в том числе “материально-вещественное” *действие людей* в Церкви и Боге. Это последнее есть в первую очередь то таинодействие (лучше сказать, таинстводействие), тот обряд и чин таинств, с соответствующими человеческими усилиями по подготовке к участию в них, в которые божественный акт, главенствующий именно в таинстве, в отличие от любого иного церковного благодатного обряда, облакается.

3. Оба аспекта взаимопроницают и взаимодополняют друг друга. Каждый из них, чтобы быть благодатно-созидательным, т.е. церковным, существует лишь *в Свободе и Любви*. Поэтому в Церкви недопустимо несвободное, так сказать, бело-магическое, а значит, в основе своей языческое понимание всех ее таинств, подменяющее мистическую (тайнственную) трансцендентно-имманентную и личностно-экзистенциальную *действенность* таинств в Церкви, в соответствии с явленной и вполне живой в себе реальностью в них Духа и плодов*, мистериальной (тайнственной) трансцендентально-законнической и безличностно-онтологической их *действительностью* в соответствии с их объективно-абстрактной и не вполне живой в себе духовной сущностью и природой. Например, это мы видим в неправославном учении об освящающей действительности таинств *самих по себе*, лишь “в силу сделанного дела”, *ex opere operato*.

4. Итак, все истинные таинства церковны и свободны, но они же все и всегда *личностны*, ведь и сама Церковь, как живое Тело Христово, имеет личностный и свободный характер. Поэтому всякое таинство одинаково существует и как церковное, и как личное, личностное дело, точнее, служение**. Однако именно в таинстве Покаяния, Крещения и Миропомазания человек еще только рождается как духовная личность, через облечение его Богом во Христа и Духа Святого, поэтому в нем основной акцент может ставиться именно на личности этого таинства, что, конечно, не противоречит и его принципиальной церковности.

5. При этом надо помнить, что “личное дело” не означает только “частное и индивидуальное дело” одного или нескольких лиц, подобно тому, как “церковное дело” не означает только “общественное и коллективное”. Другими словами, таинства Покаяния, Крещения и Миропомазания, как и все таинство Просвещения, не может совершаться лишь “по установленной

* Об этом см. также в гл. V, 16, 17, 26.

** См. [15], ч.1 с. 41.

форме” и “по требованию”. Оно даже не может быть названо “требой”, ибо по своему смыслу и духу таковой не является. В принципе, оно не может быть и описано в социально-статистических категориях.

И все же нельзя не признать, что в известном смысле это таинство является и коллективным, и индивидуальным делом. Оно, как показывает история, имеет большое *общественное и персональное* (частное) значение, поскольку церковь, как и каждый ее член, живет “в мире сем”, а не только “не от мира сего”.

6. Собственно таинства Покаяния, Крещения и Миропомазания, как и все таинство Просвещения, есть печать “рождения от воды и Духа”. При всей принципиальной ограниченности сравнения плотского и духовного рождений (вспомним, что Евангелие скорее противопоставляет их — см. Ин 3:6), можно сказать, что это, как и всякое рождение, есть не столько таинстводейственный церковно-исторический *акт и факт*, сколько таинственный в истории духовный *процесс**, т. е. акт метаисторический и экзистенциальный.

7. Всем, кто присматривался к *чинам*, связанным с таинственным процессом Крещения (Просвещения) человека, ясно, что все они, впрочем, как и все древние и значительные чины нашей Православной церкви, явно или имплицитно отражают как общие для всех людей этапы этого внутренне целостного процесса, так и возможности их индивидуализации с учетом личных особенностей и склонностей участвующих в чине.

Выявлению и воплощению в жизни этих возможностей может служить не только литургия, церковная история и богословие, но, что всегда важнее, развитое внутреннее чутье и основанное на духовном видении, глубокой церковности и максимальной ответственности смиренное дерзновение как каждого верующего христианина, так и в первую очередь церковного пастыря (на что главным образом и была направлена вся наша работа).

* Ср. Рим 10:13-14,17.

8. Для современного православного церковного сознания является нормальным, кроме чрезвычайных случаев, не разделять между собою таинств Крещения и Миропомазания, воспринимать их как одно целое, как единое таинство. Напомним однако, что с апостольских времен Церковь оба эти таинства ощущала, и теперь можно только сожалеть об умалении этого ощущения в нас, лишь частью, хотя и важнейшей, полноты единого таинства Просвещения, включающего в себя таинства Слова и Покаяния (принятия Слова и обращения к Богу), Крещения (Смерти и Жизни во Христе), Миропомазания (Дара Святого Духа) и Причащения (Евхаристии-Благодарения Церкви Отцу за дары Сына и Духа).

Это никогда не прекращающееся в Церкви и каждом ее члене единое таинство Просвещения понималось и являлось в их вере и жизни как единое таинство Спасения, Исцеления, Очищения, Возрождения, Обручения, как единое таинство Освящения человека в Боге и Посвящения его на священное служение Богу, людям и миру, как единое таинство Освобождения его от служения “миру сему” и его “бедным вещественным началам”, как и всем другим идолам.

Таким образом, единое таинство Крещения (Просвещения) является важнейшим, а в известном смысле даже единственным таинством Церкви, ибо вся ее таинственная жизнь прямо или косвенно связана с ним как таинством “веры и жизни в Богочеловечестве”.

Второй изначальной доминантой духовной жизни Церкви была ее исключительно “внутренняя”, “тайная” (мистическая) жизнь — служение познанию и откровению Тайны Преображения себя и мира, как Тайны Человека, Тайны Слова и Духа, как и Тайны Веры, Надежды и Любви, Свободы и Света, Тайны Пути, Истины и Жизни и Тайны Творчества, в устремленности к “усиленно-сходящейся” эсхатологической перспективе Отечества — Полноты Царства Божьего Небесного.

В данной работе мы этого, естественно, почти не касались, как почти не касались и третьей, последней, церковной домини-

нанты. Она регулирует отношения Церкви с “внешними” и “миром сим” и относится исключительно к “внешней”, пограничной, законно-организованной, иерархической, институциональной и этической жизни Церкви “в мире сем” — с ее проблематикой керигматической проповеди и свидетельства ему, страданий от него, победы добра над злом, в котором этот мир “лежит”, и неустанной борьбы в нем с последствиями действия зла и греха в каждом человеке, классе, нации, обществе, государстве, в живой и неживой природе и т.д.

9. Итак, таинство Крещения может пониматься в широком и узком смысле слова. Крещение в широком (полном) смысле, тождественное таинству Просвещения, включает в себя таинство Слова и все первые четыре таинства жизни Церкви — Покаяние, собственно Крещение (Крещение в узком смысле слова), Миропомазание и Причащение.

10. Эти четыре таинства отражают основные *духовные моменты* в процессе *Воцерковления* человека и *всей* его жизни, т. е. его Богопознания по Богооткровению, освящения по Дару благодати Божьей, просвещения по “причастию Божескому естеству” (2 Пет 1:4) и возрождения как личности в Боге и пред Богом — Единым нашим любимым и любящим Небесным Отцом — в познании и исполнении заповеданного Им.

11. Тесно связаны с этими четырьмя таинствами и основные *духовные процессы* таинства Просвещения.

Во-первых, это *предоглашение* человека, которое начинается с возведения ему веры в Бога и Иисуса Христа как Господа и покаяния. Предоглашение длится до принятия человеком принципов христианской веры и, следовательно, выражения им ответственного желания креститься — отдать свое сердце Богу во Христе.

Далее, *1-е оглашение*, которое длится до усвоения человеком принципов христианской жизни и, следовательно, выражения Церковью своего согласия на принятие нового члена.

Потом *2-е оглашение* — уже особо готовящихся к Крещению в узком смысле слова. Это — первоначальное *систе-*

матическое наставление как подготовка к приобщению *полноте* христианской веры и жизни.

И наконец, *тайноводство* новопросвещенных, точнее, их таинствоводство, имеющее целью посвящение во внутрицерковные “тайны” таинств и догматов Церкви сразу после совершившегося Крещения.

12. Все основные моменты (таинства) и процессы Крещения, в широком и полном смысле этого слова, занимают определенное место в историческом времени жизни человека. Однако в известном смысле они продолжают и *всю его земную жизнь*, чего, впрочем, не следует ни недооценивать, ни переоценивать. В самом деле, нельзя всю жизнь строить лишь один фундамент духовного дома, но также нельзя, увлекшись новым на нем строением (ср. 1 Кор 3:10-13), совсем забыть про него, не охранять, не укреплять его в себе и не совершенствовать.

13. Из всего сказанного следует, что при выяснении вопроса, является ли человек крещеным, т. е. верным, или полным членом Церкви, недостаточно знания о том, был ли над ним совершен внешний обряд этого таинства, как недостаточно даже церковного ведения о реально свершившемся самом таинстве Крещения в узком смысле слова, впрочем, как и о совершении двух, трех и всех четырех первых таинств жизни Церкви, ибо и они сами по себе еще не есть *все* таинство Крещения.

14. Критерием *действительности* совершения в Церкви истинного таинства Крещения является его реальная *действенность*, т. е. соответствующее сугубое свидетельство “по Духу” и “по плодам”. Точнее, свидетельство *Духа Святого* об “облечении во Христа” (Гал 3:26-28) нового члена Церкви в единстве со свидетельством соответствующих Крещению “*плодов*” (см. Мф 7:16-18,33) “в жизнь вечную” (Ин 4:36, ср. Рим 6:22) “духа и души и тела” (1 Фес 5:23) новопросвещенного, т. е. его “дел” (см. Деян 26:20; Гал 6:4; Иак 2:14-26) и всего его “образа” жизни и мысли (см. Лк 1:17; Флп 3:16-17, Еф, особ. 4:21-24; Рим 6:4). Об этом же говорили свт. Афанасий Александрийский и бл. Иероним⁵², а также свт. Кирилл Иерусалимский и свт. Гри-

горий Нисский, в “Большом огласительном слове” смело утверждавший, что без соответствующих плодов Крещения “вода остается водою”^{*53}.

При этом только надлежит помнить, что “свидетельство Духа” бывает дано сразу и нужны лишь “глаза” и “уши”, чтобы его “различить” (1 Кор 12:10), “увидеть” и “услышать” (ср. Мк 8:17-18; Ин 3:8), а “свидетельства плодов” иногда надо еще терпеливо подождать (ср. Иак 5:7).

15. Таинство Миропомазания неразрывно связано с собственно Крещением, являясь в некотором смысле его продолжением и плодом, ибо, облакаясь во Христа, облакаются и в “неразлучного” с Ним Духа Святого (ср. Деян 19:1-7, Ин 3:5, Мк 3:5 и др.). В духовной “нормали” (структуре таинственной жизни Церкви) оно — явление личной Пятидесятницы, подобной Сошествию Святого Духа на апостолов.

Из этого следует, что реальность таинства Миропомазания состоит не только в совершении чина таинства, каким бы он ни был, а в действенной реальности *самого сошествия* Духа Святого и *в исполнении* душ и сердец человеческих Его благодатью. Эта реальность должна быть ощутима и, в идеале, “видима”^{**}, как реальность “помазания” (1 Ин 2:20) и “рождения свыше” от Духа (Ин 3:3-7, 1Ин).

Как известно, при некоторых чрезвычайных обстоятельствах она может быть явлена даже до собственно крещения (см. Деян 10:44-48) и без какого-либо специального чина и обряда, что еще не обязательно означает “бесчиния”, поскольку все равно *таинство* происходит в “присутствии апостолов”, т. е. в Церкви⁵⁴.

16. В совершенном соответствии с современным “иерархическим” устройством церкви, как своеобразная каноническо-дисциплинарная мера возведения апостольской преемственности почти целиком к епископату (хотя исторический повод для этого был другим, по-видимости даже противопо-

* См. [3], с. 107.

** См. ниже, п.17.

ложным⁵⁵), произошла замена *формы* таинства Миропомазания с руковожложения на собственно помазание новокрещеных святым миром, освященным предстоятелем всей поместной церкви, например патриархом⁵⁶.

17. Любое таинство и тайнодействие, а тем более такое неповторяющееся в жизни человека, как Крещение и Миропомазание, требует всегда церковно-личной *подготовки* (которая, конечно, не может сделать кого-либо совершенно готовым к таинству или абсолютно достойным его), а значит, и такого “рассуждения” со стороны Церкви и принимающего таинство человека, которое является “испытанием” (δοκιμασία, см. 2 Кор 13:5; Гал 6:4; Еф 5:10; 1 Фес 5:21, а также [15], ч.2, стр. 33-34) реальности происшедшего в процессе подготовки к таинству “изменения” (покаяния, μετάνοια).

В противном случае человек, участник таинства, делается его “недостойным” (ср. Деян 13:46), а значит, вместо его спасительных благодатных плодов и даров обретает “наказание”, “осуждение” и “гнев” Божий, поскольку он оказался не в состоянии их принять, сохранить и умножить, т. е. “усвоить” (ср. 1 Кор 11:27-32).

18. *Подготовка* (в терминах прот. Александра Шмемана — “приуготовление”) к таинству не должна пониматься только как внешнее *приготовление* и (или) обучение, в чем бы оно ни выражалось, так как его всегда будет еще недостаточно для нормального, т. е. “достойного” участия в таинстве.

Так, например, в таинстве Евхаристии церковная подготовка с “рассуждением о Телѣ и Крови Господних” и “испытание каждым себя”, предшествующие всякий раз участию в таинстве и тайнодействию, бесспорно, более существенны, и потому должны были бы более строго контролироваться церковью, чем пост, участие в исповѣди, и тем более наличие нательных крестов, платков на голове у женщин, даже приход натошак и т.п. Не случайно то, что все эти правила в церкви — не изначальноны и, следовательно, исторически обусловлены, в отличие от требований подготовки, рассуждения и испытания.

19. *Главный результат всей подготовки к таинству Крещения и Миропомазания* (равно как и к первой личной исповеди или первому причастию для крещеных в младенчестве, в детстве или в зрелом возрасте, но также без соответствующей подготовки) заключается в *полном ответственном Покаянии* (“изменении сердца” — μετανοία) новообращающегося человека перед живым личным Богом — “для прощения грехов” (Деян 2:38) и разумного восприятия “залога Духа в сердце” (2 Кор 1:21-22), совершенного получения от Него “наследия благословения” (1 Пет 3:9), “спасения” (Евр 1:14), “жизни вечной” (Мф 19:29) и Царства Божьего Небесного (Мф 25:34) через личную веру (см. Еф 1:13-14; Деян 8:37 и т.п.) и личное познание единого истинного Бога и посланного Им Иисуса Христа (Ин 17:3).

20. Таким образом, *от всякого*, сознательно и подготовленно приступающего к совершению таинства и тайнодействия Крещения и Миропомазания, *требуется как необходимый минимум* испытание личного опыта откровения благодати Божьей (хотя еще и не в полноте), личное рассудительное исповедание веры в Бога и во Христа Его, а значит, и в человека, подлинное перед Богом покаяние и желание жить в Боге и Церкви в реальной надежде Жизни вечной.

Без начавшегося *возрождения* в человеке чувства *ответственности* “о всех и за вся”, внутренней *сосредоточенности и напряженности* (трезвения и “труждаемости и обремененности” — см. Мф 11:28) и искренней сердечной *жажды общения* с Богом и людьми, особенно с близкими по вере и по духу (см. Гал 6:10), для *служения* им*, жажды, выражающей зарождающуюся личную веру и любовь к ним, не может быть *полноценного* Воцерковления (Просвещения) и Крещения.

21. Для того чтобы такое Воцерковление и Крещение стало реально возможным, человек должен пройти на опыте ряд внутренних этапов *оглашения*: он должен уверовать Духом в Бога, признать Закон Божий, что еще не означает — лишь ветхозаветный библейский Закон, и подчиниться ему, от закона

* См. [34], с. 64–67.

познать свой умножающийся грех (Рим 7:7) с индивидуальной ответственностью за него, чтобы прозреть на своем примере, что “когда умножается грех, начинает (через покаяние) преизобиловать благодать” (Рим 5:20-21), и что *предощущение и первое ощущение благодати в полноте общения с Богом и ближними и есть таинство Крещения* в полном смысле слова.

22. Исходя из этого, можно сделать вывод, что в результате полноценного Крещения (в широком смысле слова, а значит, и после участия в Евхаристии и прохождения таинствоводства) человек входит в тело Церкви так, что не может быть назван “неофитом” в смысле некоторой благодатной и церковной ограниченности.

Неофитству в стенах Церкви места нет, несмотря на то, что в некотором смысле таинство Крещения совершается всю жизнь*, хотя, конечно, могут быть и всегда есть различия между полными членами Церкви по служениям, дарам, опытности, способностям, усердию и т.д. Место неофитству — у стен Церкви и как бы в ее “притворе”, где духовно еще и находятся во время молитвы верных на “своей” литургии все неполные члены Церкви — оглашаемые, просвещаемые и новопросвещенные, а также, приравненные к ним церковью и совестью, обураваемые и кающиеся, т. е. все, так или иначе не могущие полноценно участвовать в общей церковной молитве Благодарения. Не исключением являются и крещеные христианские младенцы и дети, которые хотя и причащаются, но по понятным причинам также могут быть названы, в несколько, правда, особом смысле, неполными членами Церкви, ибо они также всегда еще недооглашены и не способны к полноте личной веры и ответственности в своей церковной жизни и служении.

Все неполные члены Церкви нуждаются еще в “педагоге”, “дядьке”, “детоводителе” — “Законе” (Гал 3:24-25) с его строгой дисциплиной и руководством от имени Бога, но не Самим Богом. Эти “дети” и есть “неофиты”, или еще находящиеся в церковной “утробе”, или недавно родившиеся “младенцы во

* См. выше, п.14.

Христе” (1 Кор 3:1; Еф 4:14). Все они всегда еще недовоцерковлены, еще “не в силах”, хотя и являются благодатными членами Церкви, ибо отчасти уже получают личное откровение, благодать и познание Бога и приносят свои плоды Духа и веры*.

Неверующие же (крещенные или некрещенные), а тем более сознательно ушедшие, порвавшие с Богом и Церковью люди, пусть и не абсолютно, но лично безблагодатны, ибо они не “во Христе”, даже не “младенцы”. Они лично или еще только “плоть” (Ин 3:6), т. е. совсем еще духовно лично не зачались, или же их смерть духовная опередила в них смерть физическую. О такой возможности, увы, уже предупреждали многие святые отцы, например, прп. Макарий Великий и прп. Симеон Новый Богослов.

23. Если продолжить нередко принимаемую в церкви аналогию между физическим и духовным рождением**, то можно утверждать, что как ребенок никогда не рождается сразу взрослым, так же и духовное рождение обязательно предполагает “младенчество во Христе” и период неофитства. Это значит, что в Церкви подготовка к Крещению — оглашение всех ступеней, т. е. *катехизация, обязательна* (см. 78 правило VI Вселенского собора и 46 правило Лаодикийского собора), во избежание сужения или извращения смысла и духа самого таинства Крещения.

Однако *катехумената* в церкви может и не быть, ибо отличие его от катехизации в том, что он обязательно является устойчивой институцией, канонически и законно оформленным церковным учреждением, имеющим свои уставы и правила и существующим в данной форме лишь при определенных исторических, церковных, социальных и т.д. условиях. Катехуменат — это специальная временная и исторически обусловлен-

* Исторически в церкви “неофитами” в точном смысле слова назывались лишь “младенцы во Христе”, т. е. оглашаемые 3-го этапа оглашения, проходящие таинствоводство и уже причащающиеся. Мы употребляем здесь этот термин в более широком смысле и контексте.

** См. выше, п.6.

ная форма организации безусловно в Церкви существующего процесса катехизации всех вновь вступающих в нее членов.

24. Отсюда очевидно, что совершение полноценного таинства Крещения (Просвещения, Воцерковления) возможно *только для взрослых*, зрелых душою и телом людей, что говорит о том, что крещение младенцев и детей, хотя и возможно, но всегда неполно и частично, всегда в большой мере лишь некий залог и потенция, которые еще предстоит *всем им* реализовать и “восполнить”.

25. “Восполнения” таинства требуют вообще все случаи, когда по каким-либо обстоятельствам таинодействие совершено, но таинство не может считаться полным, полноценным в силу вольно или невольно, сознательно или несознательно допущенных отступлений от внутренних норм и принципов его совершения. “Восполнение” в этом случае означает восстановление принципиальной полноты всего того экзистенциально важного в лично-церковном опыте и предании таинства, что было по каким-либо причинам опущено или упущено.

26. Для того чтобы не пропустить в таинстве ничего из этого принципиально важного, надо хорошо помнить, что “номинализму не должно быть места в церковной жизни”*, т. е. ничто в церкви, ни одно слово и ни одно дело не должны быть номинальными, не должны расходиться друг с другом и, главное, с тем Духом и смыслом, который в них должен быть воплощен.

Этот принцип церковного реализма должен быть распространен на все стороны церковной жизни, в том числе и на пастырско-литургическую. Он означает возрождение в церкви и принципа испытания, проверки Духом “по духу” и “по плодам” всего, что в Церкви значительно**.

27. Утверждение церковного реализма приводит к тому выводу, что все символы и знаки в процессе Воцерковления, а значит, и при совершении всех первых четырех таинств и прохож-

* [44], с. 106.

** См. шп. 16–17.

дении всех основных трех процессов* , могут применяться и использоваться лишь постольку, поскольку подлинно отражают наличную реальность. Они теряют по меньшей мере большую часть своего смысла, если говорят, означают и символизируют лишь то, что *должно быть, в отрыве от того, что ныне есть*. Поэтому использовать их надо осторожно, духовно ответственно и в меру. Особенно это важно еще потому, что и сами таинства, эти духовные вехи жизни Духа и в Духе, в известном смысле также являются церковными символами и знаками реальности.

28. При этом в Церкви соотношение “данности и заданности”⁵⁷, “уже, но еще не” (по выражению С.С.Аверинцева) и т.п. не должно пониматься поверхностно, будто из символической “заданности” непременно выйдет живая символизировавшаяся “данность”, а из “еще не” всегда получится “уже”.

И все же, например, после Крещения человек по благодати должен быть реально уверен в том, что духовные “белые одежды нетления” не будут с него сняты вместе с соответствующими символическими белыми одеждами и что он, рождаясь от Бога, *всю* свою жизнь сознательно уже грешить не будет, т. е. в том, что “белые одежды” даются в Крещении только для того, чтобы они и оставались именно неиспачканными — белыми, для чего в таинстве Миропомзания Даром Духа и подаются ему соответствующие силы. Другое дело, что будучи еще несовершеннолетними, “все мы много согрешаем” (Иак 3:2), и это требует постоянного покаяния со смирением. Но здесь важнее все-таки та реальность истинно христианской жизни, что “всякий, рожденный от Бога, не грешит” (1 Ин 5:18) и даже “не может грешить” (1 Ин 3:9), поскольку живет уже не “по плоти” и “по Закону”, а “по Духу”.

29. Из всего сказанного следует, что *основная духовная цель пастыря*, совершающего все таинстводействия Крещения (Просвещения) человека, заключается в том, чтобы, при сохранении своей духовной свободы и полноты духовного смысла

* См. пп. 11–13.

совершаемого, в своем служении таинствам в каждом случае прозревая волю Божию, с одной стороны, и существующую в человеке реальность, с другой, *достичь жизненной силы таинстводействий во всех главных моментах и процессах таинства.*

30. При этом на основе достигнутой крещаемым и Церковью степени интенсивности и внутренней напряженности* происходящих процессов Воцерковления предпочтительно держать направление на сокращение его сроков**. Но внутренние причины этого должны учитываться преимущественно перед внешними.

Номинально и сейчас существуют соответствующие каноны и иные правила, разрешающие *сокращение сроков оглашения*. Например, по причине смертельно-опасной болезни — Лаод. 47, или по причинам гонений, обращения ко Христу сразу многих и отличного нравственного состояния оглашаемого⁵⁸. Хотя, впрочем, истории известны и обратные рекомендации церкви. Например, запрещение крещения в состоянии одержимости оглашаемого вплоть до его смертного часа (2 прав. Тим.), удлинение сроков оглашения при нарушении оглашаемым принципов оглашения, его нравственных провалах и т.д.

31. Полное и интенсивное Воцерковление немислимо без максимально возможной внутренней *доступности* и внешней *понятности* как для Церкви, так и для приходящих к Богу *всего*, что относится к подготовке к таинству и его совершению. В первую очередь это касается *языка* проповедей и бесед, литургических чинов, символических действий и т.п.

32. На путях духовного *возрождения* церковно-канонического и духовного порядка пастырской и учительской подготовки к таинству Крещения не может быть достаточно простой ретаврации, т. е. искусственного восстановления *по букве* действовавших прежде и формально поныне действующих уставов и правил, выраженных в чинах, писаниях святых отцов и проч. Хотя и этот путь в церкви иногда бывает временно оправдан,

* См. п. 20.

** Ср. [15], ч. 2, с. 34.

надо помнить, что никакое прошлое, даже самое лучшее, не возвращается. Здесь всегда необходим еще учет как более позднего духовно-творческого, церковного и личного опыта, так и потребностей и особенностей каждого текущего дня. Ведь не случайно говорится в Евангелии, что “для каждого дня достаточно своей заботы” (Мф 6:34).

33. Имеющийся старый опыт, действующие уставы и правила церкви, как и все ее писания, нужны Церкви как элементы ее церковного и апостольского *писания и предания* разной глубины и ценности. Лучшие из этих элементов сами возникли в определенное историческое время с учетом лучшего в прежнем и уже устаревшем для использования в настоящем и новом.

Эти элементы надо постараться и всем нам *не потерять и сохранить*, иначе и Православной церкви легко потерять полноту своей церковной и апостольской преемственности и выродиться в частную конфессию или даже секту, пусть пока еще и крупномасштабную.

Таинство Крещения (Просвещения), как одно из важнейших звеньев Священного Писания и Предания православной Церкви, обладая целостностью, включающей в себя и приуготовление, требует нового церковного переживания, нового рассуждения и испытания, новой проверки и очищения от искажений имеющейся практики, нового пастырского дерзновения, при условии полной честности и открытости перед Богом и Его святой волей.

Господи, благослови!

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ПОДГОТОВКА И ОБУЧЕНИЕ КАТЕХИЗАТОРОВ:

родителей и крестных, пастырей, проповедников и церковных учителей.

1. Вопрос о подготовке и обучении катехизаторов, или, что то же, — катехетов, мог бы быть предметом специальной работы, поэтому мы будем вынуждены коснуться его лишь *кратце*, без претензии на всестороннее рассмотрение. При этом нас будет больше интересовать современно-практическая пастырско-богословская его сторона.

2. Нам уже должно быть ясно, что есть само *катехизационное служение в Церкви* и почему с первых апостольских времен Церковь предъявляла к катехизаторам очень серьезные требования. В принципе, они предъявляются (хотя, увы, обычно на практике не соблюдаются) и поныне. Суть этого служения кратко можно было бы выразить так. Катехизаторы несут в Церкви личную ответственность за полную подготовку обращающихся ко Христу людей в процессе совершающегося в них и над ними таинства Просвещения, а значит, и за полное обучение их основам истинной христианской веры и жизни во все время оглашения и таинствоводства⁵⁹. Как и всякое подлинное служение в Церкви, катехизационное служение благодатно — от Духа Святого, и потому глубоко лично.

3. Какие же конкретно *внешние и внутренние требования* должны предъявляться всею Церковью к катехизаторам, кем бы они ни были в церкви и для церкви, чтобы можно было назвать их достойными своего призвания и служения?

Катехизатор — не просто учитель или преподаватель в современном смысле этого слова. Он не отстраненный от аудитории объективный исследователь или педагог, менторски дающий положенный “по программе” материал, а также прове-

ряющий его усвоение и отвечающий на отдельные вопросы слушателей. Он — *педагог*, с греческого “детоводитель”, т. е. раб или служитель, доводящий еще не самостоятельного ребенка до его школы или учителя, и следовательно, законный, научающий своей “наукой” дошкольный *учитель* в изначальном, церковно-евангельском смысле этих слов (ср. Мф 28:19, Гал 3:24). Он занимается не только и не столько наблюдениями и внешней теорией, сколько “феорией” (θεωρία, с греческого “умозрение”, “смотрение”) и живым “созерцанием”⁶⁰.

Он умеет извлекать и передавать тот духовный личностно-церковный жизненный опыт, который на данном этапе усвоения необходим ученикам Иисуса Христа, в конечном счете являющегося единственным Учителем, Наставником и Просветителем всех верующих в Него. Он (катехизатор) “лицом к лицу”, внутренне и благодатно общается со своими “подопечными” и потому именно он лучше всех в церкви знает, что действительно происходит и произошло внутри, в глубине души обращающегося человека, насколько тот близок к оглашению, крещению или таинствоводству, надо ли в процессе оглашения на чем-то остановиться или даже что-то упущенное сразу “восполнить” и т.д.

4. Совершенно ясно, что сам катехизатор, желающий с достоинством исполнять свое служение, должен быть *зрелым и духовно опытным* христианином. Поскольку для просвещаемых всех ступеней он является в известном смысле представителем Церкви, постольку весь его образ, вся его личная духовная жизнь имеют очень большое значение. Также от него требуется хорошая обученность и подготовленность к его служению, для чего весьма желательны фундаментальные знания и высокое духовное и общее образование.

5. Как представителю Церкви, несущему в ней ответственное служение, катехизатору желательно быть в хорошем внутреннем, а по возможности и внешнем, *контакте со священноначалием* своей церкви, особенно с теми из них, которые сами как следует, живо, ответственно и осмысленно проповедуют и совершают молитвенные чины оглашения и крещения просве-

щаемых. Формы сотрудничества могут быть различны в разных условиях и обстоятельствах.

Присутствие представителей иерархии при оглашении обязательно, разве что для краткой молитвы до и после огласительных встреч и бесед, которая, напомним, к тому же не может совпадать с церковными молитвами, предназначенными для участия в них только полных членов Церкви. Впрочем, это присутствие может принести свой добрый плод, ведь катехуменам еще бывают очень нужны авторитеты и для них бывают важны внешние гарантии и соответствующие “знаки”, носителями которых в современном церковном и особенно околицерковном сознании и являются преимущественно иерархические лица.

6. Таким образом, главное качество и, следовательно, главное церковное требование к любому катехизатору — его глубокая *внутренняя церковность* в вере и жизни, из которой только и может вытекать его ответственность за свое служение и соответствующая всем церковным требованиям подготовка к нему со способностью истинно осуществлять благословенное Богом и Церковью дело.

Такая церковность катехизатора, очевидно, никогда не может быть выражена только внешними характеристиками. Ни того, как часто человек ходит в церковь и причащается, ни того, какое число лет он несет свое служение, насколько знает и критически понимает тексты Священного писания и чинов богослужения, ни того, сколько он прочел христианских книг, здесь не может быть достаточно. Главным остается его полная преданность в любви Богу и Церкви, его внутренняя приобщенность в личной вере и жизни к тому Духу, Который живет в Церкви — Духу Христа и Бога нашего, такая его любовь к Богу и ближнему, которая, как высший дар, свободно пребывает и выражается только в целостной жизни человека-христианина, рожденного Верою и Надеждою “от воды и Духа”.

7. Итак, исходя из всех требований к катехизатору, кто же может им в Церкви быть или стать? “Человекам это невозможно”,

но “невозможное человекам возможно Богу”, а значит, и “все возможно верующему”!

Можно сказать, что в принципе *катехизатором может быть всякий христианин, имеющий полное общение с Христовой Церковью*. “Всякий”, и следовательно — без различия пола, возраста, нации, церковного положения и т.д. “Имеющий полное общение с Церковью”, и следовательно — кроме тех членов Церкви, которые прямо стоят в соответствующих разрядах ее неполных членов или реально могут быть приравнены к ним. Вспомним, в каких разрядах? Во-первых, новообращенных и оглашаемых, в широком смысле слова, т. е. в разряде людей, еще не прошедших всех этапов оглашения, еще не вполне зрелых духовно и (или) физически⁶¹. Во-вторых, кающихся, и поэтому так или иначе не могущих быть допущенными к причастию за каждой литургией. В-третьих, неправославных, как в плане индивидуальных особенностей их вероисповедания, так и в плане их принадлежности к какой-либо из неправославных церквей. В-четвертых, неизвестных церкви по своей христианской вере и жизни, а также слишком сомнительных и неустойчивых в них и т.п.

И все же как исключение из этого правила в *чрезвычайных* случаях и обстоятельствах некоторые неполные члены Церкви могут стать помощниками в деле катехизации. Например, если по каким-либо “объективным” причинам катехизатор не может осуществить свое служение в полном объеме или на требуемом уровне, или если на данный момент в данной церкви катехизаторов пока вообще нет или их слишком мало и т.д. Однако даже и тогда совсем неподготовленный и необученный этому служению христианин не может стать самим катехизатором.

8. Имея в виду все сказанное о катехизаторах и их служении в Церкви, нетрудно заметить, что возможны как бы *два типа* церковных катехизаторов. Во-первых, это христиане, несущие в Церкви особое харизматическое служение — служение от Бога личным даром Духа Святого, являющееся их основным, если не единственным служением Церкви. Во-вторых,

это остальные христиане, несущие или могущие нести катехизационное служение “по долгу” своей общехристианской жизни в церковной общине, но имеющие основным другим даром (дары) Святого Духа и, соответственно, другое служение (служения) в Церкви.

Катехизационное служение тех и других благодатно, но по-разному: первых — по особой личной и преображающей благодати, а вторых — по благодати общехристианской и освящающей. Первые научаются этому служению и готовятся к нему по преимуществу Богом, вторые — по преимуществу верующими людьми и вообще церковью⁶². Поэтому и главным в Церкви будет первое, а второе как бы вторичным, осуществляемым по церковному благословению, в силу необходимости и по требованию обстоятельств.

Катехизаторы первого типа, для которых это служение является делом всей их жизни, как правило, несут его длительно, постоянно, независимо от внешних перемен, а катехизаторы второго типа чаще всего несут его от случая к случаю, временно.

9. Катехизаторы, более всего второго типа, используя церковный опыт других, при необходимом здесь смирении и послушании, могут свести свою деятельность до самого *минимума* (но в любом случае, не меньше) — до проведения лишь серии групповых и личных встреч и бесед по христианскому вероучению и библейской истории Ветхого и Нового Заветов, а также на тему практической христианской жизни, прежде всего, церковно-нравственной и богослужебно-молитвенной.

10. Любой катехизатор является не просто учителем, но и *пастырем*, но только не всей Церкви, а некоторой части ее неполных членов, что не зависит от того, кем он сам в церковной иерархии формально и (или) реально состоит или, может быть, вообще находится вне ее. Отсюда его особая пастырская ответственность перед Богом и Церковью за *все* свое стадо “словесных овец”. Поэтому при неисполнении или плохом исполнении своего служения катехизаторы должны подвергаться

церковному спросу и епитимьям, вплоть до отлучения от причастия, т. е. низведения их самих до неполного членства в Церкви в статусе кающихся.

За этим должна следить вся церковная община, но главное — ее иерархия, в свою очередь несущая на себе долю ответственности перед той же полнотой Церкви, также вплоть до запрещения в священнослужении, отлучения от причастия и извержения из “сана”, т. е. полного лишения служения слишком нерадивых служителей.

11. Катехизаторское служение в нашей церкви лучше и чаще всего могут исполнять следующие лица.

При Крещении детей и младенцев это прежде всего поручители пред Богом и Церковью за их будущую христианскую жизнь в Вере, Надежде и Любви, их христианское воспитание и образование, т. е. *крестные*, а также, правда, как правило, во вторую очередь — *родители* крещаемых. Хотя и в меньшей степени, но они же остаются основными кандидатами в катехизаторы и при Крещении отроков и подростков, частичная катехизация которых, основанная на уже почти личном исповедании ими веры, как мы знаем, может и должна проводиться еще до таинстводействий крещения.

При Крещении людей взрослых и пожилых кандидатами в катехизаторы уже будут не столько их крестные и тем более родители, сколько люди особого лично-церковного, “харизматического” и “должностного” служения — *проповедники, евангелисты, певцы, чтецы, иподьяконы, церковные учителя, дьякониссы и дьяконы*, а при необходимости и возможности также сами церковные пастыри-предстоятели — *пресвитеры и епископы*.

12. Но как же всем кандидатам в катехизаторы катехизаторами реально стать? Как их подготовить и обучить?

Во многом это зависит от того, имеются или нет в распоряжении церкви *школы катехизаторов* (катехетов), которые, в отличие от катехизаторских школ, где учат и готовят к полному Просвещению катехуменов (они могут располагаться не

только в отдельных зданиях, но и в самом храме, в его притворе или на хорах, что очень облегчает их организацию⁶³), должны готовить и учить именно катехетов.

Эти школы, существенно отличаясь по своей программе и методам работы также от любых нынешних духовных семинарий и академий, при правильной постановке дела могли бы быть лучшим местом подготовки и обучения катехизаторов обоих типов. Однако, увы, церкви часто приходится обходиться без них, а поэтому, по сути, и без подготовленных катехизаторов.

13. Очевидно, что хорошо подготовленным и обученным катехизатором можно признать только того, кто наиболее соответствует требованиям, указанным выше. Этим единственным критерием оценки уровня подготовки и обучения катехизаторов и должны определяться качество и значимость тех или иных конкретных методов, помогающих катехизатору возрастать в своем служении. Однако оговоримся, что, пусть несколько условно, но и здесь надо различать понятия “подготовки” к церковному служению и “обучения” ему*.

Подготовка (или “приуготовление”) — понятие более глубокое и внутреннее. Оно включает в себя церковно-экзистенциальную и божественно-благодатную сторону жизни будущего служителя, в том числе и то его обучение, которое прямо от Бога. Понятие же обучения служению более связано с “приготовлением” к нему, т. е. с церковно-человеческой, земной, культурно-рациональной, традиционной и внешней стороной.

Поэтому какой-либо даже способный человек может быть очень хорошо обученным, но, не имея в связи с какими-то существенными “прорехами” в своей христианской жизни Божьего на то благословения, оказаться плохо подготовленным или совсем не годным к служению церковного катехизатора. Возможен и обратный случай, когда не получивший достаточно полного обучения человек или самоучка в целом оказывается все

* Ср. гл. V, 18.

же подготовленным к служению, хотя, вероятно, с известными оговорками и условиями со стороны церкви и ее иерархии.

14. Все церковные катехизаторы должны помнить, что в их служении от них всегда будет требоваться изложение только вполне *устоявшихся* первоначальных истин христианской веры и жизни, но не своих субъективных и не каких-либо еще частных или спорных, пусть даже святоотеческих, положений. Поэтому все они должны прекрасно знать открытую для всех проповедь, керигму Церкви, и уметь отличать ее от догматов и тем более от неведомых церковных Тайн. Здесь им было бы хорошо следовать *древней огласительной традиции церкви*.

Это значит, что в своей подготовке им надо делать главный акцент на собственной целенаправленной молитве, на накопление личного духовного и жизненного опыта, на живой проповеди и беседе в любой обстановке, на умении даже в молчании быть примером “соли земли” и “света мира”.

В своем же обучении акцент им надо ставить на православном учении о едином живом личном триипостасном Боге — Духе Любви и Свободы, о Его отношениях с тварным миром и человеком, о грехопадении, о божественном Откровении и Богопознании, о воплощении истинно божественного Логоса — Сына Божия в истинном Человеке Иисусе Христе, о Его облагодатствованном Учении и совершённом на Кресте и в Воскресении Искуплении, т. е. Спасении мира, предвозвещенном еще ветхозаветными пророками, об общине Его учеников, лично рождаемых от покаяния, воды и Святого Огня Духа — о новозаветной Церкви, об ожидаемом во Христе всеобщем духовном воскресении, каждого в собственном преображенном теле, и о Полноте Жизни вечной в Царстве Небесном Отчем.

15. К каждому из двух типов катехизаторов должны применяться два основных варианта их подготовки и обучения — *краткий и полный*, чему, в свою очередь, должны соответствовать и два типа учебных программ и планов. Поскольку ныне в духовных учебных заведениях нашей церкви этому

служению практически совсем не учат (хотя в других церквях уже давно разрабатывают и преподают теорию катехизации в рамках предмета “Катехетика”), постольку даже уже имеющим любое духовное образование и (или) “сан”, как правило, все равно требуется *дополнительная* подготовка и обучение.

16. В случаях, если катехизатор живет вдали от сильных церковных культурно-исторических центров, т. е. в провинции, так же как и в других случаях вынужденного “*заочного*” обучения, а отчасти и при кратком обучении катехизаторов второго типа, несущих это служение большей частью единовременно, в подготовке и обучении катехизаторов резко возрастает значение усвоения и использования наряду с личным церковного опыта других, причем как современного, так и прежнего⁶⁴, как живого, так и книжного⁶⁵.

17. Подготовка и обучение катехизаторов должны происходить не по шаблону, а в соответствии с общим принципом “восполнения” каждого того, чего ему более всего пока не хватает. Это предполагает со стороны “учителей будущих учителей” индивидуальный и гибкий подход к каждому кандидату в катехизаторы, большой личный опыт и знания, раскрытый ими особый духовный и душевный дар.

18. В зависимости от того, кем являются кандидаты в катехизаторы по своему основному церковному служению или положению* , методы их подготовки и обучения будут несколько различны. Этими-то различиями мы и займемся теперь подробнее.

При этом будет целесообразно иметь в виду *две группы* катехизаторов: во-первых, крестных и родителей при Крещении еще не взрослых людей, а во-вторых, всех остальных, в том числе в исключительных случаях тех же крестных и родителей — при Крещении совершеннолетних. Каждая группа имеет свои особенности, которые и влияют на процесс подготовки и обучения служению катехизации.

19. Потенциальные *катехизаторы первой группы* обычно принадлежат к катехизаторам второго типа, они в большинстве своем менее связаны с церковью и ее институциями и их личная подготовка, а тем более научение вере — слабее и одностороннее, часто на грани с неверием или в смеси с суеверием. Они нередко живут вне духовной и церковной среды в незавидном внутреннем одиночестве.

В связи с этим церкви прежде всего надо предварительно проверить, можно ли будет доверять даваемому ими за крещаемых обещанию перед Богом и Церковью, являются ли они сами реальными, а не только номинальными полными членами Церкви, не нуждаются ли они сами еще в оглашении и таинствоводстве или ином “восполнении” своего собственного таинства Просвещения. Поскольку, как мы знаем, Церковь не “крадет” младенцев и детей у их родителей* , постольку такая проверка приобретает особое духовно-нравственное значение.

Кроме того, церкви надо следить за тем, чтобы крестные (крестный) и родители (хотя бы один из них) имели между собой христианские личные отношения⁶⁶, т. е. чтобы крестный не был посторонним или случайным лицом по отношению к родителям крещаемого, иначе поручитель младенца или ребенка не сможет состояться ни как его реальный крестный, ни тем более как его будущий катехизатор** .

Единодушные и единомысленные родители и крестные уже смогут создать хотя бы отчасти ту живую микросреду и микроатмосферу “домашней Церкви”, в которой зависимый еще более всего от них и не вполне самостоятельный и свободный новокрещеный человек не сможет почувствовать своего духовного одиночества и тем более отчуждения от близких и окружающей его жизни.

Подготовка и обучение катехизаторов первой группы, поскольку скорее всего катехизацию им придется проводить вне храма и церковного контроля, частным образом, дома, должна быть особенно ориентирована на их большее внут-

* См., напр., [43].

** См. гл. II, 2.5.

ренное Воцерковление, а также на развитие чувства личной духовной ответственности и самостоятельности, на глубинное знание того, что такое катехизация, чем она отличается от их основной христианской роли собственно родителей или крестных, но и как с нею связана, а также на умение духовно распознать, когда и как им надо будет проводить катехизацию — в качестве “восполнения” таинства Крещения их крестников.

20. Есть некоторые различия в подготовке и обучении катехизаторов и внутри самой первой группы.

Если вообще всю первую группу можно назвать нетрадиционными катехизаторами, поскольку церковь не без основания изначально избегала поручать им это дело, то в первую очередь это относится к *родителям*. Ведь родители, будучи даже, предположим, самыми благочестивыми и подготовленными к катехизационному служению христианами, даже полностью обеспечившими в своей семье возможность христианского воспитания и образования своих детей, все же неизбежно оказываются втянутыми в мелочные и рассеивающие заботы века сего, в быт, в необходимость ежедневного попечения о том, что им самим и их детям есть, что пить, во что одеться, как устроить для детей хорошее общее образование, работу и т.д.

Будучи “простыми смертными”, они не могут скрыть своих недостатков и грехов, которые в глазах детей часто превращаются “из мухи в слона”. Они впадают в противоречие “отцов и детей” и так или иначе уязвляются евангельскими словами о том, что “нет пророка в своем отечестве”. Их же дети именно на пороге своей физической и духовной зрелости, т. е. именно тогда, когда им лучше всего начинать подготовку к “восполнению” своего таинства Воцерковления через катехизацию, со своей стороны склонны это глубоко переживать и преувеличивать, думать о своих родителях: “И враги человеку домашние его...”.

Таким образом, труднее всего нести катехизационное служение родителям, которые в нормальных условиях жизни церкви и должны-то были бы только оказывать помощь и поддержку в деле катехизации своих детей “третьим лицам” — из вто-

рой группы катехизаторов, заменить которых в случае необходимости могли бы лишь крестные, также совсем не случайно (не только из соображений духовного родства и не только потому, что исторически институт поручителей возник в эпоху, когда крестили в основном взрослых и уже независимых от своих родителей людей) до сих пор традиционно-канонически избираемые не из родителей.

Однако условия жизни церкви в нашу историческую эпоху слишком далеки от нормальных, и поэтому не следует удивляться тому, что одним из знамений современности является перемещение как раз на родителей главной ответственности за катехизацию их детей (при до сих пор еще господствующем в церковной практике детском крещении). Это и понятно, ибо пока еще крещение, как правило, — просто формальная “треба”, не нуждающаяся в особой подготовке и продолжении, а значит, и в развитии духовных связей с совершающими ее служителями церкви и даже крестными, которые избираются более или менее случайно с точки зрения соответствия их предъявляемым Церковью требованиям.

Одним из лучших свидетельств и плодов этого перемещения является изданный в 1979 г. в Париже на французском языке “Катехизис для семьи, составленный группой православных христиан” (о. Кириллом Аргенти и др.) в древней библейской форме диалога младшего в семье со старшим под названием “Бог жив!” Ему были предпосланы одобрительные письма известных церковных деятелей и богословов митрополитов Мелетия и Антония Сурожского и предисловие французского православного богослова и философа, ученика В.Н.Лосского Оливье Клемана.

Катехизис в полной мере является *катехизисом для родителей*, поскольку он может служить хорошим пособием как для научения и подготовки самих родителей в качестве катехизаторов, так и для того, чтобы им правильно и целостно катехизировать всю свою семью.

21. Но место старшего в катехизационном диалоге в иных случаях может занять не родитель, отец, или, если это невозмож-

но, мать, а их ближайšie духовные родственники — кум или кума, т. е. *крестный или крестная* вступающего в возраст человека и уже, следовательно, не ребенка. Это может быть для крестного даже естественно, если он хорошо справился со своей основной функцией поручителя, а значит и воспитателя, и духовного друга, руководителя, наставника и помощника ранее крещеного еще не взрослым человека.

Изначально функция крестного была в основном духовной. Он рекомендовал пастырю церкви, чаще епископу, приходящего к Крещению человека и поручался за него. Это по самому определению поручительства должно было означать, что сам он, конечно, в избытке обладает всем тем, за что в человеке поручается — чтобы в случае чего было в церкви кого и что спрашивать. Далее крестный смотрел за ростом своего подопечного и трудностями его духовной жизни, за его духовным настроением и поведением в храме и вне храма, отвечал на его вопросы, готовил ко 2-му оглашению и участвовал в качестве помощника церковного катехизатора в огласительных и таинствоводственных беседах. Однако традиционно далеко не всякий хороший крестный, т. е. человек, способный *воспитать* младшего в православной вере, мог быть еще и его хорошим катехизатором, т. е. человеком, способным принципам этой веры и жизни в целостности *научить*.

В современных условиях на крестных может и должна быть возложена церковью бóльшая, чем прежде, ответственность⁶⁷. Пусть и не так часто, как родители, но все же несравненно чаще прежнего они становятся единственными реальными кандидатами в катехизаторы своих крестников, родители которых сами могут оказаться почти или совсем неверующими или нецерковными. И в процессе подготовки и обучения крестных катехизационному служению встречаются специфические, отличные от родительских трудности.

С одной стороны, эти затруднения могут быть связаны с тем, что крестный не обязательно кровный родственник оглашаемого, как и не обязательно официальный представитель

церкви, хотя нередко то и другое обстоятельство способно играть большую положительную роль. Поэтому ему еще надо найти “свое место” так, чтобы иметь необходимый при катехизации авторитет и уметь с оглашаемого крестника строго спросить “плоды Просвещения”.

С другой стороны, крестному труднее всех других катехизаторов *сочетать, не смешивая*, свое основное служение, или даже служения, в Церкви со служением катехизатора. Ведь ему придется где-то пойти назад, “вернуть” своего же воспитанника из эпохи благодати, в которой, пусть и не вполне, он уже привык жить после Крещения, в эпоху Закона, пусть и не единственно, но все же определенно господствующего при оглашении, вплоть до первого после начала катехизации таинства Покаяния и Причащения и начала таинствоводства.

Кроме того, крестному легко спутать воспитание (с входящими в него элементами обучения в пределах развития духовной и физической жизни еще незрелого человека-христианина) с катехизационным научением и подготовкой, имеющими свои особые цели и методы и предназначенными для уже зрелых людей.

Также именно крестному легче других впасть в ошибку, поняв это научение не внутренне, а только внешне, как систему лишь бесед и разговоров. Допустив ошибку в оценке степени зрелости своего крестника или спутав созревание физическое, душевное и духовное, крестный тоже не сможет беспрепятственно достигнуть цели и целостности катехезы. Препятствием ему в деле катехизации могут служить и не вполне благоприятно сложившиеся в процессе христианского воспитания крестника их личные отношения.

22. Теперь обратим наше внимание на особенности подготовки и обучения *катехизаторов второй группы*, имеющих дело с совершеннолетними, т. е. с крещаемыми в зрелом возрасте или с теми из крещеных ранее, которые, достигнув определенной меры зрелости, проходят катехизацию в качестве “восполнения” своего таинства Просвещения почти наравне, а иногда и вместе с первыми.

Поскольку по сравнению с первой группой это, как правило, более традиционные для церкви катехизаторы, постольку их подготовка и обучение также будут более *традиционными*, хотя и здесь необходимо будет учитывать историческое перемещение ответственности с внешне-официальных и высших представителей церкви на низших и неофициальных ее служителей. Так как катехизаторы второй группы могут относиться как к первому, так и второму типу, то и обучаться своему служению они могут соответственно по полному или краткому варианту.

Главной особенностью катехизаторов второй группы является то, что они в ряде случаев имеют возможность проводить оглашение непосредственно в связи с Крещением, т. е. в наиболее естественное и потому лучшее время. Это в большой степени снимает те трудности и противоречия катехизации, которые мы отмечали в отношении катехизаторов первой группы.

Остается лишь специфическая трудность, связанная с умением без смешения сочетать катехизационное служение с другими личными, и нередко основными, церковными служениями, которые по определению почти всегда имеются у катехизаторов второй группы (может быть, лишь за одним исключением, когда катехизатор — церковный учитель, что функционально означает обычно одно и то же). Но несение этих служений, в свою очередь, предполагает наличие у них особого духовного опыта и поэтому такой чуткости, которая никогда не позволит спутать требования, предъявляемые к людям различного духовного уровня, в частности, к полным и неполным членам Церкви. Та же чуткость должна способствовать умению верно определить место и время катехизации (во время богослужения, до или после него, в храме, притворе или вне его), а также ее продолжительность.

23. Есть некоторые особенности подготовки и обучения катехизаторов и внутри их второй группы.

Нельзя не признать, что современное духовное служение *предстоятелей церкви (церковных пастырей-пресвитеров и*

епископов) существенно отличается от древнего, непременно включавшего в себя регулярное, не сводившееся лишь к общим словам и почти механическому воспроизведению одних и тех же таинстводействий, личное участие в катехизационном служении, конкретное руководство им и контроль над ним в связи с живым чувством их ответственности перед Богом, а также перед всей Церковью за полное Воцерковление *каждого* в ней крещаемого.

Теперь же в лучшем случае от них можно ожидать лишь хорошего осмысленного знания и неформального совершения чинопоследования таинств, со знанием его вариантов, допустимых или даже необходимых в условиях, отличных от средненормальных, т. е. предполагаемых общепринятыми чинами.

Однако поскольку личной ответственности за катехизацию с предстоятелей никто не снимал, постольку можно было бы ожидать от них еще хотя бы “патронажа”, в смысле самого общего руководства и контроля за оглашением и оглашающими в их церкви, а также эффективного использования ими их неотъемлемого права проповеди с амвона в целях сознательного соучастия как в общем оглашении ради “восполнения” таинства Просвещения всех членов церкви, так и в первоначальном оглашении тех, кто “случайно” или по разным иным и часто малоцерковным причинам слишком редко приходит в храм.

Это касается и традиционных возможностей, например проповедей в храме после всякого чтения Писания, особо на праздники, и нетрадиционных, например циклов проповедей за такими “новыми” богослужениями, как великопостные пассии (лучшие образцы их — известные огласительные проповеди на пассиях московского протоиерея Всеволода Шпиллера († 1984 г.) и протопресвитера Виталия Борового).

Кроме того, даже современный, почти всегда малоученый и почти совсем малоподготовленный к катехизации предстоятель церкви все же должен лучше других понимать, как много в его служении зависит от усвоения им основных принципов и методов катехизации. Поэтому именно ему более дру-

гих кандидатов в катехизаторы надо было бы в первую очередь умом и сердцем усвоить все главные различия в требованиях и подходах к полным и неполным членам Церкви, как в вопросах церковной этики и дисциплины, так и в вопросах, касающихся объемов раскрываемых тем и других фундаментальных истин веры и жизни.

24. Духовное служение *проповедников и евангелистов*, как и в древности, могут совершать все лаики — как “миряне”, так и церковно- или священнослужители.

При их подготовке и обучении служению катехизации естественно было бы ставить основной акцент на первые, особенно предогласительные его этапы. Однако при этом не надо забывать и обо всех остальных, ведь одно из главных свойств катехезы — систематичность, последовательность и духовная целостность. К тому же и проповедник или служитель Слова, взявшись за дело катехизации, т. е. за служение Слову, обязан сам довести это дело до конца, увидев плоды жизни и веры нового богопоклонника в Духе и Истине.

25. Что касается *церковных учителей*, то их служение в основном совпадает со служением катехизаторов и потому никаких особенностей не имеет.

Но их надо отличать от *учителей церкви*, которые могут в одном случае исполнять свое служение в церковном собрании, прежде всего в храме, а в другом — в христианской (богословской) школе, имеющей реальную возможность заниматься не столько огласительными (за исключением таинствосводственных), сколько общеподготовительными культурными, богословскими, научными, философскими и пастырскими вопросами.

Подготовка и обучение катехизации учителей церкви целиком зависит от того, кем является в церкви и для церкви такой учитель и какое в каждом конкретном случае он занимает место в процессе совершения таинства Просвещения. Их относительно других лучшее знание литургических таинств жизни Церкви и таинств ее веры, т. е. догматов, таит в себе, но только

теперь уже как бы с другого конца, те же опасности редукции, одностороннего усечения целостности катехезы, что и в случае, описанном выше, в п.24. Да и таинствоводство тоже не есть курс догматики и литургики и поэтому оно требует особой подготовки и обучения даже для учителей церкви.

26. Церковными учителями, прекрасными кандидатами в катехизаторы могут быть некоторые из многочисленных, официальных и неофициальных церковно- и священнослужителей, как правило, уже издревле несших это служение. Здесь имеются в виду *дьяконы, дьякониссы*, т. е. (при отсутствии теперь такого специального церковного чина) те женщины, которые способны нести это служение и часто уже так или иначе его несут, *иподьяконы*, которые должны помогать архиерею не только на службе, но и в служении, *чтецы, пономари, певцы* и т.п.

Все они как-то приобщены к служению Богу и церкви, но во многих отношениях они свободнее и динамичнее пастырей. В их служениях, как и в новом теперь для них служении катехизации, им надо лишь избегать ремесленничества и взгляда на свое служение в церкви как на работу (что относится и к некоторым пастырям), а на саму церковь — как на безликую и безразличную им массу “случайно” или “по нужде” заполняющих храм людей.

При подготовке и обучении служению катехизации их учителям нередко придется как следует поработать как в одном, так и в другом отношении. Эта подготовка может быть осложнена и тем, что “низшие” служители редко служат примером христианской веры и, тем более, благочестия. Сознание их приобщенности к церкви также может стать препятствием, поскольку им иногда кажется, что они, пусть часто и без хорошего специального образования, многое, если не все необходимое, уже познали так, что “могут и других научить”. Могут, конечно, у них возникнуть трудности и с сочетанием их служений, или с пониманием того, что катехизация как служение таинству Просвещения не тождественна духовной школе как служению христианскому просвещению, и т.д.

27. Подготовка и обучение всех катехизаторов в наше время, как никогда ранее, требует для них и от них особой *евангельской простоты и мудрости*.

В заключение же надо отметить современное пастырско-богословское *значение* всего катехизаторского делания и служения в нашей церкви. О нем нельзя сказать лучше, чем это уже сделал полвека назад о. Георгий Флоровский: “Отравлена, и взбудоражена, и надорвана русская душа. И эту душу, одержимую и зачарованную, растревоженную злым сомнением и обманом, исцелить и укрепить можно только в последнем напряжении огласительного подвига светом Христова разума, словом искренности и правды, словом Духа и силы... Наступает время, когда воистину *каждый* вопрос знания и жизни должен иметь и получать христианский ответ, должен быть включен в синтетическую ткань и полноту исповедания. Наступает время, когда богословие перестает быть личным или “частным делом”... Наступает время, и уже наступило, когда богословское молчание, или замешательство, сбивчивость или нечленораздельность в свидетельстве становится равнозначным измене и бегству от врага”* .

* [37], с. 516–517.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Хотя, в принципе, любой достойный епископ — тоже пресвитер (“старейшина” Церкви), а любой достойный пресвитер чаще всего реально исполняет также и епископские (“блустительские”) функции (ср. Деян 20:17,28, а также [17]), особенно если он благодатно предстоит на евхаристическом собрании своего прихода — тоже в известном смысле поместной Церкви — и совершает не только по букве, но и по Духу от ее имени и в ней “служение слова” и служение воцерковления нововеровавших.
- ² Сейчас структура церкви и форма организации церковной жизни не позволяют иметь у себя председателями “харизматиков”, хотя история церкви знает подобный опыт (в лице так называемых странствующих апостолов, пророков, может быть, древнейших церковных учителей и т.п.). В отличие от “должностных” служителей (каковыми реально стали почти все наши “иерархические” лица, все такие “харизматики” неформально, по Духу, а не по рабочей или ремесленной “должности”, могут *служить* Богу и Церкви в церкви тем даром (“харизмой”), который они для этого получили от Бога (см. 1 Пет 4:10) и который Церковь признает в них за таковой. Они не только имеют какой-либо дар (особую благодать) Духа Святого, который лишь изредка и спонтанно, как бы “сам”, прорывается в жизнь, но они целиком живут этим даром и непрерывно служат им, умножая свой талант и неся вместе с тем свой крест. Это легко представить себе, ибо можно иметь, например, подлинно пророческий дар, но при этом не быть в церкви пророком, т. е. не довести этот дар до совершенства и служения в *своей личности*. Известно, что до сих пор в нашей церкви есть *все* дары Святого Духа, но очевидно, что нет в ней *всех* служений (и служителей) в соответствии с каждым из них. Поэтому таинстводействий миропомазания сейчас никто из “харизматиков”, когда они и есть в Церкви, в церкви совершать не может.
- ³ См. [6], с. 70. Это одна из новых у нас публикаций этого памятника (в улучшенном переводе).
- ⁴ См. историю службы “Тритэкти”, например, в [21], с. 79.
- ⁵ Об этом *предстоянии* новопросвещенных великому алтарю тотчас по крещении см. [2], с. 321. Впрочем, со времени утверждения сорокадневного младенческого крещения вместо детского и перенесения понятия святых (царских, райских) врат с входных храмовых дверей на алтарные (ок. XI—XII вв.), вводят не в храм, не в церковь и не *пред* алтарь, а *в* алтарь (ставший теперь особым помещением — святилищем, которым прежде был весь храм,

в свою очередь ставший как бы продолжением притвора), да и то, как при обрезании, лишь лиц мужского пола.

Правда, вплоть до XVI века, т. е. до времени окончательного утверждения восьмидневного крещения, все-таки сохранялся обычай того же более раннего времени, требующий внесения в алтарь и обнесения трижды вокруг престола, причем иногда с прикладыванием к нему, “представляя Господу”, всех, независимо от пола, с той лишь разницей, что лица женского пола обносились и поклонялись престолу с трех сторон, а не с четырех (см. подробнее [11], с. 483–497, см. также [17], с. 32–33, 43).

⁶ Примером подобного слова может служить для случаев взросло-го крещения заметка С.И. Фуделя, см. [38].

⁷ Можно добавить из опыта, что ему более соответствует не “пустыня”, а время христианского научения, даже в так называемой “духовной школе” любого уровня.

⁸ Так произошло, видимо, из-за отсутствия многих ныне наиболее распространенных случаев (нет разделов о современных баптистах, пятидесятниках, адвентистах, меннонитах, иеговистах и таких нехристианских сектах и религиозных направлениях, как буддизм, индуизм, йога, теософия, антропософия со многими их разновидностями и т.д.), а также из-за происшедших с начала века крупных изменений во взглядах друг на друга в богословском и каноническом аспектах, как следствии лучшего взаимопознания, приведшего к существенной поправке представлений о том, что нас разделяет и объединяет, а значит и о том, от чего, приходя в православие, надо отречься и что при этом надо принимать.

Большую роль в этом процессе сыграли не только современный экуменизм и изменение внешних обстоятельств жизни церкви, но и развивающийся процесс внутреннего различения в православном учении *догмата, теологумена и частного богословского мнения*, разрабатывавшегося еще проф. СПбДА В.В. Болотовым, а также более четкое и смелое различение *догматов и канонов*, со знанием их связи и развития, и более широкое и глубокое применение наряду с принципом *акривии*, прежде часто ведущим к редукции православного христианства и тем самым к православному конфессионализму, — принципа *икономии*.

⁹ “Благословен еси, Господи, от всех язык призываяй люди избранны, ревнители добрых дел. Ты и ныне пришедшего ко святей Твоей Церкви раба Твоего (*имя*) благослови: отвержи его очи душевныя к разумению чудес Твоего о нас промышления, открьй слух сердца его ко приятию божественных словес Твоих, да во время благоприятно сподобится бани возрождения и одежды нетления. Ты изъял еси душу сего раба Твоего от прелести лукавого: Сам убо сохрани ю невредиму от навет вражиих и обите-

лице благодати Твояе быти удостой. Твое бо есть, еже избавляти нас от козней лукавого, и Тебе славу и благодарение приносим, ныне и присно, и во веки веков. Аминь”.

- ¹⁰ При этом хорошо еще иметь в виду, что исторически молитва “третья” предназначалась для *взрослого* христианина, может быть крещеного еще в детстве, но теперь приходящего из язычества снова в церковь, а “четвертая” — для прочтения над *детьми*, практиковавшими язычество и ныне кающимися. Кроме того, древняя практика предполагала между “первой” и “второй” молитвами чтение трипсалмия (Пс. 50, 37, 102) — см. [14], с. 95.
- ¹¹ О чем до сих пор напоминает за литургией оглашаемых пение вместо Трисвятого крещального “Елицы во Христа”.
- ¹² К слову говоря, само следующее замечание Требника “На коем-ждо приглашении низводя его и возводя” — поздняя вставка (XI—XII вв. — см. [14], с. 63).
- ^{12a} Иногда не грех крестить “вновь” иного “православного”, даже сльвущего “батюшкой” или “старцем”, и не “перекрещивать” иного простеца — пятидесятника-единственника (унитария) или иеговиста.
- ¹³ Что происходило на фоне другого, еще более значительного сдвига в практике Византийской церкви. Святое миро, “это важное литургическое вещество, судя по Евхологию, употреблялось до IX века исключительно для помазания им новокрещенных. В IX веке оно будет употребляться и для примирения с Церковью христиан, отпавших от нее ... Еще позже, в XIII веке, св. миром будут помазываться самодержцы” (там же, с. 70).
- Интересно сравнить эту практику с практикой Западной церкви, отличающейся от Восточной в связи с перенесением на Западе акцента в осознании значения св. мира с единого экзистенциального богоявленного акта Возрождения всего человека сразу “от воды и Духа” на более частный момент познания человеком Св. Духа, причем сначала только как единого и единственного Его *дара*, а позже лишь как Его частных *даров*, в искажение столь чтимой на Западе “традиции апостольского возложения рук и самой Пятидесятницы” (там же, с. 61). Как пишет все тот же уважаемый нами за дерзновение, ученость и честность автор, сам католик-иезуит, “Римская Церковь ... всегда помазывала св. миром (*sanctum chrisma*) новокрещенных сразу после Крещения, и потом *второй раз (выделено мною — Авт.)* при Конфирмации ... Св. миром в Римской церкви мажутся также руки пресвитера и голова епископа при их рукоположении” (там же, с. 61–62).
- ¹⁴ Вопрос о том, кого по какому чину присоединять, остается довольно сложным. Если еще нередко в наши дни можно слышать споры даже о том, признавать ли, например, крещение католи-

ков, не говоря уже о баптистах и т.п. (см. гл. II, 2.8-9.), то тем более бывает трудно самому решить ряд более тонких и нетрадиционных вопросов о необходимости миропомазания, по существу так и остающихся в нашей церкви открытыми.

Это относится в первую очередь к неконфирмованным католикам, армянам, ассирийцам и т.п., при крещении которых всегда употреблялось и миро, но которые по старой традиции (а может быть, по старому заблуждению?) считались немиропомазанными (чему способствовала практика их церквей, не допускающая таковых своих членов до причастия).

Это относится и к целому ряду протестантских церквей и особенно к тем из них, которые непрерываемо сохранили истинное крещение, апостольскую преемственность епископата, литургию и являют благодать Святого Духа в святости своей духовной, церковной и личной жизни, каковы, например, некоторые лютеране, северные скандинавы, к которым относятся живущие и в нашей стране финны — члены этой церкви.

Это, может быть, относится даже к тем протестантам, которые многое, но отнюдь не все в католической традиции и апостольской преемственности не сохранили или переосмыслили и потому, в частности, при крещении не употребляют вещества мира, но которые в момент крещения молитвенно возлагают руки (или руку) на крещаемых, подтверждая после этого факт духовного рождения своих новых членов их свободной молитвой ко Отцу с благодарением Ему во Святом Духе за дар спасения, совершенного и для них Его едиnorodным Сыном Иисусом Христом — их Господом. Ведь даже в последнем случае нам трудно безоговорочно называть всех таких христиан не рожденными от Духа, “не миропомазанными”.

Уж так ли важны в Церкви традиционно конкретные “формы” и “формулы” таинств? Неужели в Церкви эти таинства, совершившись, не могут быть явлены и объявлены и иначе? Если же — в некоторых, близких к данному, случаях — могут, тогда наше обычное требование к таким христианам о их миропомазании должно быть просто требованием “восполнения” таинства с помощью установленной (признаваемой) церковным преданием той или иной “формы”-чина, наподобие требования крещения, предъявляемого, например, к квакерам (см. там же и гл. V, 9).

¹⁵ Если таких желающих несколько, то хорошо познакомить их друг с другом, попросив для начала, например, рассказать о себе, разумеется, не столько во внешне-биографическом, сколько во внутренне-духовном аспекте, и в свою очередь ответив на имеющиеся у них вопросы.

¹⁶ То есть сознавшего себя верующим: во Единого Живого Творца мира и человека — Бога, и в Помазанника Духом Божиим —

- Иисуса, воскрешенного Богом и соделанного Им Спасителем и Судией всего мира (см. Деян 5:30-31).
- ¹⁷ Иногда на практике из-за недостатка времени и церковных сил 1-е оглашение взрослых идет, к сожалению, параллельно со 2-м почти до самого Крещения, а подчас, увы, и далее. Это значит, что в таких случаях до Крещения церковью допускается не только к нему не подготовленный и не вполне наученный, но к нему Церковью еще и не избранный...
- ¹⁸ Во Единого Святого Живого Бога — нашего Небесного (Духовного) Отца и Творца всего мира материального, душевного и духовного; и в Превечное Живое Творческое Премудрое и Единородное Слово (Лόγος) Его, Духом и Силой Божией (см. Деян 10:38) явившееся в мир и воплотившееся в Сыне Человеческом — Родившемся от целомудренной жены (см. Гал 4:4), девы Марии (Мариам), и Распятом по зависти и неприятию, но Воскресшем по Любви и Единству со Отцом, Иисусе (Иешу́а) из Назарета, Который был Божьим Пророком, сильным в деле и слове (см. Лк 24:19), и Божьим Сыном-Помазанником (Машіах, Мессией-Христом), предвиденным древними пророками, и Который стал Судией всех живых и мертвых (см. Деян 10:42), и нашим Единым Господом-Освободителем от рабства миру сему, лежащему во зле (см. 1 Ин 5:19), и немощным и бедным вещественным началам мира (см. Гал 4:3,9), и Спасителем нашим, милосердно прощающим все грехи всем верующим, кающимся и крестящимся во имя Его (см. Деян 10:43; Мк 16:16); и в Животворящего и Пророчественного Святого Духа — Единого Утешителя (Пара́клита), Которого Господь вместо Себя посылает от Отца нашего в мир, как удостоверение будущей Полноты нашей вечной Жизни в Царстве Божьем Небесном, как Дар Своей единой святой, соборной (кафолической) и апостольской Церкви, т. е. миру Божьему, всем искренне любящим Его и истинно верующим в Него, а через Него, благодатью Божьей, — в Живого Личного Бога и способного к сообразованию с Богом и богоуподоблению всякого человека. (Ср. прим. 16).
- ¹⁹ Это часто бывает связано с психикой, но никогда не равно психической болезни (см. [25], предисловие, и гл. 4).
- ²⁰ Ср. Откр 3:19 — “Кого Я люблю, тех обличаю и наказываю. Итак, будь ревностен и покайся”. Между прочим, эти слова обращены к “теплохладным” лаодикийцам, которым дается совет купить *белую* одежду и отворить Тому, Кто “стоит у двери и стучит” в надежде войти и *вечерять* с ними. Воистину, здесь Покаяние как Крещение.
- ²¹ При этом уже не имеет значения, были ли они до начала этого оглашения верующими и церковными, и лишь в связи с наступлением времени кризиса — перехода от “детской веры” ко

“взрослой”, зрелой, без чего не обходится ни один верующий с детства и даже хорошо воспитывающийся в вере человек, — пришли ныне к необходимости “научения вере”, т. е. проверки своей зрелости через впервые вполне сознательное и личностно-самостоятельное, “взрослое” приготовление и участие в таинствах; или же, несмотря на когда-то и почему-то происшедшее крещение, они не были ни верующими, ни церковными, и их обращение с покаянием и первой исповедью, за всю жизнь, а при необходимости, “второе” миропомазание, согласно 87–88 (или 89) главам Большого требника, и первое причастие, с соответствующей подготовкой-оглашением является по существу еще только их первоначальным вступлением в Церковь, их Воцерковлением.

- ²² А не вообще какие-либо согрешения, которые совершаются нами, увы, ежедневно и ежечасно и которые смываются в самом Причастии, преподаваемом и принимаемом, как известно, “во оставление грехов и в Жизнь вечную”.
- ²³ Есть в догматах и все другие элементы “нормали” таинств: воззвание к Богу, обычно по соборной формуле “изволися Духу Святому и нам”; обращенное назад соответствующее “вспоминание” близких прецедентов и текстов; “прошение” о ком-то или о чем-то, обычно об откровении Истины и покаянии непокорных, ответ Божий и “благодарение” (Евхаристия) за откровение этой Истины, выраженной данным догматом. Обычно догмат сразу объявляется как истинный, хотя и нуждается еще, как и таинство, в согласии с ним и принятии его всею Церковью, что также не происходит автоматически и магически, *ex ore operato*. Догмат, как и таинство, может быть всегда только плодом жизни, служения и веры всей Церкви.
- ²⁴ Только вместо слов “таинство” и “догмат” употреблено понятие “освящение”, или, что то же, “обновление”, которое отражает их действительное осуществление в духе, душе и теле верных.
- ²⁵ При разговоре о возрастных различиях, может быть, важнее “внутренний” возраст, который также надо всегда по возможности учитывать.
- ²⁶ Поэтому неудивительно, что посещение больных изначально рассматривалось Церковью как одно из универсальных евангельских требований, которое распространялось и на оглашаемых. Так, согласно св. Ипполиту Римскому († ок. 215 г.), одним из вопросов, выяснявшихся у готовящихся ко Крещению, был вопрос об участии их в служении больным: “Когда будут определены намеревающиеся принять крещение, пусть исследуется их жизнь: жили ли они честно, пока были оглашаемыми, почитали ли вдов, посещали ли они больных, совершали ли добрые дела” ([5], с. 288).

- 27 “Пастырь всегда должен быть готовым видеть в человеке возможность разных противоречий. Человек — это загадка, иероглиф, который требует своего внимательного наблюдения и который не так-то легко может быть расшифрован”, — пишет проф.-архим. Киприан (Керн) в [23], с. 240.
- 28 А если и не буквально сам, и не очень осознанно, то и тогда еще не беда, ведь к минимуму личной сознательности в этом решении, лишь при условии свободного исповедания им веры в Бога и Сына Божьего Иисуса Христа, можно привести его усилием первой же встречи и беседы-общения, не прибегая, конечно, при этом ни к какому обману и давлению, а тем более насилию.
- 29 “Знакомство с научными данными делает пастыря более осторожным в своих нравственных оценках. Многое узнав, он не будет делать ложных шагов и давать поспешные советы в случаях сомнительных и тревожных”, — пишет тот же о. Киприан (Керн) (см. там же, с. 251).
- 30 При этом с самого больного, пока он лишь подходит к вере, нельзя требовать никакой молитвы. Вера является необходимым условием положительного результата молитвы, но и она совершенствуется и крепнет в процессе молитвы (см. [12], с. 40).
В связи с этим еще надо помнить меткое, смелое и очень верное замечание св. Иоанна Сергиева Кронштадтского о духовном состоянии больных. Он пишет: “В болезни и, вообще, в немощи телесной, равно как и в скорби, человек поначалу не может гореть к Богу верою и любовью, потому что в скорби и в болезни сердце болит, а вера и любовь требует здравого сердца, покойного сердца; поэтому и не надо очень скорбеть о том, что в болезни и в скорби мы не можем, как бы следовало, веровать в Бога, любить Его и усердно молиться Ему. Всею время. Иногда и молиться не благоприятное время” ([7], с. 82). Это надо учитывать при катехизации любого рода больных и страждущих.
- 31 По справедливому замечанию архим. Киприана (Керна) “пастырь не должен создавать у больного механического, магического представления о Боге. Речь должна идти не о том, что Бог может сделать то, что не может сделать самый лучший врач, а о том, что Бог всегда с нами, в выздоровлении и в смерти” (цит. соч., с. 157).
- 32 “Разнообразны случаи обращения неверующих к живой вере и молитве, — пишет митрополит Антоний (Храповицкий) в своей книге “Учение о пастыре, пастве и об исповеди”, — но редко они являются плодом постепенного опровержения всех воспринятых ими возражений против бытия Божия или бессмертия души... Ясно, что неверие только подпиралось ими, а исходило от озлобления или непокорства...” ([13], с. 326).

³³ Архиепископ Костромской Платон в своей книге “Напоминание священнику об его обязанностях при совершении таинства покаяния” пишет: “Дело попечения о больных и умирающих требует от пастыря многой любви, терпения, благоразумия и мужества духа, чтобы он мог сказать только то, что нужно и как нужно, чтобы расположить к себе больного, утешить его, тронуть, обратиться к Богу, одним словом, чтобы сделать в несколько часов то, на что больной должен был употребить всю свою жизнь” ([29], с. 256).

³⁴ Интересно, что Ф.М. Достоевский, который, как известно, был гениальным писателем “не благодаря, а вопреки” своей психической болезни (см. [25], с. 57), считал, что “эта черта свойственна человеческой природе вообще. Человек может, конечно, век двояться и, конечно, будет при этом страдать... надо найти в себе исход в какой-то деятельности, способной дать пищу духу, утолить жажду его... Я имею у себя всегда готовую писательскую деятельность...” (из письма, написанного незадолго до смерти, цит. по [25], с. 64).

Это — удивительно точная и трезвенная оценка, и вначале, когда Достоевский видит духовно падшую, и потом бесноватую, человеческую природу, и потом, когда предвидит пути ее восстановления, искупления, спасения и оправдания преображающим человеческое существование творческим духом в Духе. Не то же ли самое можно увидеть и сказать в отношении всех остальных “бесов”?

³⁵ Контакт с больными часто помогал пастырям выделять болезни духовные, когда пастырь сам мог оказывать помощь, и душевные, когда требовалась компетентность врача-специалиста. В 1920-е годы старец архим. Георгий из Даниловского монастыря очень четко различал эти болезни и одним говорил: “Ты, деточка, иди к врачу”, а другим: “Тебе у врача делать нечего”. Бывали случаи, когда старец, наладив духовную жизнь, рекомендовал сходить к психиатру, или наоборот, брал от психиатра людей к себе на духовное лечение (см. [25], предисловие, с. 5 ркп).

По поводу того же различия духовного и душевного сам проф. Мелехов писал, что этап установления “духовного диагноза” — момент очень ответственный. Заключается он в определении духовного уровня, которого достиг человек, выяснении глубоко скрытого в тайниках души его отношения к Богу и ко греху, а также его способности сопротивляться силе греха. По его мнению, именно здесь необходима компетентность опытного духовника (для нас же здесь важно вспомнить, что эту функцию издревле в Церкви выполняли еще поручители и катехизаторы), особый духовный дар (харизма) как присущая ему способность духовной прозорливости, или как результат обобщения духовного опыта, который апостол Павел называл “различением духов” (1 Кор 12:10) (см. там же, с. 26).

³⁶ См. [25], с. 4–73, ркп. Ныне в МВПХШ вышли еще два издания этой книги. Кроме того, можно еще воспользоваться кандидатской диссертацией дьяк. (а ныне — прот.) Александра Андросова (см. [12]), где хорошо обработан и представлен материал работы Мелехова.

³⁷ На примере болезни Ф.М. Достоевского в полной мере может быть показано “значение борьбы за сохранение критического отношения к болезни духовного ядра личности и глубины покаяния. “Пока это у больного не исчезает, — пишет Мелехов, — можно говорить о духовном здоровье. Человек духовно здоров даже при наличии душевной болезни, если она не мешает ему сохранять основные признаки “духа в человеке” (по еп. Феофану Затворнику): 1) жажду Бога, поиск и стремление к Нему; 2) благоговение и страх Божий; 3) совесть, приводящую человека к покаянию (см. [8], с. 32–33). При этих условиях болезнь душевная, даже и врываясь в область духовных переживаний, может сохранить больного от ложной мистики, от бреда, от прелести” ([25], с. 71).

Пастырь или его помощники должны помочь человеку “найти глубину покаяния, правильное отношение к своему греху и к своему бессмертному человеческому достоинству, которое подвергается таким драматическим испытаниям” (там же, с. 65–66).

³⁸ Как близко этому православному антропологическому опыту высказывание современного немецкого католического богослова и философа-персоналиста Романо Гвардини (1885–1968), как нам кажется, блестяще выразившего то же, лишь на другом языке. Он писал: “В чем состоит решающий факт бытия человека? В том, что он — лицо. Что он окликнут Богом; поскольку способен отвечать за себя и из внутренней силы почина участвовать в действительности. Единственно этот факт делает человека человеком” ([19], с. 199).

³⁹ Что означает — “по своему образу и подобию”, т. е. пантеистически и (или) субъективно-психологически, что очень симпатично современному человеку раздробленной и объективированной “индустриальной” массовой культуры, а также — индивидуально познаваемо и обозримо, в меру разнообразно, спекулятивно и конкретно, а следовательно, и практически достижимо своими руками, своей волей, головой и чувствами, что симпатично ему в меньшей степени.

Эти симпатии оказались на стороне “востока” еще из-за очевидного провала всей когда-то глубокой и богатой аскетической традиции христианства, а также из-за клерикализма, подавляющего личную инициативу и ответственную деятельность большинства христиан.

⁴⁰ Вспомним, что когда-то Просвещение и Крещение были синонимами и включали в себя вместе с таинством Слова, сразу все

эти четыре литургических таинства, что и сохранил наш Никео-Цареградский Символ веры.

Из этого следует, что все остальные церковные таинства, сколько бы их ни было, вторичны по отношению к таинству Просвещения, и значит, таинству Спасения и Преображения мира и человека Богом во Христе Святым Духом.

- ⁴¹ Но при этом должно быть ясно, откуда появляется и реальная множественность соответствующих сакраментальных *актов* в таких *процессах*, как совершенствующее человека изменение его жизни (покаяние) и приобщение Богу через Христа (причащение).

Эти процессы отличны от Крещения и Миропомазания, более устремленных в эсхатологическое будущее. Они разворачиваются в историческом времени конкретной жизни человека в рамках освящающего его “совершения (т. е. совершенствования) своего спасения”. Конечно, это так лишь при условии несовершенства человеком сознательно-произвольных, т. е. нарушающих крещальное “обещание Богу доброй совести”, “смертных грехов”, удаляющих его от Бога и Церкви и прерывающих или страшно деформирующих сами эти процессы. (О произвольных грехах как “смертных” см. Евр 10:26-27: “Если мы, получив познание Истины, произвольно грешим, то не остается более жертвы за грехи, но некое страшное ожидание Суда, и ярость огня, готового пожрать противников”.)

- ⁴² На практике еще существует множество ничем не оправданных чрезвычайных случаев церковной безалаберности и безответственности, граничащей с профанацией таинств и сакраментальным преступлением. Подобно “причащению” с чисто формальной “исповедью” и без какого-либо покаяния, или “венчанию” просто некрещеных или немиропомазанных, встречаются случаи “крещения” без какого-либо духовного рассуждения, дважды, трижды и более, “крещения” только за деньги, которые или корыстно берут с крещаемых или им сердобольно дают, лишь бы согласились креститься, “крещения” по чистому недоразумению, чаще всего без малейшего понятия о том, что происходит, по грубому суеверию, например, по принципу “чтобы здоровеньким был”, по националистическим и прямо бытовым соображениям, с подставными крестными и т.п. Также нередки случаи “церковного крещения” людей открыто неверующих или сознательно исповедующих нехристианскую веру и, в то же время, неоправданного “перекрещивания” верующих и крещеных неправославных братьев и сестер, пришедших к православию, и т.д. Но эта проблематика касается, главным образом, вопросов фактического состояния нашей церковной жизни и общей формы организации самой Православной церкви, выходящих далеко за рамки нашей работы и поэтому здесь почти не рассматриваемых.

- ⁴³ А Церковь никогда не может признавать бездуховное и бесплодное крещение своим, т. е. подлинным таинством Крещения, даже если оно совершалось ее истинным представителем с соблюдением всех основных внешних формул и правил, ведь Церковь не исчерпывается своим плотским, внешним и формальным аспектом, тем более, что сами ее мистические, сакраментальные (мистериальные) и канонические (юридические) границы могут не вполне совпадать.
- ⁴⁴ В нашей стране к ним принято относить общины или группы христоверов (хлыстов), духоборов, молокан, скопцов, субботников, толстовцев, трезвенников и др. При их воцерковлении следует быть очень внимательным и рассудительным, ибо часть из них может приниматься не через Крещение, а через Миропомазание или специальные формы “восполнения” таинства, может быть включающие крещение только в этом качестве (см. в основном тексте ниже, п. 8).
- ⁴⁵ Мы знаем, что любой смертный грех по своему определению духовно отлучает человека от полной причастности Богу и Церкви, почему за него, как находящегося вне Церкви, уже и нельзя *церковно-таинственно* молиться, как пишет св. ап. Иоанн Богослов в своем послании (1 Ин 5:16). Ради уврачевания именно таких грехов для христиан, не терявших внутренней, а также внешней (телом и душой) связи с Церковью, после долгих споров в церкви милосердно было допущено и введено *особое таинство Покаяния*, сравнимое со “вторым” обращением и воцерковлением, а следовательно, и “вторым” покаянием, крещением и миропомазанием.

Это таинство, как и любое другое в Церкви, требовало от кающегося и всей Церкви соответствующей подготовки. Оно совершалось над “согрешившим к смерти” только после исповедания (признания) им своего греха и исполнения назначенной ему и добровольно взятой на себя епитимьи. Оно с необходимостью предполагало испытательный срок и проверку “качества” плодов покаяния по духу и по делам кающегося.

В истории со временем это “второе” таинство Покаяния стало все чаще повторяться и даже вытеснять терявшее силу “первое”. Очевидно, что сейчас с таинством Покаяния в нашей церкви дело обстоит так же неблагоприятно, как и со всеми другими. “Второе” таинство Покаяния, более всего отраженное в нынешнем чине, ныне почти целиком вытеснено уже как бы “третьим” — наставлением к “совершению (т. е. совершенствованию) со страхом своего спасения”.

В связи с этим думается, что для исправления создавшегося ужасающего положения профанации таинства Покаяния оно должно быть, прежде всего, углублено и потому, с одной стороны, четко отграничено. Это значит, что оно не должно обус-

лавливаться вызванной развалом общинно-приходской жизни необходимостью каждый раз индивидуального “благословения на причастие” (которое, как правило, является в наше время лишь суррогатом церковного таинства Покаяния и “старческого” наставления и руководства духовной и даже прочей жизнью христиан, обреченных этим на постоянную роль начинающих “послушников”), а также в большой степени формального выделения собственно Церкви (“верующих”) из всей массы народа, по разным причинам посещающего храмы.

С другой стороны, таинство Покаяния в нашей церкви должно быть резко “расширено”, поскольку и оно, будучи подлинно литургичным, есть служение и дело всех в Церкви, без чего оно по меньшей мере “неполно” и, следовательно, требует того или иного своего церковного “восполнения”.

Таинство Покаяния должно быть вновь приближено по сути и, вероятно, даже по форме ко “второму” и, что еще важнее, к “первому”. “Второе” же может быть приближено даже к *монашескому постригу*, ибо то и другое не может быть частным и частым (в “идеале”, уподобляясь “иноческому” посвящению еще в Крещении, не более одного раза в христианской жизни человека — ср. соответствующие места в раннехристианской литературе II века).

Смертный грех — всегда “чрезвычайное происшествие” в местной церкви, он способен опустошить и разрушить ее, как и любую христианскую личность, он может, будучи смертным, убить навеки. Смертный грех — всегда вольный, ибо он неразрывно связан со свободой и волей человека, хотя, слава Богу, не всякий вольный грех — смертный (в отличие от сознательно произвольного и противящегося самой Вере и Любви к Богу и человеку, см. прим. 41).

⁴⁶ О случаях такой практики в истории неразделенной церкви см. [11], с. 322–349.

⁴⁷ Нечто подобное знает и история. Так, древняя Церковь безо всякого сомнения даже после истинно покаянного, но омывавшего лишь осознанные *грехи* человека, крещения Иоаннова крестила людей “еще раз” возрождающим, истинно омывающим *первородный грех* и все их личные грехи Крещением Христовым (Деян 19:1-7), разрушающим преграду между Богом и человеком и открывающим возможность принятия дара Духа Святого. Далее можно вспомнить чиноприем через “повторное” миропомазание по главе 89 (или 87–88) Большого требника, возникший в период выхода из иконоборческого кризиса, или историю “перекрещивания” всего народа в одном из районов Кавказа в период духовного упадка XVIII—XIX вв. по указу новопривывшего православного епископа (что повторилось в начале 90-х годов XX века в Грузии) и т.п.

- 48 Что надо отличать от тех же таинств, целиком, внутренне и внешне совершенных *харизматически* (но не магически!), когда требуется только их полное признание Церковью по “Духу и духу” и спасительным “плодам” вместе с признанием ею подлинной церковности личности харизматика.
- 49 “*Харизматическое*” Крещение (см. прим. 48) может вообще не иметь никакого определенного чина и состоять только в духовно-душевно-телесном “погружении” и “восстании” (воскресении) человека со Христом и во Христе по Вере и Любви к Богу и человеку. Если при этом Дух Святой обильно и истинно излился на крещаемых, что могут засвидетельствовать “двое-трое” подлинных членов Церкви, то уже не требуется никакого “восполнения” таинства Просвещения ни таинстводействием крещения, ни миропомазанием, ибо подлинное “харизматическое” Крещение может стать (хотя так или иначе может еще и не стать, см., например, Деян 10:44-48) полным таинством Просвещения.
- 50 Это не противоречит святости нашей Церкви, поскольку и оглашаемые — христиане, члены Церкви и среди них, просвещаемые, могут быть истинно великие святые, причем не обязательно лишь крещаемые своей кровью.
- 51 Ср. Откр 6:5-6, где “мера указывает на ограничение выдачи хлеба” ([1], с. 2256).
- 52 Так, св. Афанасий Александрийский, спрашивая: “Откуда узнаёт человек, что он крещен и получил Святого Духа, будучи младенцем?”, отвечает: “Пророк Исайя взывает к Богу: “Страха ради Твоего, Господи, во чреве прияхом, и поболехом, и родихом дух спасения”. Таким образом, как жена из движений младенца, находящегося в утробе ее, безошибочно узнаёт, что она зачала плод, так и душа истинного христианина не из слов родителей, но из дел и движений сердца, и особенно во время праздников, и просвещений, и причащения святого Тела и Крови Христовых, из радости, которую ощущает, узнаёт, что крещеный получил Святого Духа” (Послание к князю Антиоху, вопр. 2).
- Подобно св. Афанасию, бл. Иероним в исследовании, полезном всякому христианину, отвечая на вопрос: “Почему ты уверен, что ты подлинно крестился?”, говорит: “Я знаю это как бы из самого действия. Исайя глаголет: “Страха ради Твоего, Господи, во чреве прияхом, и поболехом, и родихом дух спасения Твоего” (26:18). Сим показывает он, что мы получили Духа Святого, быв просвещены Крещением. Бог говорит также через пророка о крещаемых: “Вселюся в них и похожду” (Лев 26:12; 2 Кор 6:16), и еще: “Излию от Духа Моего на всяку плоть” (Иоиль 2:28). Итак, те, кои в св. Крещении прияли Божественного Духа, *изнутри, из глубины сердца своего движениями, и возбуждениями, и действиями и, так сказать, възгораниями благодати Его в сердце своем, удо-*

стоверяются, что они крещены. Ибо ни один некрещеный человек никогда на земле не имеет такого обилия и ощущения, хотя бы он сохранял все заповеди и оправдания Божии, а только те, кои от воды и Духа прияли благодать и сохраняют ее чистою и неоскверненною. Как женщина, имеющая во чреве, чувствует движение младенца внутри себя, так и крещенные, из радости и веселия, и взыграния в сердце своем познают, что в них живет Дух Божий, Которого они получили в Крещении. О сей-то благодати св. Крещения Христос сказал: “Царствие Божие внутрь вас есть” (Лк 17:21)” (выделено мною — Авт.; цит. по [22], с. 103–104).

⁵³ Во избежание недоразумений приводим контекст этих слов великого каппадокийца: “...должно, думаю, обращать внимание и на то, что после сего и что оставляют в небрежении многие из приступающих к благодати Крещения, себя самих вводя в обман и почитаясь только возрожденными, а не действительно таковыми делаясь. Ибо возрождением совершаемое перетворение нашей жизни не будет перетворением, если останемся в том же состоянии, в каком и теперь. ...

Итак, если по слову пророка, измывшись в сей таинственной бане, стали мы чисты произволениями, смыв лукавства “от душ” (Ис 1:16), то соделались лучшими и перетворились в лучшее. Если же баня послужила телу, а душа не свергла с себя страстных нечистот, напротив того, жизнь по тайнодействию сходна с жизнью до тайнодействия, то хотя смело будет сказать, однако же скажу и не откажусь, что для таких вода остается водою, потому что в рождаемом нимало не оказывается дара Святого Духа, когда не только гнусная раздражительность, страсть любостыжательности, распутные и непристойные мысли, надменность, зависть, гордыня служат поруганием Божия образа, но у него и прибывки неправды остаются, и прелюбодееянием приобретенная жена даже после сего продолжает служить его сладострастию. ... Что говорили о нем до крещения, то же самое говорят и теперь, теми же называют именами, — корыстолюбцем, падким на чужое, радующимся человеческой беде! ...

По каким признакам познаём Бога, теми же признаками и соделавшемуся сыном Божиим надлежит доказывать свойство свое с Богом. Он — “открывает руку и насыщает все живущее по благоволению” (Пс 144:16), прощает беззакония (Мих 7:18), раскаивается о зле (Ион 3:10), “благ Господь ко всем” (Пс 144:9), “не наводящий гнев на всякий день” (Пс 7:12), “праведен Господь Бог и нет неправды в Нем” (Пс 91:16), и все подобное тому, что дознаём о Боге из различных мест Писания. Если ты таков же, то действительно соделался чадом Божиим. А если остаешься с прежними признаками порока, то напрасно разглашаешь о своем рождении свыше. Пророчество скажет тебе, что ты сын человеческий, а не сын Вышнего, “любишь суету, ищешь лжи” (Пс 4:3). Не знаешь разве, что человек не иначе делается сыном

Божшим, как только когда делается святым?» ([3], с. 106–109; *выделено мною — Авт.*).

Подобные места можно найти и у других святых отцов, особенно склонных к мистической глубине, например, в гимнах святого Симеона Нового Богослова (949–1022), как, впрочем, и у великого иерусалимского катехета святого Кирилла, говорившего оглашаемым о возможности того, что *“вода тебя примет, а Дух — нет”*.

- 54 Отсюда можно сделать вывод, что, например, протестанты или часть из них *в принципе* могут знать эту личную Пятидесятницу, как и иметь подобным образом в некоторых их церквях истинную апостольскую преемственность и, следовательно, возможность совершать все церковные таинства. Если это на самом деле так, то вселенская Церковь *может* это увидеть и, увидев, согласно признать, тем самым безусловно открыв свободный путь к восстановлению с ними евхаристического общения. По аналогии будет понятно, что возможен и обратный случай, когда, например, некоторые внешне православные люди могут оказаться вне личной Пятидесятницы, а некоторые поместные церкви (или приходы) и без полноты апостольского преемства.
- 55 В гонениях сер. III века основной удар был нанесен епископату, в связи с чем для нормализации церковной жизни в отсутствие епископа большую часть его традиционных функций должны были принять на себя пресвитеры и другие служители.
- 56 Таким образом, лишь только за патриархом в нашей церкви фактически признается полнота личной преемственности от апостолов (как не вспомнить здесь про папу в Римско-католической церкви), но даже и он ее полностью не реализует, ибо сам, будучи “монахом”, как правило, таинстводействий миропомазания не совершает, так же как обычно и не использует формально сохраненного за епископами права совершать его через руковоложение. Выходит, что и не с кого спрашивать полноту духовной ответственности в церкви, которой не осталось никакой возможности проявить себя. Может быть, поэтому, действительно, так редки в наши дни личные Пятидесятницы, связываемые с таинстводействиями миропомазания?
- 57 См., например, [20].
- 58 См. св. Елифанний Кипрский. Ересь Керинфа, 28, п. 6; свт. Василий Великий. Письмо 261 к супруге военачальника Аринфея. (См. [22], с. 85).
- 59 Конечно, это не значит, что полнота церковной ответственности за подготовку и научение просвещаемых лежит только на катехизаторах. Все в Церкви и всё в ней, т. е. весь строй церковной жизни, должны способствовать этому Божьему делу. Но делать

“от человек” само дело и отвечать за него перед Богом и Церковью в первую очередь должны именно катехизаторы.

- ⁶⁰ Об этих понятиях в их единстве и различии см. [9], с. 371–397. Из этого же текста станет ясно, почему всестороннее “наблюдение” эмпирической жизни становится особенно важным при миссионерской проповеди и 1-м оглашении, “усматривание” (умозрение) ее самозамкнутой структуры (эйдоса) — при 2-м оглашении, а объективное “созерцание” самосущего бытия — при таинствоводстве и в христианской “школе”.
- ⁶¹ Традиционно, еще со времен Ветхого Завета и земной жизни Господа считается, что такой зрелости человек достигает лишь к тридцати годам своей жизни, что, как известно, и отразилось на определении церковью минимального канонического возраста своих священнослужителей. Если полного Просвещения человек достигал к 20 годам, то начать свое служение в Церкви он мог в качестве иподиакона примерно с того же возраста, диакона — с 25 лет, а пресвитера и учителя — с 30 лет (см. IV Всел. соб. 14–15, Неок. 11).
- ⁶² Сама возможность этому служению *научить*, подготовить к нему чуть ли не всякого христианина — одна из важнейших особенностей катехизационного служения.
- ⁶³ Которые в греческой церкви до сих пор иногда называются “катехуменами” (см. “Новый энциклопедический словарь” Брокгауза и Ефрона, ст. “Катехумены”).
- ⁶⁴ Например, по спискам рекомендуемой литературы, в частности, спискам художественной литературы проповедническо-огласительного и духовного содержания и значения или литературы для подготовки и научения катехизаторов (см. приложение 3 в [45]). Вспомним, что есть и классические святоотеческие сочинения по методике катехизации, например, некоторые главы в трактате “Об обучении оглашаемых” бл. Августина (см. “Богословские труды”, № 15).
- ⁶⁵ Например, по нашим “Катехизисам” для катехизаторов и для оглашаемых (ныне готовятся к печати). Классическими святоотеческими памятниками катехизации, как известно, являются предогласительные, огласительные и тайноводственные беседы свт. Кирилла Иерусалимского, а также недавно открытые “Огласительные слова” свт. Иоанна Златоуста (см. [4]).
- ⁶⁶ Хорошо также, хотя это и не обязательно, чтобы они еще как-то пересекались в своих интересах и быте, работали бы или жили вместе, или неподалеку друг от друга, так чтобы “быть на глазах” друг у друга и, будучи близкими “друзьями дома” или кровными родственниками, иметь реальную возможность друг другу помогать, причем не только в делах духовных.

- ⁶⁷ В связи с этим стоит вспомнить о том, что избрание крестных не есть лишь “личное дело” одних родителей, что в наше время помогать им в этом деле, участвовать в нем должна и церковь в лице своей иерархии и катехизаторов. Прот. Александр Шеман предлагал даже ввести практику “назначения” одного из двух крестных священником (см. [43], с. 211–212). Однако, на наш взгляд, это вряд ли может стать выходом из создавшегося положения формализации института крестных даже в относительно малых церквях, так как они все равно не живут общинной жизнью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового Завета. В рус. пер. с приложениями. Брюссель, Жизнь с Богом, 1983 (1989).
2. *Св. Григорий Богослов*. Слово 40 на св. Крещение. Творения. Т.3. М., 1844. (Собрание творений в 2-х томах. Св.-Троицкая Сергиева лавра, 1994.)
3. *Св. Григорий Нисский*. Большое огласительное слово. Творения. Т.4. М., 1862.
4. *Св. Иоанн Златоуст*. Поучительные беседы к намеревающимся принять просвещение и к новопросвещенным // Журнал Московской Патриархии:
 Поучение первое. 1972, № 4.
 Слово второе. 1972, № 5.
 Третья беседа к новопросвещенным и слово четвертое. 1972, № 9.
 Слово пятое. 1972, № 11.
 Слово шестое. 1972, № 12.
 Слово седьмое. 1973, № 2.
 Слово восьмое. 1973, № 3.
5. *Св. Ипполит Римский*. Апостольское предание // Богословские труды, № 5.
6. Учение двенадцати апостолов // Журнал Московской Патриархии. 1975, № 11. (Ранние отцы церкви: антология. Брюссель, Жизнь с Богом, 1988; Писания мужей апостольских. Рига, Латв. Библейское общество, 1992.)
7. *Прот. Иоанн Ильич Сергиев*. Моя жизнь во Христе. Т.2. М., 1894. (Балто-славянское общество культурного развития и сотрудничества – МИИП Внешторгиздат “Дейта-Пресс”, 1991; Полн. собр. соч. СПб, Изд. Л.С. Яковлевой, 1994.)
8. *Еп. Феофан*. Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться? М., 1914. (Л., СПб, 1991.)
9. *С.С. Аверинцев*. Предварительные заметки к изучению средневековой эстетики // Древнерусское искусство. Зарубежные связи. М., Наука, 1975.
10. *С.С. Аверинцев*. Школьная норма литературного творчества в составе византийской литературы // Проблемы литературной теории в Византии и латинском средневековье. М., Наука, 1986.
11. *А. Алмазов*. История чинопоследований крещения и миропомазания. Казань, 1884.

12. *Диакон Александр Андросов*. Пастырское душепопечение о больных и умирающих, согласно учению и практике Православной церкви. Ленинградская Духовная Академия, 1984 (ркп).
13. *Митр. Антоний (Храповицкий)*. Учение о пастыре, пастве и об исповеди. Н-Й., Изд. Сев.-Американской и Канадской епархии, 1966.
14. *Иером. Михаил (Арранц)*. Исторические заметки о чинопоследованиях таинств: по рукописям греческого Евхология. Рим, Ленинградская Духовная Академия, 1979.
15. *Прот. Н. Афанасьев*. Врата Церкви // Вестник русского христианского движения, Ч. 1, 1974, № 114. Ч. 2, 1975, № 115.
16. *Прот. Н. Афанасьев*. Служение мирян в Церкви. Ч. 1. Изд. религиозно-педагогического кабинета при Православном богословском институте в Париже, 1955. (М., Свято-Филаретовская московская высшая православно-христианская школа, 1995.)
17. *Прот. Н. Афанасьев*. Церковь Духа Святого. Париж, Утса-Press, 1971. (Рига, Балто-славянское общество культурного развития и сотрудничества, 1994.)
18. *Н.А. Бердяев*. Догматика и современное сознание. Предисловие 1911 г. к книге Э. Леруа “Догмат и критика”. М., Путь, 1915.
19. *Романо Гуардини*. Конец нового времени. Попытка найти свое место. Пер. с нем. С.С. Аверинцева // Современные концепции культурного кризиса на Западе: Реф. сб. АН СССР, ИНИОН, Ин-т философии. М., 1976 (Сер. Проблемы современной буржуазной культуры).
20. *Николай Герасимов (ныне — свящ. Георгий Кочетков)*. Вхождение в Церковь и исповедание Церкви в церкви // Вестник русского христианского движения, 1979, № 128.
21. *Борис Даниленко*. Таинство крещения. Оглашение как наставление в истинах христианской веры // Журнал Московской Патриархии, 1983, № 11.
22. *Прот. Г.С. Дебольский*. Попечение Православной церкви о спасении мира. 3-е изд., СПб, 1885. (Православная Церковь в ее таинствах, богослужении, обрядах и требах. М., Отчий дом, 1994.)
23. *Архим. Киприан (Керн)*. Православное пастырское служение. Париж, Изд. журнала “Вечное”, 1957. (Есть репринтное изд. московского Свято-Владимирского братства.)
24. *Элизабет Кюблер-Росс*. Интервью с умирающим. Штутгарт, 1976. Пер. с нем., Ленинградская духовная академия, 1984 (ркп).

25. Проф. Д.Е. Мелехов. Психиатрия и проблемы духовной жизни. М., 1979 (ркп). (Ж. "Синакс", 1992, № 1. М., Свято-Филаретовская московская высшая православно-христианская школа, 1997.)
26. Настольная книга священнослужителя. Т. 4. М., Изд. Московской Патриархии, 1983.
27. Общая психология: учебное пособие для студентов пед. ин-тов. Под ред. А.В. Петровского. М., Просвещение, 1986.
28. Памятная книжка для священника, или размышления о священнических обязанностях. М., 1860.
29. Архиеп. Костромской Платон (Фивейский). Напоминание священнику об его обязанностях при совершении таинства покаяния. Ч. 2, М., 1861.
30. Прот. Владимир Ригин. Таинство крещения. Молитва родителей о детях, умерших некрещеными // Журнал Московской Патриархии, 1983, № 10.
31. Прот. Владимир Ригин. Таинство крещения. Крещаемые и восприемники // Журнал Московской Патриархии, 1984, № 2.
32. Прот. Владимир Ригин. Таинство крещения. Освящение воды. Журнал Московской Патриархии, 1984, № 3.
33. Прот. Владимир Ригин. Таинство миропомазания. Молитвы на измовение святого мира // Журнал Московской Патриархии, 1984, № 11.
34. Архиеп. Пражский Сергей (Королев). О подвиге общения // Журнал Московской Патриархии, 1983, №3. (Журнал "Православная Община", 1994, № 2.)
35. Словарь библейского богословия. Под ред. К. Леон-Дюфура. Брюссель, Жизнь с Богом, 1974. (1990.)
36. Митр. Киевский и Галицкий Филарет. О решениях Второго предсоборного всеправославного совещания // Журнал Московской Патриархии, 1983, № 10.
37. Прот. Георгий Флоровский. Пути русского богословия. Париж, 1937. (Утса-Press, 1982. Вильнюс, 1991.)
38. С.И. Фудель. О крещении (приступающему к крещению) // О таинстве крещения. М., 1992.
39. Христианство и атеизм. Т.2: письмо № 53, М., 1983 (ркп). (Христианос: альманах. Рига, № II, III, IV.)
40. Чин соединения крещения с литургией. В ст.: прот. Г. Тельпис. Празднование юбилейной даты // Журнал Московской Патриархии, 1977, № 7.

-
41. *Прот. А. Шмеман*. Великий пост. Париж, Утса-Press, 1981. (1990; М., Московский рабочий, 1993.)
 42. *А. Schmetmann*. Of Water and the Spirit: a Liturgical Study of Baptism. London, СПСК, 1976.
 43. *Прот. А. Шмеман*. Водю и Духом. Париж, Утса-Press, 1986. (М., Гнозис-Паломник, 1993.)
 44. *Прот. А. Шмеман*. Евхаристия. Таинство Царства. Париж, Утса-Press, 1984. (М., Паломник, 1992.)
 45. *Свящ. Георгий Кочетков*. Возможная система оглашения в Русской православной церкви в современных условиях // Православная община, 1991, № 3. (Изд. 2-е, испр. М., МВПХШ, 1994; изд. 3-е, испр. и доп. М., МВПХШ, 1997.)

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вступление	3
-------------------------	----------

Глава I

ТАИНСТВОДЕЙСТВИЯ КРЕЩЕНИЯ И МИРОПОМАЗАНИЯ

1. Кто может совершать крещение и миропомазание 9
2. Чем совершаются крещение и миропомазание 11
3. Где можно совершать крещение и миропомазание 14
4. Когда лучше совершать крещение и миропомазание 15

Глава II

КАК СОВЕРШАТЬ ОТДЕЛЬНЫЕ ЧИНЫ

1. Чины 1-го, 8-го и 40-го дней по рождении человека 17
2. Чины 2-го оглашения, в том числе при присоединении к Православной церкви 25
3. Чины крещения, в том числе при присоединении к Православной церкви 39
4. Чины миропомазания, в том числе при присоединении к Православной церкви 51
5. Чины 8-го дня по крещению и миропомазании 60

Глава III

До и после СОВЕРШЕНИЯ ЧИНОВ

1. Предоглашение взрослых (миссия среди “ищущих” не-христиан) 65
2. 1-е оглашение (“слушающих”) – после первичного воцерковления, в том числе младенцев на 40-й день 72
3. 2-е оглашение (“просвещаемых”) – собственно научение “крещаемых”, или подготовка их к Крещению и Миропомазанию 84
4. Тайноводство, точнее, таинствоводство (“новокрещеных”, или “младенцев во Христе”) 94

Глава IV

ЧАСТНЫЕ СЛУЧАИ КРЕЩЕНИЯ И МИРОПОМАЗАНИЯ

И ПОДГОТОВКИ К НИМ

1. Возраст и пол просвещаемых 113
2. Аномалии и особенности душевно-физического состояния ... 134
3. Прочие существенные личные особенности крещаемых 145
4. Недостаточная степень научения и внутренней подготовки просвещаемых к таинству Крещения 161
5. Чрезвычайные обстоятельства:
необходимость “второго” крещения и миропомазания,
в т. ч. при крещении не епископами-пресвитерами,
другие случаи необходимости “восполнения” таинства,
существенный недостаток времени, “безъязычие” 163

Глава V

ОБЩИЕ ПАСТЫРСКО-БОГОСЛОВСКИЕ ПРИНЦИПЫ

И РЕКОМЕНДАЦИИ СОВЕРШАЮЩИМ КРЕЩЕНИЕ

И МИРОПОМАЗАНИЕ И ПОДГОТОВКУ К НИМ 187

Заключение

ПОДГОТОВКА И ОБУЧЕНИЕ КАТЕХИЗАТОРОВ 202

Примечания 221

Литература 238

ББК 87.8

Священник Георгий Кочетков
Тайнственное введение в православную катехетику.
Пастырско-богословские принципы и рекомендации
совершающим крещение и миропомазание и подготовку к ним.
Диссертация на степень maitrise de theologie

Свято-Филаретовская московская высшая
православно-христианская школа
ЛР № 030655 от 17.07.95 г.

Издание подготовили:
корректоры – Галина Скаткина,
свящ. Георгий Кочетков
обложка – Анна Данилевич
верстка – Марина Шишкова, Сергей Минов

Сдано в набор 23.09.97. Подписано в печать 20.03.98.
Формат 60×90/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 8,5.
Тираж 3000.